

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

No. 13

Saint Petersburg
2016

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 13

Санкт-Петербург
2016

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 13. 160 с.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9908534-1-6

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2016. No. 13. 160 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 13 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 13th issue of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» contains scholarly works reflecting the newest discoveries and studies in archaeology and ancient history. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557
ISBN 978-5-9908534-1-6

© Институт истории материальной культуры РАН, 2016
© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. Е. Щелинский.* Раннепалеолитическое местонахождение Родники 3 на Таманском полуострове (Южное Приазовье) 7
- В. И. Распопова.* Находки мустье в долине Зеравшана 23
- А. В. Колесник.* Технологический анализ кремневой индустрии неолитического местонахождения Выдыльха на Донбассе 28
- Е. М. Колтаков.* Лыжи в петроглифах Фенноскандии 46
- С. Н. Лисицын, В. Ю. Соболев.* Население эпох камня и палеометалла на севере Псковской области 56
- В. В. Потапов.* Маркеры памятников финала бронзового века от Северного Причерноморья до Алтая 68
- В. А. Горончаровский.* Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане: к интерпретации комплекса 90
- Р. В. Тихонов, А. Н. Горин.* Печать с городища Дабилькурган (Северная Бактрия) 102
- М. М. Савенкова.* О функциональном назначении «рогатых кирпичей» и грузиков «дьякова типа» 111
- С. В. Белецкий.* О печати № 2 Корпуса печатей древней Руси 123

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- М. Т. Кашиба.* Изучение культур энеолита — бронзового века Крыма в серийном сборнике «Древности степного Причерноморья и Крыма»/ «Старожитності степового Причорномор'я і Криму» 134

ХРОНИКА

- С. А. Васильев, А. А. Ситицын, А. А. Бессуднов.* Сунгирь и стрелецкая культура в контексте раннего верхнего палеолита Восточной Европы (рабочая встреча Комиссии по верхнему палеолиту Международного союза доисторических и протоисторических наук) 144
- В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев.* «Культура и искусство античного Причерноморья» — чтения, посвященные 130-летию выдающейся исследовательницы классических древностей М. И. Максимовой 147
- В. А. Алёкишин, А. Ю. Якубовский* — исследователь древних городов Центральной Азии 151
- Список сокращений 155
- Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН» № 13 . . . 158

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

- V. E. Shchelinsky.* Early Paleolithic site of Rodniki 3 on the Taman' peninsula (Southern Azov Sea region) 7
- V. I. Raspopova.* Mousterian finds from the Zeravshan valley 23
- A. V. Kolesnik.* Technological analysis of the flint industry from the Neolithic site of Vydylykha in Donbass 28
- E. M. Kolpakov.* Ski depictions in the petroglyphs of Fennoscandia 46
- S. N. Lisitsyn, V. Yu. Sobolev.* Stone and Early Metal Age populations in the north of the Pskov oblast 56
- V. V. Potapov.* Final Bronze Age site markers from the Northern Black Sea region to Altay 68
- V. A. Goroncharovsky.* An elite burial form the 6th Semibratniy tumulus: to the interpretation of the complex 90
- R. V. Tikhonov, A. N. Gorin.* A seal from the Dabilkurgan settlement (Northern Bactria) 102
- M. M. Savenkova.* On the functions of «horned bricks» and weights of the «Dyakovo type» 111
- S. V. Beletsky.* About seal No. 2 from the Corpus of Old Russian seals 123

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

- M. T. Kashuba.* Studies of the Eneolithic — Bronze Age cultures of Crimea in the series of volumes «The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea» . . . 134

CHRONICLE

- S. A. Vasiliev, A. A. Sinitsyn, A. A. Bessudnov.* Sungir and the Streletskaya culture in the context of the Early Upper Paleolithic of East Europe (working meeting of the Commission on the Upper Paleolithic of the International Union of Prehistoric and Protohistoric Sciences) 144
- V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.* «Culture and art of the Black Sea region in Classical Antiquity» — readings dedicated to the 130th birth anniversary of the outstanding researcher of classical antiquities M. I. Maksimova 147
- V. A. Alekshin.* A. Yu. Yakubovsky — explorer of the ancient towns of Central Asia . . 151
- List of abbreviations 155
- List of authors 158

СТАТЬИ

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ РОДНИКИ 3 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (ЮЖНОЕ ПРИАЗОВЬЕ)¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

Ключевые слова: *ранний плейстоцен, таманская индустрия, ранний ашель, местонахождение Родники 3, Приазовье, Южная Россия.*

Раннепалеолитические стоянки Таманского п-ова в Южном Приазовье по-прежнему привлекают внимание исследователей. Работами последних лет было установлено, что они имеют раннеплейстоценовый возраст. По материалам стоянок Родники 1, Родники 2 и Богатыри/Синяя Балка была выделена ранее неизвестная таманская раннепалеолитическая индустрия, существовавшая в интервале 1,2–1,6 млн л. н. Предварительно она была определена как архаичный ашель и переходная индустрия от олдована (мод 1) к раннему ашелю. В статье анализируются материалы нового раннепалеолитического местонахождения в Южном Приазовье Родники 3, чей возраст и каменный инвентарь аналогичны таманской раннепалеолитической индустрии (рис. 1–3). Новые данные позволяют пересмотреть культурно-стадиальный статус этой индустрии и отнести ее к раннему ашелю.

Введение

За последние годы в Южном Приазовье на Таманском п-ове проведены комплексные исследования трех раннепалеолитических стоянок — Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и Родники 2. Геологические условия, остатки крупных и мелких млекопитающих, палеомагнитные и палинологические данные этих стоянок однозначно указывают на их раннеплейстоценовый (эоплейстоценовый) возраст, определяемый в хронологическом диапазоне 1,2–1,6 млн л. н. (Щелинский 2014; Shchelinsky et al. 2010a; 2010b).

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00049а.

Каменные индустрии стоянок типичны для начальной поры раннего палеолита. Они базировались на местном сырье, каковым является окварцованный доломит миоценового возраста. Происходит он не из коренных выходов, отсутствующих в районе расположения стоянок, а из грязевулканических отложений (сопочной брекчии), широко развитых в округе. В настоящее время эта горная порода в виде остроугольных обломков различных форм (часто плитчатых) и размеров обильно представлена в глинистых грязевулканических отложениях, распространенных поблизости от стоянок. В таком же, но отсортированном виде это доломитовое сырье использовали и обитатели стоянок. Другие виды сырья отсутствовали в окрестностях стоянок.

Каменные индустрии всех трех стоянок по основным технологическим и типологическим характеристикам весьма сходны между собой и образуют одну индустрию, описанную под названием «таманская раннепалеолитическая индустрия» (Щелинский 2014; 2015). Эта индустрия существенно отличается, например, от индустрий территориально близких раннеплейстоценовых стоянок Кавказа, таких как Дманиси в Грузии или Мухкай 1 и 2, Айникаб 1 и 2 в Дагестане, определяемых как олдован (Амирханов 2007; Amirkhanov et al. 2014; Lumley et al. 2005; Mgeladze et al. 2010). Характерной особенностью таманской индустрии является относительная развитость технологии обработки камня, проявляющаяся в наличии в ней многочисленных и разнообразных мелких стандартизованных орудий на отщепах и расколотых кусках каменного сырья и макроорудий в виде крупных отщепов со следами использования, пиков и кливеров. Эти технологические и типологические признаки, несомненно, сближают ее с раннеашельскими индустриями (Щелинский 2014; 2015; Shchelinsky et al. 2016).

Продолжающиеся исследования других раннепалеолитических памятников на Таманском п-ове позволяют получить дополнительные сведения об этой своеобразной индустрии и уточнить ее культурно-стадиальный статус. Одним из новых раннепалеолитических памятников на Таманском п-ове является местонахождение Родники 3, открытое в 2007 г. и предварительно исследованное в 2009 г.

Геологические условия местонахождения Родники 3

Местонахождение Родники 3 было обнаружено в обнажении берегового склона, возникшем в результате оползня. Оно примыкает к стоянке Родники 1, но располагается почти на 10 м ниже нее (рис. 1, 1). Поэтому сначала возникло предположение, что мы имеем дело с обыкновенной осыпью под этой стоянкой. На это как будто указывал и неоднородный и явно переотложенный состав культуросодержащих отложений, просматривавшихся в обнажении.

Расчисткой длиной 10 м и высотой 4 м, поставленной на обнажении культуросодержащего слоя, был выявлен следующий разрез отложений (сверху вниз) (рис. 1, 2):

1. Современная почва. Суглинок темно-серый и черный, песчанистый. Нижний контакт отчетливый. Мощность — 0,1–0,2 м.

2. Суглинок бурый, рыхлый, песчанистый, пронизан корнями растений. В восточной части разреза включает в себя линзу беловато-желтого песка.

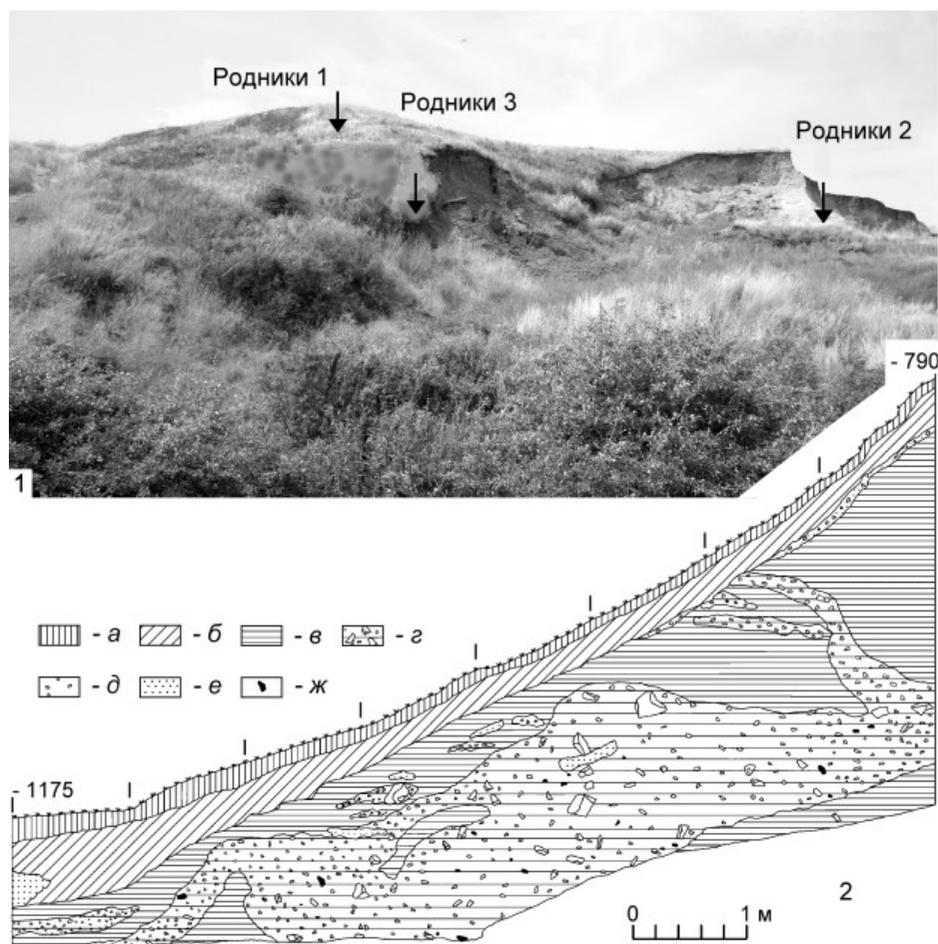

Рис. 1. Местонахождение Родники 3: 1 — расположение местонахождения, вид с северо-востока; 2 — расчистка 2009 г., разрез отложений: *а* — современная почва; *б* — суглинок бурый; *в* — глина серая (сопочная брекчия); *г* — неоднородная толща из щебня и глины (культуросодержащий слой); *д* — щебень с серовато-желтым песком; *е* — желтый песок; *ж* — каменные изделия

Fig. 1. Rodniki 3 site: 1 — location of the site, NE view; 2 — 2009 clearing area, cross section: *a* — modern soil; *b* — brown loam; *v* — gray clay (mud-volcano breccia); *g* — het-erogeneous layer of detritus and clay (artifact-bearing layer); *d* — detritus with gray-yellowish sand; *e* — yellow sand; *ж* — stone artifacts

Переход к нижележащему слою отчетливый. Толщина слоя увеличивается вниз по склону. Мощность — 0,3–0,6 м.

3. Щебень окатанный с серовато-желтым песком в качестве заполнителя. В виде тонкой прослойки прослеживается в западной части разреза. Мощность — 0,05–0,1 м.

4. Глина серая плотная, оскольчатой структуры с разрозненными остроугольными обломками доломита и раковинами водных моллюсков (сопочная брекчия). Толщина слоя неравномерная — от нескольких сантиметров до нескольких метров.

5. Неоднородная толща, состоящая из разноразмерного несортированного и хаотично залегающего слабо окатанного и не окатанного заметно выветрелого щебня доломита, смешанного с комковатой желтовато-серой глиной. Содержит единичные глыбы до 30–35 см в поперечнике и гальки доломита, короткие бесформенные линзы желтого песка с раковинным детритом и серой глины, окатыши глины того же цвета, многочисленные мелкие обломки раковин пресноводных моллюсков, главным образом дрейссен, реже унионид, а также хрупкие кусочки черного высохшего битума. Толща со всех сторон ограничена сопочной брекчией слоя 4 и залегает в них. Видимая мощность ее — около 2 м.

Эта толща отложений является культуросодержащей. В ней найдены довольно многочисленные каменные изделия и единичные обломки костей млекопитающих.

Таким образом, геологический контекст культуросодержащих отложений местонахождения, установленный расчисткой, свидетельствует, что они не являются осыпью расположенной выше по склону стоянки Родники 1 и не связаны с этой стоянкой. Установлено, что эти отложения залегают внутри массива древних грязевулканических глин, образуя в них своеобразное включение — крупный ксенолитический пакет. Он продолговатой формы с неровными краями, длиной около 9 м и толщиной около 3 м. Судя по всему, отложения этого пакета были отделены от места первоначального залегания в результате сильного извержения грязевого вулкана, а затем захвачены и перемещены грязевулканическим потоком. При этом первоначальная структура культуросодержащих отложений была разрушена.

Все это затрудняет геологическую датировку культуросодержащих отложений местонахождения. Тем не менее, этот вопрос частично решаем, если мы учтем особенности диспозиции ксенолитического пакета с культуросодержащими отложениями. Дело в том, что он связан с тем же массивом грязевулканических глин, что и сохранившаяся *in situ* и хорошо датированная по биостратиграфическим данным раннепалеолитическая стоянка Родники 1. Однако стоянка Родники 1, в отличие от местонахождения Родники 3, располагается поверх этих глин, служащих цоколем мощной субаквальной толщи раннеплейстоценовых апшеронских/гурийских отложений, включающей в основании культуросодержащий слой стоянки. В свою очередь, остатки мелких и крупных млекопитающих из культуросодержащего слоя стоянки позволяют датировать ее серединой раннего плейстоцена в интервале 1,4–1,6 млн л. н. (Shchelinsky et al. 2010a; 2010b). Тем самым можно утверждать, что местонахождение Родники 3 не моложе стоянки Родники 1 и, возможно, даже несколько древнее ее.

Распределение археологического материала

Археологический материал местонахождения состоит из каменных изделий и единичных обломков костей млекопитающих. Костные остатки неопределимы. Каменные изделия обнаружены во всей почти 3-метровой толще отложений ксенолитического пакета. Они залежали в смешанном субстрате из глины и щебня

хаотично, часто торчком или в круто наклонном положении и без сколько-нибудь выраженных скоплений (рис. 1, 2). Не вызывает сомнений, что они переотложены. Выяснить место их первоначального залегания не представляется возможным. По наличию линз песка и окатанного обломочного материала можно предполагать, что они залегали на берегу водного бассейна. В связи с этим остается открытым вопрос о гомогенности каменного инвентаря местонахождения. Однако, на мой взгляд, в нем нет артефактов, принципиально отличающихся от других, скажем, по сохранности или по технологическим признакам, и все они производят впечатление одновременных.

Каменный инвентарь

Расчисткой культуросодержащего слоя, обнажающегося в разрезе, получена коллекция каменных изделий из 132 предметов (рис. 2, 3).

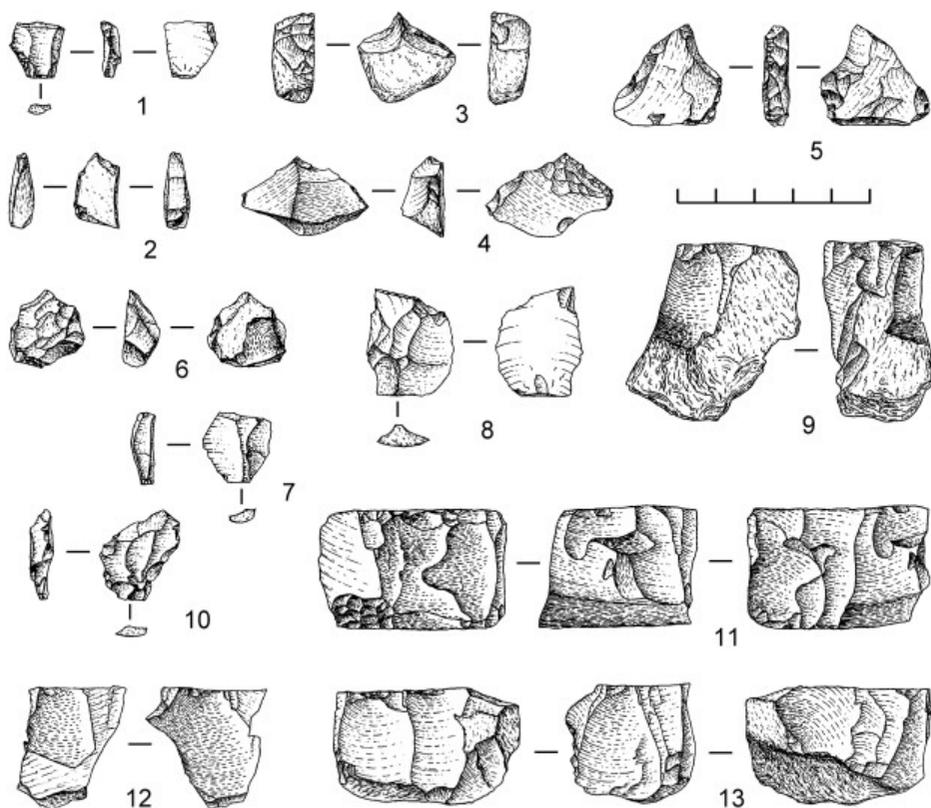

Рис. 2. Местонахождение Родники 3, изделия из окварцованного доломита: 1 — орудие с шипом; 2, 4, 5 — провертки/сверла; 3 — клювовидное орудие; 6 — мелкий частичный бифас; 7 — отщеп; 8 — орудие с резцовыми сколами; 9, 11–13 — нуклеусы; 10 — отщеп с ретушью

Fig. 2. Rodniki 3, artifacts of quartz bearing dolomite: 1 — tool with a thorn; 2, 4, 5 — borers; 3 — beak-shaped tool; 6 — small partial biface; 7 — flake; 8 — tool with burin facets; 9, 11–13 — cores; 10 — retouched flake

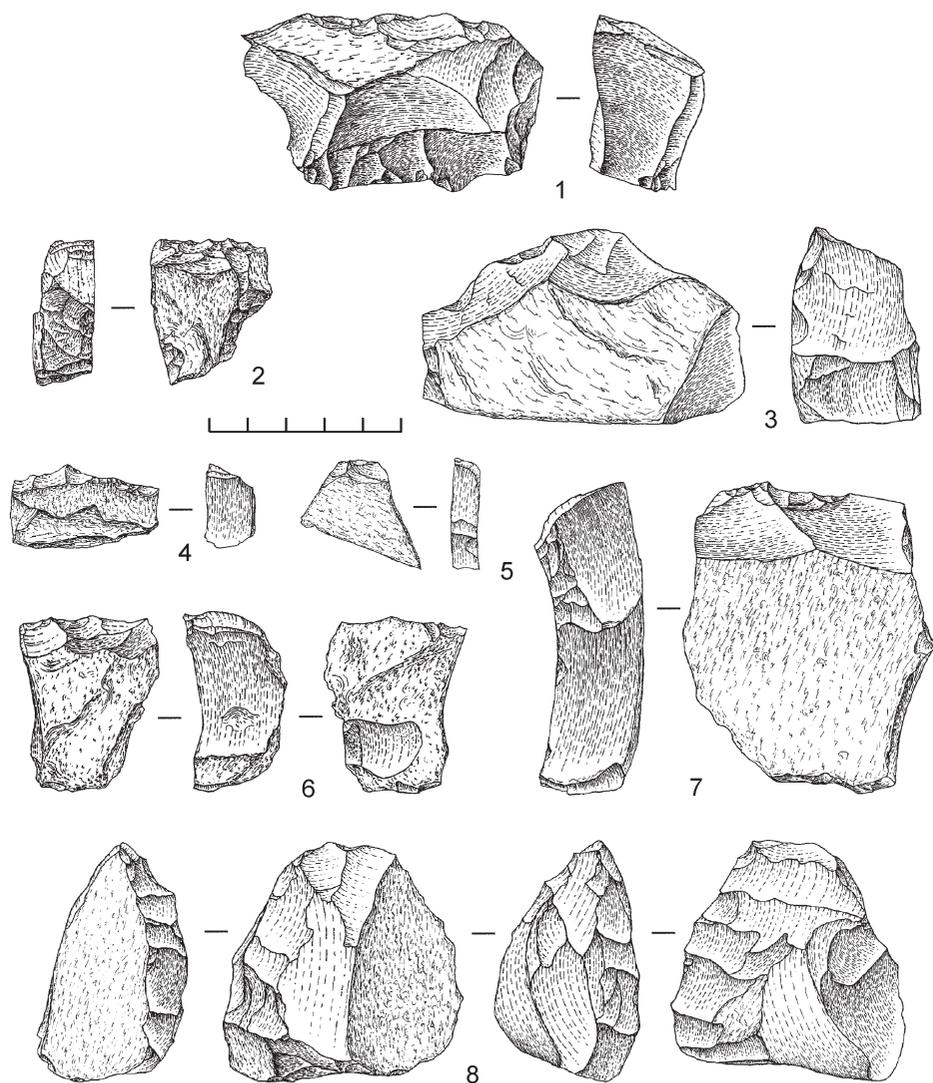

Рис. 3. Местонахождение Родники 3, орудия из окварцованного доломита:
 1 — чопперовидное скребло; 2 — комбинированное орудие (чопперовидное скребло +
 выемчатое орудие); 3, 6, 7 — чопперы; 4 — скребло с шипом на лезвии; 5 — скребло;
 8 — рубило с поперечным лезвием

Fig. 3. Rodniki 3, tools of quartz bearing dolomite: 1 — chopperlike sidescraper;
 2 — combined tool (chopper-like sidescraper + notched tool); 3, 6, 7 — choppers;
 4 — sidescrapers with a thorn on the working edge; 5 — sidescraper; 8 — handaxe with
 transverse working edge

Сохранность изделий. Изделия имеют хорошую сохранность. В подавляющем большинстве они с острыми краями и лишь у единичных изделий поверхность заметно стерта водой или химическим выветриванием. Патина на них преимущественно серовато-коричневая или серовато-светло-коричневая, редко — коричневатая-серая и в единичных случаях — желтовато-белесая. Светлую патину имеют изделия, изготовленные из менее плотной породы и подвергшиеся сильному выщелачиванию.

Сырье. Все изделия изготовлены из окварцованной разновидности доломита. Это же сырье использовалось и на других раннепалеолитических стоянках Таманского п-ова. Обработывали преимущественно высококачественный мелкозернистый доломит в виде неокатанных обломков, происходящих из местных грязевулканических глин.

Общая характеристика изделий. Изделия представлены различными технологическими группами, свидетельствующими о полной и довольно сложной технологической цепочке их изготовления. В составе коллекции изделий (132 экз.) имеются: нуклеусы (8 экз.), отщепы (40 экз.), обломки сырья (45 экз.), орудия (39 экз.).

По размерам выделяются три группы изделий: 1-я группа (крупные, > 5 см) — 44 экз. (33,3 %); 2-я группа (мелкие, 3,1–5 см) — 62 экз. (47 %); 3-я группа (особо мелкие, 3 см и меньше) — 26 экз. (19,7 %). Изделий второй и третьей размерных групп существенно больше, что характерно для неспециализированных производственных комплексов.

Технология первичной обработки сырья. Первичная обработка сырья осуществлялась в двух видах: 1 — путем раскалывания исходных отдельностей на подходящие для использования обломки и 2 — расщеплением нуклеусов с целью изготовления отщепов.

Обломки сырья широко использовались в рассматриваемой индустрии. Всего использовано 72 обломка. При этом признаки намеренного раскалывания имеют 89 % из них. Такого рода заготовки обычны для древнейших раннепалеолитических индустрий и указывают на низкий технологический уровень обработки камня.

Нуклеусы (8 экз.). Заготовками для нуклеусов служили обломки доломита. Они не подготовлены и мало сработаны (рис. 2, 9, 11–13). Размеры самых крупных — 11,5 и 8 см, наиболее мелких — 5 и 3,8 см. Соотношение их разновидностей показано в таблице на с. 14.

При расщеплении нуклеусов в основном использовали однонаправленное и призматическое скалывание отщепов.

Отщепы целесообразно рассмотреть в совокупности с другими изделиями такого рода, превращенными в морфологически выраженные орудия (всего 59 экз.). Следует отметить, что многие отщепы в той или иной степени фрагментированы в процессе их скалывания или использования. По размерам они подразделяются следующим образом: крупные (> 5 см) — 16 экз. (27,1 %), в том числе > 10 см — 2 экз. (12,5 %); мелкие (5 см и меньше) — 43 экз. (72,9 %), в том числе длиной 3 см и менее — 17 экз. (39,5 %). Мелких отщепов заметно больше, чем крупных. Обращает на себя внимание наличие крупных отщепов размером > 10 см.

Т а б л и ц а

Родники 3, соотношение разновидностей нуклеусов

Тип нуклеуса	Характер скалывания	Кол-во
Односторонний	С негативом одного скола	1
	Однонаправленное скалывание	1
Призматический		2
Двухсторонний	С негативом одного скола + с негативом одного скола	1
	С негативом одного скола + однонаправленное скалывание	1
	Однонаправленное скалывание + однонаправленное скалывание	1
Трехсторонний	С негативом одного скола + однонаправленное скалывание + встречное скалывание	1

В значительном количестве имеются отщепы первичные — 18 экз. (30,5 %) и с негативом одного скола на дорсальной стороне — 16 экз. (27,1 %). На других определенных отщепах огранка дорсальной стороны однонаправленная — 16 экз. (27,1 %), встречная — 1 экз. (1,7 %) и разнонаправленная — 3 экз. (5,1 %). Преимущественно однонаправленная огранка на отщепах в целом согласуется с наличием в коллекции нуклеусов с однонаправленным и призматическим расщеплением.

Как отмечалось, нуклеусы не имеют следов предварительной обработки. Это видно и по отщепам. Ударная площадка на них (сохранилась на более чем половине отщепов) главным образом корковая, т. е. покрыта коркой исходных отдельностей сырья (66,7 %), или гладкая, образованная остатками плоскостей скалывания этих отдельностей, а также негативов предшествующих сколов с нуклеусов (25 %), и в единичных случаях двухгранная и частично фасетированная.

Отщепы (целые и не слишком фрагментированные) чаще бесформенные (45,5 %). Вместе с тем значительная их часть имеет относительно правильную форму: подчетыреугольную (рис. 2, 7, 10) (23,6 %), подтреугольную (12,7 %), овальную (7,3 %) и удлиненную (10,9 %).

Орудиями часто служили отщепы. Точно также использовали сами нуклеусы и намеренно изготавливаемые обломки сырья. Однако в рассматриваемой индустрии имеются и сложные стандартизованные орудия различных техникоморфологических категорий, оформленные приемами вторичной обработки (30 экз.). Это были орудия более длительного использования для ограниченного круга специальных функций.

В коллекции имеются крупные (> 5 см) — 16 экз. и мелкие орудия (5 см и меньше) — 23 экз. 18 орудий изготовлены на отщепах, 20 — на обломках. Тип заготовки одного орудия не вполне ясен. Соотношение орудий на отщепах и обломках приблизительно одинаковое.

По формальным признакам выделяются *макроорудия* (9 экз.) — 7 чопперов, чопперовидное скребло, рубило с поперечным лезвием и относительно *мелкие ретушированные орудия на отщепях и обломках* (30 экз.), среди которых представлены: пять скребел, скребок, нож с ретушированным обушком, два клювовидных орудия, пять проверток/сверл, орудие с шипом, шесть зубчатых орудий, два долотовидных орудия, два изделия с резцовыми сколами, выемчатое орудие, два мелких частичных бифаса и два комбинированных орудия.

Обращает на себя внимание устойчивое технико-морфологическое разнообразие орудий, особенно мелких, изготовленных на отщепях и обломках.

Остановлюсь на наиболее значимых в технологическом и типологическом отношении орудиях.

Чопперы (7 экз.). Бесспорно, они выглядят как намеренно оформленные орудия, а не нуклеусы для изготовления отщепов, и являются существенной частью орудийного набора (рис. 3, 3, 6, 7). Орудия крупные. Размеры наиболее крупных: $13,7 \times 12 \times 4$ см, $8 \times 13,7 \times 5,2$ см, $13 \times 11 \times 3,8$ см, более мелких: $7,5 \times 6 \times 3,5$ см, $4,8 \times 6,5 \times 2,8$ см. Почти все они изготовлены на обломках и только один — на отщепе. Орудия главным образом односторонние. Но на двух орудиях рабочее лезвие имеет частично двустороннюю обработку. Лезвия в разной степени зубчатые и извилистые.

В одинаковых пропорциях имеются чопперы трех модификаций: удлиненные с прямым лезвием — 3 экз.; укороченные с приостренным лезвием — 2 экз.; соразмерные (длина и ширина приблизительно сходны) с выпуклым лезвием — 2 экз. Боковые края у некоторых орудий обработаны (усечены) крутыми и вертикальными сколами, пятка оббита для удобства захвата рукой (рис. 3, 3, 6, 7).

Чопперовидное скребло примечательно тем, что изготовлено на крупном (>10 см) отщепе укороченных пропорций, его длинное поперечное лезвие обработано плоскими сколами и чешуйчатой ретушью (рис. 3, 1).

Рубило с поперечным лезвием. Это довольно своеобразное бифасиальное орудие, сходное и с рубилами, и с кливерами (рис. 3, 8). Оно изготовлено на обломке или толстом отщепе доломита. Размеры его — $10 \times 10 \times 5,8$ см, форма — сердцевидная, поперечное сечение двояковыпуклое (дорсальная сторона несколько более выпуклая), максимальная толщина и ширина приходится на середину и нижнюю половину орудия. Обработка частично двусторонняя. Дорсальная сторона обработана приблизительно наполовину, вентральная — на $\frac{2}{3}$. Четко выделяются сравнительно тонкое, несколько зауженное почти прямое дистальное лезвие, расположенное поперек продольной оси, и противолежащая ему широкая массивная пятка. Оба боковых края выпуклые. Поперечное лезвие и пятка орудия тщательно обработаны плоскими сколами.

Как точнее можно определить это орудие с типологической точки зрения? Относится ли оно к рубилам или кливерам? Ф. Борд описал такого рода бифасиальные орудия как одну из разновидностей ручных рубил, назвав их усеченными рубилами (Bordes 1968: 19). Не выделяют такие орудия из категории рубил, основываясь на технологических критериях, и другие исследователи (см., например: Lyubin, Belyaeva 2006; White 2006). Вместе с тем обращается внимание на особенности морфологии этих орудий, а именно на наличие у них, в отличие

от настоящих рубил с заостренным или узким закругленным концом, широкого поперечного топорovidного лезвия, что указывает на их особые функции (Roe 2006: 320). Наличие у таких рубил широкого поперечного или слабо скошенного рабочего лезвия сближает их в функциональном отношении с типичными кливеврами, хотя эти орудия обычно изготовляли на крупных отщепях путем краевой оббивки, а в качестве рабочего лезвия у них служил более или менее прямой край отщепа, оставляемый чаще всего необработанным (Ранов 2001: 322).

Приведенные аргументы, как кажется, позволяют определить описанное выше орудие как рубило с поперечным лезвием. При этом надо отметить его архаичность, проявляющуюся в неполной бифасиальной обработке.

Более мелкие ретушированные орудия в основном стандартизованные. Они изготовлены на отщепях и на обломках доломита. В количественном отношении несколько выделяются скребла, провертки/сверла и зубчатые орудия.

Скребла. Это орудия с непрерывной ретушью/сколами рабочего края. Только одно из них изготовлено на отщепе, другие — на обломках доломита (рис. 3, 5). Все орудия с прямым рабочим лезвием. Необычно одно из них — укороченных пропорций с усеченным боковым краем. На лезвии имеется хорошо обозначенный шип, выделенный ретушью с обеих сторон (рис. 3, 4).

Провертки/сверла. Так условно названы орудия с острым или приостренным рабочим концом, образованным противоположащей ретушью или сколами с верхней и нижней стороны. Некоторые из них оформлены интенсивной обработкой (рис. 2, 2, 4, 5).

Также обращают на себя внимание единичные, но хорошо выраженные орудия ряда других технико-морфологических категорий.

Клиновидные орудия. Как и провертки/сверла, они имеют острый или приостренный рабочий конец, однако выделенный обработкой с одной стороны (рис. 2, 3).

Нож с отретушированным обушком изготовлен на отщепе. Обушок его дугообразно выпуклый и на верхнем конце смыкается с прямым необработанным лезвием.

Орудия с резцовыми сколами ничем не отличаются от обычных орудий с резцовыми сколами на углу отщепов. Одно орудие имеет два резцовых скола, снятых почти с одной точки. При этом один скол почти торцовый, другой — плоский вентральный (рис. 2, 8).

Орудие с шипом. Это мелкое орудие с низким шиповидным выступом на боковом крае отщепа, образованным противоположащей ретушью (рис. 2, 1).

Наконец, надо отметить частичные бифасы (2 экз.). Один из них ($3,6 \times 2,5 \times 1,7$ см) удлиненно-овальной формы, грубо оббитый. Другое орудие широкое и тонкое ($3,4 \times 3,4 \times 1,4$ см), подтреугольной формы с приостренным концом и довольно тщательно обработано плоскими сколами (рис. 2, 6).

Таковы характерные признаки каменного инвентаря одного из новых раннепалеолитических местонахождений в Южном Приазовье.

Выводы и заключение

Культуросодержащие отложения местонахождения Родники 3 переотложены. Однако залегание их в виде ксенолитического пакета в той же толще сопочной

брекчии, поверх которой располагается раннепалеолитическая стоянка Родники 1, сохранившаяся *in situ* и хорошо датированная серединой раннего плейстоцена (в интервале 1,4–1,6 млн л. н.) (Shchelinsky et al. 2010a; 2010b), может свидетельствовать о том, что они, по крайней мере, не моложе этой стоянки.

Каменная индустрия местонахождения включает в себя всю технологическую цепочку изготовления орудий от сортировки сырья и его первичной обработки до оформления орудий разных категорий. Многие отщепы и орудия использовали, очевидно, на месте изготовления.

По габитусу, технологии изготовления и типологическому составу инвентаря эта индустрия аналогична таманской раннепалеолитической индустрии, описанной по материалам близлежащих стоянок Родники 1, Родники 2 и Богатыри/Синяя Балка (Щелинский 2014; 2016). Принадлежность ее к таманской индустрии достаточно очевидна, несмотря на то что в ней отсутствуют некоторые категории орудий, характерные для этой индустрии, например пики и кливеры. Отсутствие этих орудий в инвентаре местонахождения можно объяснить небольшой площадью его раскопок и малочисленностью инвентаря. Вместе с тем в индустрии местонахождения мы видим новую категорию орудий, ранее не выделявшуюся в таманской индустрии. Речь идет о единственном ручном рубиле. Однако его хорошая типологическая выраженность не оставляет сомнений в том, что изготовление такого рода орудий было у создателей этой индустрии устоявшейся практикой. Сходные типы рубил недавно были обнаружены в инвентаре двух других памятников таманской индустрии — стоянки Родники 1 и местонахождения Родники 4.

Полученные данные заставляют пересмотреть вопрос о культурно-стадиальном статусе таманской индустрии в контексте технокомплексов раннего плейстоцена. Первоначально я относил ее к олдовану (мод 1) или олдованскому технокомплексу (Shchelinsky et al. 2010a), что оказалось ошибочным. В настоящее время к этому технокомплексу относятся наиболее простые в технологическом отношении каменные индустрии, так называемые индустрии нуклеуса и отщепа. Эти древнейшие индустрии характеризуются изготовлением главным образом простых мелких отщепов с острыми краями, которые использовали в качестве орудий и редко преобразовывали в стандартизованные орудия с помощью ретуши и иных приемов вторичной обработки (Bar-Yosef 2006; Lumley et al. 2009; Schick, Toth 2006; Shea 2010). В таманской индустрии, как показал анализ каменного инвентаря нескольких памятников, относящихся к этой индустрии, технология обработки камня и орудия, несомненно, более сложные. В ней, наряду с отщепами, служившими орудиями, много разнообразных намеренно оформленных и стандартизованных орудий, имеющих хорошо выраженные типологические особенности. При этом обращает на себя внимание наличие среди них так называемых крупных режущих орудий (*large cutting tools*), таких как ручные рубила, пики и кливеры, в ряде случаев изготовленных на крупных отщепах. Эти орудия являются отличительным признаком более развитых индустрий, объединяемых в ашельский технокомплекс. Впервые они были зафиксированы в индустриях Восточной Африки, описанных как развитой олдован (Leakey 1971; 1975). Однако позже выделение этого культурно-стадиального подразделения было поставлено под сомнение, и сейчас

индустрии, относимые к развитому олдовану, большинством исследователей интерпретируются как раннеашельские (см., например: Semaw et al. 2009; Torre 2011; Torre et al. 2012; Toth, Schick 2000).

Надо сказать, что разнообразные крупные режущие орудия были выявлены в таманской индустрии не сразу. При раскопках памятников с этой индустрией долгое время не удавалось обнаружить рубила, которые, безусловно, являются важнейшей составляющей комплекса крупных режущих орудий и наиболее значимым технологическим маркером ашеля. Это обстоятельство препятствовало уверенной атрибуции индустрии как раннеашельской. Поэтому для определения ее был предложен термин «архаичный ашель», с тем чтобы четко отразить наличие в ней выраженного ашельского компонента в виде крупных отщепов, пиков и кливеров и возможный ее переходный характер от олдована (мод I) к раннему ашелю (Щелинский 2014; Shchelinsky et al. 2016).

В настоящее время в составе крупных режущих орудий таманской индустрии имеются все их основные категории, включая рубила. Это позволяет отказаться от прежнего определения этой индустрии условным термином «архаичный ашель» и с полным основанием отнести ее к раннему ашелю.

Литература

Амирханов 2007 — *Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус, 2007. 52 с.

Ранов 2001 — *Ранов В. А.* К типологии кливеров // Деревянко А. П., Медведев Г. И. (ред.). Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Мат-лы междунар. конф. (1–9 августа 2001 г., Иркутск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 322–323.

Щелинский 2013 — *Щелинский В. Е.* Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // Матишов Г. Г. (гл. ред.). VIII Всерос. совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 713–716.

Щелинский 2014 — *Щелинский В. Е.* Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 168 с.

Щелинский 2015 — *Щелинский В. Е.* Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по материалам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове) // Деревянко А. П., Тишков В. А. (отв. ред.). Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. С. 20–30.

Щелинский 2016 — *Щелинский В. Е.* Каменная индустрия раннеплейстоценовой стоянки Родники 2 на Таманском полуострове // АВ. 2016. № 22 (в печати).

Amirkhanov et al. 2014 — *Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Yu. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M.* Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Comptes Rendus Palevol*. 2014. <http://dx.doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>.

Bar-Yosef 2006 — *Bar-Yosef O.* The known and the unknown about the Acheulian // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 479–494.

Bordes 1968 — *Bordes F.* *The Old Stone Age*. New York: McGraw-Hill, 1968. 255 p.

Leakey 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, vol. III. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 306 p.

Leakey 1975 — *Leakey M. D.* Cultural patterns in the Olduvai sequence // Butzer K. W., Isaac G. L. (eds.). After the Australopithecines: Stratigraphy, Ecology and Culture Change in the Middle Pleistocene. Mouton: The Hague, 1975. P. 477–493.

Lumley et al. 2005 — *Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. 2005. 109 (1). P. 1–182.

Lumley et al. 2009 — *Lumley de H., Barsky D., Cauche D.* Archaic stone industries from east Africa and southern Europe. Pre-Oldowan and Oldowan // Schick K., Toth N. (eds.). The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins. Gostport: SAI, 2009. P. 55–91 (Publication Series. No. 3).

Lyubin, Belyaeva 2006 — *Lyubin V. P., Belyaeva E. V.* Cleavers and handaxes with transverse cutting edge in the Acheulian of the Caucasus // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 347–364.

Mgeladze et al. 2010 — *Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Desprée J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G.* First human settlement of the Caucasus: Technical behavior and raw material acquisition at Dmanisi, Georgia (1,77 Ma) // *QI*. 2010. Vol. 223–224. P. 422–425.

Roe 2006 — *Roe D. A.* Some thoughts about Acheulian cleavers // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 313–333.

Schick, Toth 2006 — *Schick K., Toth N.* An Overview of the Oldowan industrial complex: the site and the nature of their Evidence // Toth N., Schick K. (eds.). *The Oldowan*. Casa Studies into the Earliest Stone Age. Gostport: SAI, 2006. P. 3–42 (Publication Series. No. 1).

Semaw et al. 2009 — *Semaw S., Rogers M., Stout D.* The Oldowan-Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // Camps M., Chauhan P. R. (eds.). *Sourcebook of paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations*. New York: Springer, 2009. P. 173–194.

Shchelinsky et al. 2010a — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // *QI*. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky et al. 2010b — *Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Titov V. V., Tesakov A. S. (eds.). *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference (Rostov-upon-Don, June 21–26, 2010)*. Rostov-upon-Don: SSC of RAS, 2010. P. 148–149.

Shchelinsky et al. 2016 — *Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N.* The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *QI*. 2016. Vol. 393. P. 51–69.

Shea 2010 — *Shea J. J.* Stone Age visiting cards revisited: a strategic perspective on the lithic technology of Early hominin dispersal // Fleagle J. G. et al. (eds.). *Out of Africa I: The First Hominin Colonization of Eurasia*. Dordrecht; London: Springer Science + Business Media B. V., 2010. P. 47–64.

Torre 2011 — *Torre de la I.* The Early Stone Age lithic assemblages of Gadeb (Ethiopia) and the Developed Oldowan/early Acheulean in East Africa // *Journal of Human Evolution*. 2011. 60. P. 768–812.

Torre et al. 2012 — *Torre de la I., Njau L. J., Pante M.* The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa // *Archaeology International*. 2012. 15. P. 89–98.

Toth, Schick 2000 — *Toth N., Schick K.* Early Paleolithic // Delson E. et al. (eds.). *Encyclopedia of human evolution and prehistory*. New York: Garland. 2000. P. 225–229.

White 2006 — *White M. J.* Axeing cleavers: reflections on broad-tipped large cutting tools in the British earlier Paleolithic // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulean Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 365–386.

EARLY PALEOLITHIC SITE OF RODNIKI 3 ON THE TAMAN' PENINSULA (SOUTHERN AZOV SEA REGION)

V. E. SHCHELINSKY

Keywords: *Early Pleistocene, Tamanian industry, Early Acheulean, Rodniki 3 site, Azov Sea region, Southern Russia.*

The Early Paleolithic sites of the Taman' peninsula are of continuous interest for researchers. As has been established by recent research, they are of the Early Pleistocene age. The materials of Rodniki 1 and 2 together with Bogatyri/Sinyaya Balka are considered as a distinct Early Paleolithic industry which existed between 1,2–1,6 mya bp. It was tentatively defined as Archaic Acheulean and transitional from the Oldowan (mode 1) to the Early Acheulean. The paper deals with the materials of the newly discovered Early Paleolithic site of Rodniki 3 in the Southern Azov Sea region, whose age and stone inventory are analogous to those of the Tamanian Early Paleolithic industry (fig. 1–3). The new data makes it possible to reconsider the cultural-stadial status of this industry and to date it to the Early Acheulean.

Literature

Амирханов 2007 — *Amirkhanov Kh. A.* Oldovanskije stoyanki Severo-vostochnogo Kavkaza: Predvaritel'nyi otchet (*Oldowan sites of the Northeastern Caucasus: preliminary results*). Moscow: Taus, 2007. 52 p. (in Russian).

Ранов 2001 — *Ranov V. A.* K tipologii kliverov (*To the typology of cleavers*) // Derevianko A. P., Medvedev G. I. (eds.). *Sovremennye problemy Evrasiyskogo paleolitovedeniya (Current problems in the study of the Paleolithic of Eurasia)*: Proceedings of the International Conference (1–9 August 2001, Irkutsk). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS, 2001. P. 322–323 (in Russian).

Щелинский 2013 — *Shchelinsky V. E.* Funkcionalnie osobenosti oldovanskikh stoyanok na Tamanskom poluostrove v yuzhnom Priazov'ye (geologicheskie i archaeologicheskie svidetel'stva) (*Functional characteristics of the Oldowan sites on the Taman' peninsula in the Southern Asov Sea region [geological and archaeological evidence]*) // Matishov G. G. (ed.). VIII Vserossiyskoe soveshchanie po izucheniyu chetvertichnogo perioda: «Fundamental'nye problemy' kvartera, itigi izycheniya I osnovnye napravleniya dal'neyshih issledovaniy» (*VIII All-Russian Conference for the Study of the Quaternary Period «Fundamental problems of the Quater: Results and main directions for the future studies»*). Rostov-upon-Don, 10–15 June 2013. Rostov-upon-Don: SSC of RAS, 2013. P. 713–716 (in Russian).

Щелинский 2014 — *Shchelinsky V. E.* Eopleistozenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'e (*The Eopleistocene Early Paleolithic site of Rodniki 1 in the Western Ciscaucasia*). St. Petersburg: IHMC RAS, 2014. 168 p. (in Russian).

Щелинский 2015 — *Shchelinsky V. E.* Oldovanskie traditsii i ih razvitie v pannem paleolite Yuzhnogo Priasov'ya (po materialam stoyanok Rodniki 1 i 4 na Tamanskom poluostrove (*Oldowan traditions and their development in Early Paleolithic of the Southern Azov Sea region (with special reference to the materials of the Rodniki 1 and 4 sites on the Taman' peninsula*) // Derevianko A. P., Tishkov V. A. (eds.). Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prizidiума Rossiyskoy akademii nauk (*Traditions and Innovations in Culture and History: the Program of Fundamental Researches of the Presidium of RAS*). M.: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 2015. P. 20–30 (in Russian).

Щелинский 2016 — *Shchelinsky V. E.* Kamennaya industriya rannepleistotsenovoy stoyanki Rodniki 2 na Tamanskom poluostrove (*Lithic industry of the Early Pleistocene site of Rodniki 2 on the Taman' peninsula*) // *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*. 2016. No. 22 (in press) (in Russian).

Amirkhanov et al. 2014 — *Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Yu. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M.* Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Comptes Rendus Palevol*, 2014. <http://dx.doi.org/10.1016/j.crpv.2014.06.004>.

Bar-Yosef 2006 — *Bar-Yosef O.* The known and the unknown about the Acheulian // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 479–494.

Bordes 1968 — *Bordes F.* The Old Stone Age. New York: McGraw-Hill, 1968. 255 p.

Leakey 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, vol. III. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 306 p.

Leakey 1975 — *Leakey M. D.* Cultural patterns in the Olduvai sequence // Butzer K. W., Isaac G. L. (eds.). *After the Australopithecines: Stratigraphy, Ecology and Culture Change in the Middle Pleistocene*. Mouton: The Hague, 1975. P. 477–493.

Lumley et al. 2005 — *Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. 2005. 109 (1). P. 1–182.

Lumley et al. 2009 — *Lumley de H., Barsky D., Cauche D.* Archaic stone industries from east Africa and southern Europe. Pre-Oldowan and Oldowan // Schick K., Toth N. (eds.). *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins*. Gostport: SAI, 2009. P. 55–91 (Publication Series. No. 3).

Lyubin, Belyaeva 2006 — *Lyubin V. P., Belyaeva E. V.* Cleavers and handaxes with transverse cutting edge in the Acheulian of the Caucasus // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 347–364.

Mgeladze et al. 2010 — *Mgeladze A., Lordkipanidze D., Moncel M.-H., Desprée J., Chagelishvili R., Nioradze M., Nioradze G.* First human settlement of the Caucasus: Technical behavior and raw material acquisition at Dmanisi, Georgia (1,77 Ma) // *QI*. 2010. Vol. 223–224. P. 422–425.

Roe 2006 — *Roe D. A.* Some thoughts about Acheulian cleavers // Goren-Inbar N., Sharon G. (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 313–333.

Schick, Toth 2006 — *Schick K., Toth N.* An Overview of the Oldowan industrial complex: the site and the nature of their Evidence // Toth N., Schick K. (eds.). *The Oldowan. Casa Studies into the Earliest Stone Age*. Gostport: SAI, 2006. P. 3–42. (Publication Series. No. 1).

Semaw et al. 2009 — *Semaw S., Rogers M., Stout D.* The Oldowan-Acheulian Transition: Is there a «Developed Oldowan» Artifact Tradition? // Camps M., Chauhan P. R. (eds.). *Sourcebook of paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations*. New York: Springer, 2009. P. 173–194.

Shchelinsky et al. 2010a — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // *QI*. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky et al. 2010b — *Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // *Titov V. V., Tesakov A. S.* (eds.). Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA–SEQS Conference (Rostov-upon-Don, June 21–26, 2010). Rostov-upon-Don: SSC of RAS, 2010. P. 148–149.

Shchelinsky et al. 2016 — *Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N.* The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *QI*. 2016. Vol. 393. P. 51–69.

Shea 2010 — *Shea J. J.* Stone Age visiting cards revisited: a strategic perspective on the lithic technology of Early hominin dispersal // *Fleagle J. G.* et al. (eds.). *Out of Africa I: The First Hominin Colonization of Eurasia*. Dordrecht; London: Springer Science + Business Media B. V., 2010. P. 47–64.

Torre 2011 — *Torre de la I.* The Early Stone Age lithic assemblages of Gadeb (Ethiopia) and the Developed Oldowan/early Acheulean in East Africa // *Journal of Human Evolution*. 2011. 60. P. 768–812.

Torre et al. 2012 — *Torre de la I., Njau L. J., Pante M.* The Origins of the Acheulean at Olduvai Gorge (Tanzania): A New Paleoanthropological Project in East Africa // *Archaeology International*. 2012. 15. P. 89–98.

Toth, Schick 2000 — *Toth N., Schick K.* Early Paleolithic // *Delson E.* et al. (eds.). *Encyclopedia of human evolution and prehistory*. New York: Garland, 2000. P. 225–229.

White 2006 — *White M. J.* Axeing cleavers: reflections on broad-tipped large cutting tools in the British earlier Paleolithic // *Goren-Inbar N., Sharon G.* (eds.). *Axe Age: Acheulian Tool-making from Quarry to Discard*. London: Equinox, 2006. P. 365–386.

НАХОДКИ МУСТЬЕ В ДОЛИНЕ ЗЕРАВШАНА¹

В. И. РАСПОПОВА

Ключевые слова: *мустье, Верхний Зеравшан, Калаи-Навруз-шах, Пенджикент, кремневые пластины, нуклеус, отщеп.*

Мустьерские местонахождения близ Калаи-Навруз-шах (рис. 1) и Пенджикента (Таджикистан) являются первыми надежными свидетельствами обитания мустьерского человека в долине Верхнего Зеравшана.

Во время работ на строительстве Маргидарского канала в Пенджикентском р-не Ленинабадской (ныне Согдийской) обл. Таджикистана было затронуто согдийское поселение Калаи-Навруз-шах (план и описание памятника см.: Смирнова 1950: 72, табл. 31, 1). Строители канала сообщили в Пенджикентский музей им. Рудаки о находках керамики. Для осмотра памятника 10 сентября 1960 г. выехала группа сотрудников Пенджикентской экспедиции и научный сотрудник музея С. У. Усманов.

Калаи-Навруз-шах находится в 27 км к востоку от г. Пенджикент на второй надпойменной террасе левого берега Зеравшана близ выхода сая Огиляк в долину Зеравшана. На правом берегу Маргидарского канала между вторым и третьим замками (считая с запада на восток) в отвале со дна канала — красноватом суглинке с небольшой примесью мелкой гальки — были найдены четыре каменных пластины и массивный краевой отщеп².

Пластины удлинённых пропорций и подтреугольной формы (рис. 1). Размеры: длина от 6,7 см до 7,5 см; ширина от 2,6 см до 3,8 см; толщина от 0,7 см до 1,3 см. Материал — сероватый непрозрачный кремль. Патина серовато-белая. Все пластины несколько окатаны. Ударные площадки сравнительно небольшие, гладкие, находятся под прямым углом к плоскости брюшка, расположены примерно в центре основания. Отбивные бугорки выражены хорошо. Спинки пластин образованы тремя параллельными плоскостями, в одном случае — спинка двускатная. На спинке одной пластины сохранилась желвачная корка (рис. 1, 4, 4а).

По краям пластин видна ретушь (или, скорее, следы сработанности), которая в трех случаях лежит на поверхности спинок, а в одном случае — на брюшке (рис. 1, 1, 1а).

¹ Эта заметка была написана в 1963 г. Приношу свою искреннюю благодарность В. П. Любину, который в июне 1963 г. ознакомился с материалом, представленным в этой заметке, и рекомендовал его опубликовать. Весь материал был передан в Пенджикентский музей. К сожалению, у меня сохранились только рисунки и фотографии пластин с Калаи-Навруз-шах. Насколько я осведомлена, Пенджикентский музей недавно подвергся реорганизации — часть материала была передана в музей г. Душанбе. Где сейчас находится материал, представленный в этой заметке, мне не известно.

² Находки предметов каменного века из Калаи-Навруз-шах и Пенджикента (см. ниже) были упомянуты в работах В. А. Ранова и отнесены им к верхнему плейстоцену или даже неолиту (Ранов 1965: 50; 1978: 8–9, 16).

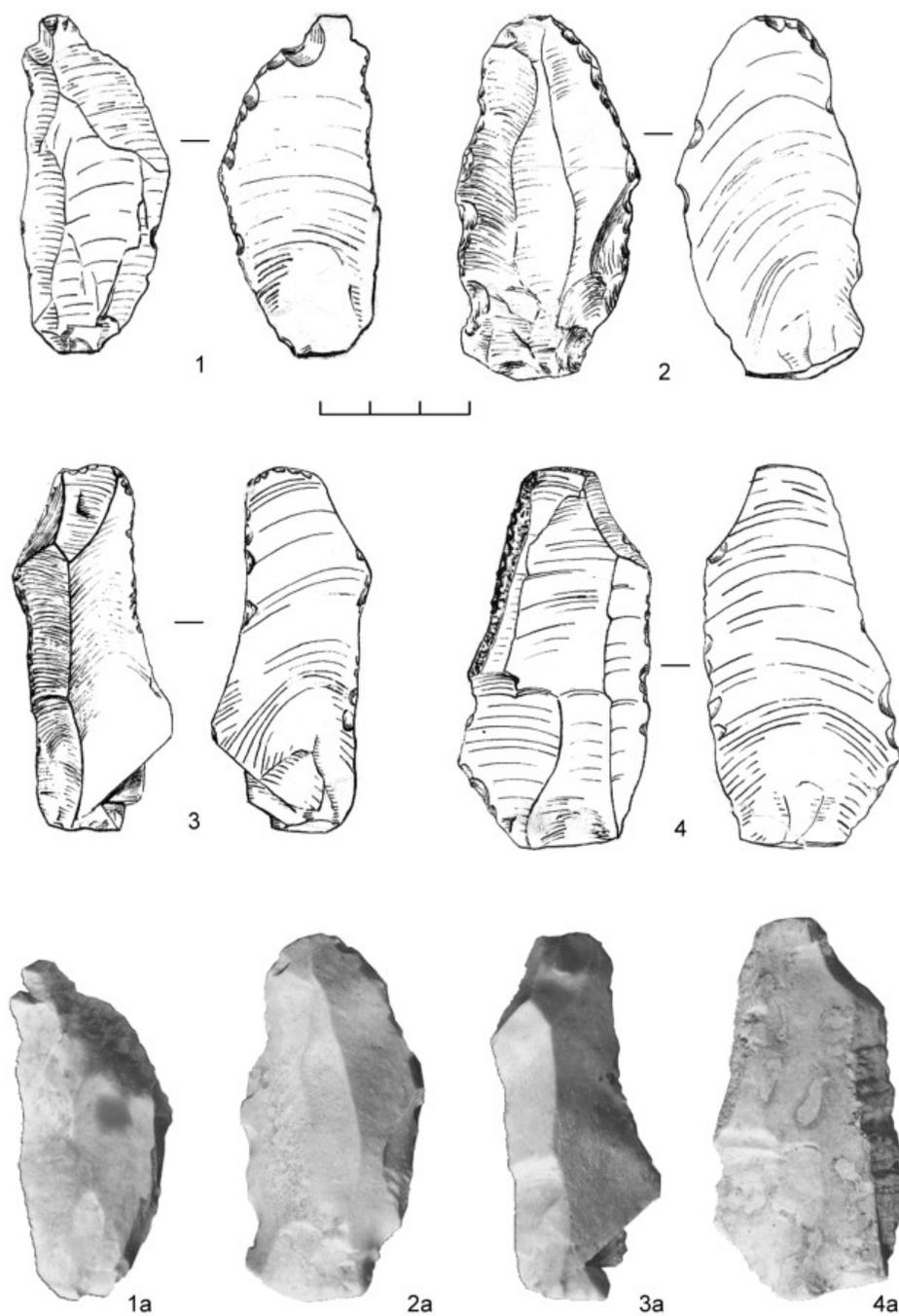

Рис. 1. Калаи-Навруз-шах, кремневые пластины, прорисовка и фото
Fig. 1. Flint blades from Kalai-Navruz-shah, drawings and a photograph

Отмеченные признаки, и прежде всего пропорции и форма пластин, а также характер огранки их спинок являются характерными для леваллуазской техники расщепления камня (Паничкина 1959: 31–32).

Сходный материал имеется в мустьерских местонахождениях в близких районах Средней Азии: Тешик-Таш (Окладников 1949: 42–43, 50, 51, 61, рис. 33, 2; 35, 3; 36, 9), Кайрак-Кумы (см., например: Литвинский и др. 1962: табл. 7, 4; 10, 1–3), Кара-Бура (Окладников 1959: 167–168, рис. 6–7). Близкие параллели дает типичное леваллуазско-мустьерское местонахождение Морго в Юго-Осетии (Любин 1960: 65–76, рис. 17–18).

Кремневые находки с Калаи-Навруз-шах вполне определенно можно датировать мустьерским временем. Находки мустьерских орудий на вторых надпойменных террасах характерны для Таджикистана (Ранов 1961: 89–109, табл. 4). В. А. Рановым и С. А. Несмеяновым было высказано мнение, что мустьерские находки на третьих и вторых террасах Таджикистана переотложены с более древних (Литвинский и др. 1962: 22–25).

Второе местонахождение мустьерских изделий было обнаружено в районе городища древнего Пенджикента, которое находится на той же террасе Зеравшана, что и Калаи-Навруз-шах. На этом городище в развалинах зданий V–VIII вв. было найдено четыре кремневых предмета (нуклеус и три отщеп), сильно патицированных.

В V в. на территории города велись большие строительные работы. Весь слой лесса вплоть до галечного конгломерата был срыт для изготовления сырцового кирпича. Ранние постройки Пенджикента стоят непосредственно на галечном конгломерате. Строители срыли слой лесса с палеолитическими орудиями. Лесс брали не только на территории города, но и привозили — стены ранних зданий содержат много гальки в швах и рядах кладки, стены поздних зданий сложены только из сырца или пахсы.

Наиболее интересен нуклеус, имеющий неправильные овальные очертания. Его размеры — $6,2 \times 5,8 \times 1,8$ см. Нуклеус использован до предела. Одна из его сторон выровнена крупным сколом, на другой стороне сохранились негативы подтреугольных очертаний — следы снятий подтреугольных пластинок. Скалывание производили в направлении от краев к центру. Края нуклеуса подправлены несколькими сколами. Этот нуклеус, безусловно, мустьерский (см. Паничкина 1959: 38 и сл.; Любин 1960: 70, рис. 16, 1).

Два отщепов подтреугольной удлинённой формы. Один из них фрагментирован в древности, так как облом покрыт такой же патиной, что и остальная поверхность отщепов. Ударные площадки этих отщепов имеют извилистые очертания. Отбивные бугорки выражены хорошо. Отщепы также могут быть отнесены к мустьерскому времени.

Статистические подсчеты, проведенные В. А. Рановым на большом количестве материала ашельско-мустьерских и мустьерских местонаждений в Кайрак-Кумах, показывают, что количество орудий здесь невелико — 7,5 % от общего числа изделий (Литвинский и др. 1962: 85). Таким образом, вполне естественно, что зеравшанские находки представлены пластинами и нуклеусом. Размеры наших пластин совпадают с размерами пластин из Кайрак-Кумов (Там же: 83).

К более позднему времени относится клиновидный нуклеус, несколько фрагментированный, с остатком желвачной корки. На нуклеусе имеются следы от сколов узких и длинных пластинок. Такие нуклеусы характерны для времени позднего палеолита (Паничкина 1959: 57–58). Пенджикентский нуклеус особенно напоминает нуклеусы из сибирских стоянок (см., например: Абрамова 1963: 272–274, рис. 6, 1; Окладников 1953: рис. 8, д; 9, а–в).

На основании находок из Калаи-Навруз-шах и Пенджикента можно считать, что районы Верхнего Зеравшана были заселены человеком уже в эпоху мустье.

Литература

Абрамова 1963 — *Абрамова З. А.* Палеолитические находки в районе Кяхты // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 266–275 (МИА. № 39).

Литвинский и др. 1962 — *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962. 406 с.

Любин 1960 — *Любин В. П.* Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4. С. 9–78 (МИА. № 79).

Окладников 1949 — *Окладников А. П.* Исследование мустьерской стоянки и погребение неандертальца в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан (Средняя Азия) // Гремяцкий М. А., Нестурх М. Ф. (ред.). Тешик-Таш. Палеолитический человек: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1949. С. 7–85 (Тр. НИИ антропологии).

Окладников 1953 — *Окладников А. П.* Следы палеолита в долине р. Лены // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 227–265 (МИА. № 39).

Окладников 1959 — *Окладников А. П.* Каменный век Таджикистана: Итоги и проблемы // Толстов С. П., Семенов А. А. и др. (ред.). Мат-лы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября — 4 ноября 1956 г. Сталинабад. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 158–184.

Паничкина 1959 — *Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы (Экскурс в область первобытной техники обработки камня) // Археологический сборник ГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1959. Вып. 1. С. 7–72.

Ранов 1961 — *Ранов В. А.* О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана // Известия АН ТаджССР. Отделение обществ. наук. 1961. № 1 (24). С. 89–109.

Ранов 1965 — *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Вып. 1: Палеолит. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1965. 144 с.

Ранов 1978 — *Ранов В. А.* Перспективы изучения каменного века в горной части бассейна р. Зеравшан // Литвинский Б. А., Ранов В. А. (отв. ред.). Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1978. Вып. 3. С. 7–28.

Смирнова 1950 — *Смирнова О. И.* Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г. // Якубовский А. Ю. (ред.). Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. 1946–1947 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 56–80 (МИА. № 15).

MOUSTERIAN FINDS FROM THE ZERAVSHAN VALLEY

V. I. RASPOPOVA

Keywords: *Mousterian, Upper Zeravshan, Kalai-Navruz-shah, Penjikent, flint blades, core, flake.*

Mousterian sites near Kalai-Navruz-shah (fig. 1) and Penjikent (Tajikistan) provide the first reliable evidence of human presence in the Upper Zeravshan valley in the Middle Paleolithic time.

Literature

Абрамова 1953 — *Abramova Z. A. Paleoliticheskie nahodki v rayone Kyahty' (Paleolithic finds in the Kyakhta area) // Okladnikov A. P. (red.). Paleolit i neolit SSSR (Paleolithic and Neolithic of the USSR). M.; L.: AS of the USSR, 1953. P. 266–275 (MSA. No. 39) (in Russian).*

Литвинский и др. 1962 — *Litvinsky B. A., Okladnikov A. P., Ranov V. A. Drevnosti Kayrak-Kumov (Drevneyshaya istoriya Severnogo Tadjikistana) (Antiquities of Kairak-Kumy [The oldest history of Northern Tajikistan]). Dushanbe: AS of Tajik SSR, 1962. 406 p. (in Russian).*

Любин 1960 — *Liubin V. P. Nijnepaleoliticheskie pamyatniki Yugo-Osetii (Lower Paleolithic sites of South Ossetia) // Okladnikov A. P. (red.). Paleolit i neolit SSSR (Paleolithic and Neolithic of the USSR). M.; L.: AS of the USSR, 1960. Vol. 4. P. 9–78 (MSA. No. 79) (in Russian).*

Окладников 1949 — *Okladnikov A. P. Issledovanie must'erskoy stoyanki i pogrebenie neandertal'ca v grote Teshik-Tash, ujuny'y Uzbekistan (Srednyaya Aziya) (The study of the Mousterian occupation site and Neanderthal burial in the Teshik-Tash rock shelter, South Uzbekistan [Central Asia]) // Gremyatsky M. A., Nesturkh M. F. (eds.). Teshik-Tash. Paleoliticheskiy chelovek (Teshik-Tash. Paleolithic man: collection of papers). M.: MSU, 1949. P. 7–85 (Proceedings of the Research Institute for Anthropology) (in Russian).*

Окладников 1953 — *Okladnikov A. P. Sledy' paleolita v doline r. Leny' (Vestiges of the Paleolithic in the Lena river valley) // Okladnikov A. P. (ed.). Paleolit i neolit SSSR (Paleolithic and Neolithic of the USSR). M.; L.: AS of the USSR, 1953. P. 227–265 (MSA. No. 39) (in Russian).*

Окладников 1959 — *Okladnikov A. P. Kamenny'y vek Tadjikistana: Itogi i problemy' (Stone Age of Tajikistan: results and problems) // Tolstov S. P., Semenov A. A. et al. (eds.). Matly' Vtorogo sovesch'aniya arheologov i etnografov Sredney Azii (Proceedings of the second conference of archaeologists and ethnographers of Central Asia). 29 October — 4 November of 1956, Stalinabad. M.; L.: AS of the USSR, 1959. P. 158–184 (in Russian).*

Паничкина 1959 — *Panichkina M. Z. Paleoliticheskie nukleusy' (E'kskurs v oblast' pervoby'tnoy tehniki obrabotki kamnya) (Paleolithic cores [excursion in the field of prehistoric stone working technology]) // Archaeological bulletin of the State Hermitage. L.: State Hermitage, 1959. Vol. 1. P. 7–72 (in Russian).*

Ранов 1961 — *Ranov V. A. O sopostavlenii arheologicheskikh danny'h so stratigrafiey chetvertichny'h otlojeniy Tadjikistana (Comparing archaeological evidence with the stratigraphy of the Quaternary deposits of Tajikistan) // Transactions of the Social Science Division of the AS of the Tajik SSR. 1961. No. 1 (24). P. 89–109 (in Russian).*

Ранов 1965 — *Ranov V. A. Kamenny'y vek Tadjikistana (Stone Age of Tajikistan). Vol. 1: Paleolit (Paleolithic). Dushanbe: AS of the Tajik SSR, 1965. 144 p.*

Ранов 1978 — *Ranov V. A. Perspektivy' izucheniya kamennogo veka v gornoy chasti basseyna r. Zeravshan (Prospects for the study of the Stone Age in the mountainous part of the Zarafshan basin) // Litvinskiy B. A., Ranov V. A. (eds.). Material'naya kul'tura Tadjikistana (Material culture of Tajikistan). Dushanbe: Donish, 1978. Vol. 3. P. C. 7–28.*

Смирнова 1950 — *Smirnova O. I. Arheologicheskie razvedki v basseyne Zarafshana v 1947 g. (Archaeological reconnaissance works in the Zeravshan valley in 1947) // Yakubovskiy A. Yu. (ed.). Trudy' Sogdiysko-Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii (Proceedings of the Sogd-Tajik Archaeological Expedition). Vol. 1. 1946–1947. M.; L.: AS of the USSR, 1950. P. 56–80 (MSA. No. 15) (in Russian).*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОЙ ИНДУСТРИИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ВЫДЫЛЫХА НА ДОНБАССЕ

А. В. КОЛЕСНИК

Памяти Александра Ефимовича Матюхина посвящается...

Ключевые слова: *неолит, Северский Донец, палеотехнология, ремонтаж, кремневые заготовки орудий.*

Материалы одного из скоплений продуктов расщепления кремня местонахождения в урочище Выдылыха на Северском Донце дают основание для реконструкции приема комплексного ядрищного уплощения заготовок для бифасов. Памятник датируется региональным поздним неолитом. При подготовке изделий с двусторонней обработкой в качестве преформы использовались крупные кремневые отщепы. Уплощение заготовок включало обработку вентральной стороны отщепа с продольной площадки и уплощение дорсальной стороны с двух вторичных полярных площадок сколами во встречном направлении. В контексте региональной археологии каменного века этот прием демонстрирует тренд развития техники обработки кремня в области вспомогательных технологий производства орудий массовых серий. Прием ядрищного уплощения заготовок для бифасов имеет широкий хронологический и культурный контекст.

В среднем течении Северского Донца и в Северо-Западном Донбассе исследовано значительное количество памятников каменного века, кремневые индустрии которых содержат обильные остатки кремнеобработки. Многие из них относятся к неолиту. Наличие мастерских разного типа и стоянок с полным циклом расщепления объясняется доступностью в регионе качественного кремня мелового возраста. Хорошая документированность начального цикла расщепления кремня и накопление комплексов, удобных для целей технологического анализа, можно объяснить функциональной спецификой памятников.

Одним из таких местонахождений является многослойный памятник археологии в урочище Выдылыха, расположенный у с. Богородичное Славянского р-на Донецкой обл. Он занимает широкую террасовую площадку на правом берегу Северского Донца у подножья высокой горы со средневековым городищем на ее вершине. Очевидные ландшафтные преимущества обусловили многократное заселение данного урочища.

Памятник был найден известным изюмским краеведом Н. В. Сибилевым летом 1941 г. и назван Второй Шаруканьской стоянкой: «Після Воронезького племуну я розшукував палеоліт, не зважаючи на війну. <...> В 1941 році відкрито ще три палеолітичні стоянки. Перша розташована більш як за два кілометри вище с. Богородичного, Слов'янського району, Сталінської області, в Телинському лісі, біля підніжжя Теплинського городища (Половецьке місто Шарукань наших літописів). Ця стоянка названа другою Шаруканською. Перша Шаруканська

стоянка находится біля південного краю Теплинського городища; вік її неясний. <...> Від другої Шаруканської до першої Шаруканської менше кілометра» (Сібільов 1946: 35–36). Памятник неоднократно обстелювався археологами; на его поверхності зібран різнообразний різночасовий матеріал (Телегін і др. 1997). В ході розкопок в 2003–2008 гг. здесь виявлені культурні рештки різного часу — от пізнього палеоліта до пізнього середньовіччя включительно (Колесник 2007).

Неолітичний культурний шар розповсюджений на широкій площі першої надпойменної терраси Северського Дінця висотою до 5–6 м над рівнем води. Рештки шару в положенні *in situ* фіксуються на глибині 0,7–0,9 м или чуть ниже, в залежності от місця розташування розкопу. На цьому рівні збереглися структурні елементи в формі рідких скоплень, обломки кісток тварин. Воскреслюються зв'язки між деталями аплікацій. Насиченість культурного шару в цілому невисока, в середньому 15–20 розщеплених кремней на 1 м². Товщина шару коливається в межах 5–6 см. Культурний шар претерпів значительні руйнування в результаті постдепозиційної деформації і поселенчеської активності в епоху бронзи, в ранньому залізному віку і в середні віки. Неолітичний культурний шар відповідає стратиграфічному рівню Vth сучасної ґрунту по визначенню Н. П. Герасименко, т. е. началу кліматичного оптимума голоцено (Герасименко 2004).

При розборці шару на «неолітичному» стратиграфічному рівні були виявлені декілька відносно невеликих скоплень продуктів початкової фази розщеплення кремня. Вони суттєво відрізняються між собою по складу включених матеріалів. В скопленні в квадратах К-7–8 (розкоп VII 2008 г.) знаходилися кремневі вироби з технологічним контекстом, незвичайним для неолітичних майстерських і стоянок з повним циклом розщеплення.

Матеріали скоплення кремней в кв. К-7–8 урочища Выдылыха

Скоплення привертає увагу контрастністю зовнішніх меж і невеликими розмірами (около 80 см в поперечнику). Оно має неправильну овальну форму з вираженим округлим в плані ядром. Даний елемент культурного шару чітко виділяється в просторі з рідкими знахідками кремней і цілком відповідає визначенню «скоплення» (Леонова 1980), «точок» (Шовкопляс 1965) или «кременица» (krzemienica польських авторів: Kozłowski J., Kozłowski S. 1977). Скоплення відрізняється відносно високою щільністю знахідок (рис. 1). Положення кремней в скопленні горизонтальне, часто з ефектом «переслаивания». Верхня сторона кремней ірідка покрита налетом легкої білої патины. Кремні не окатані. Основне кількість кремней залягає на глибині 92–94 см от днівної поверхності. Відокремлені кремні скоплення, за рахунок природної деформації культурного шару, зустрічаються на глибині от 85 до 111 см. Горизонт концентрації кремней відповідає первісному положенню культурного шару в розкопуваній ґрунті. Профіль скоплення має звичайну конфігурацію, без вираженого вигибу верхнього или нижнього контуру. Чітка горизонтальна концентрація матеріалів скоплення на глибині 92–94 см показує рівень древньої поверхності обитання. Зв'язки між деталями кремневих аплікацій не виходять

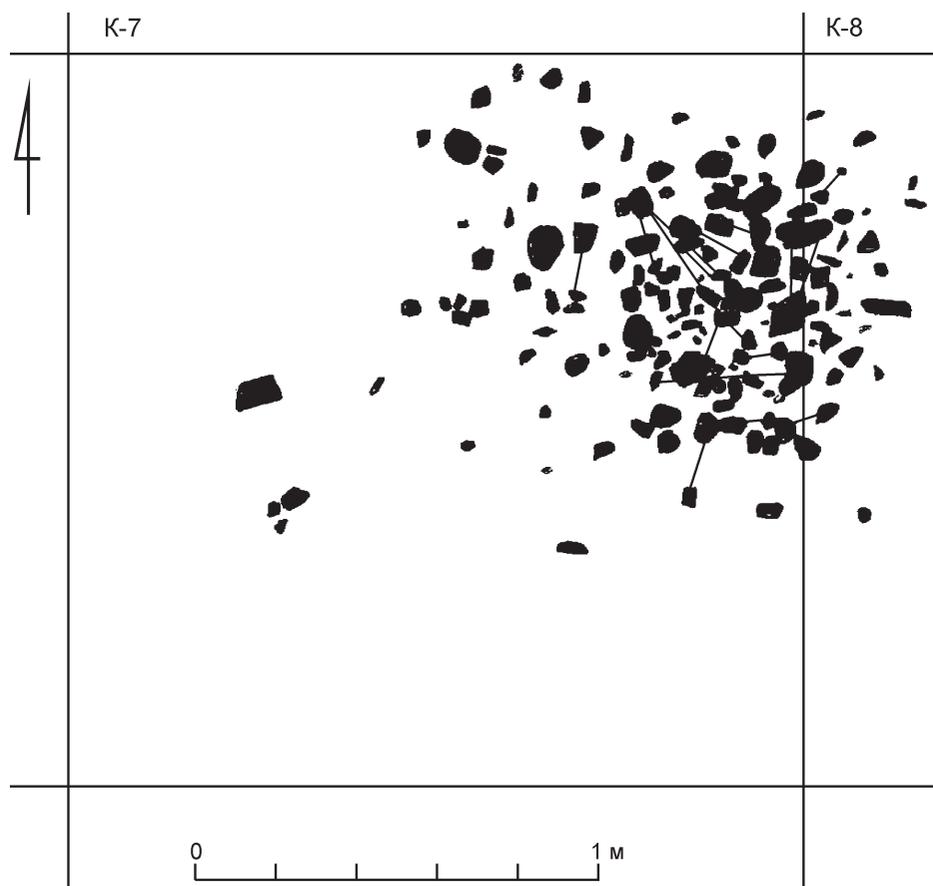

Рис. 1. Выдылыха, скопление расщепленных кремней в кв. К-7–8, план

Fig. 1. Vudylykha, accumulation of chipped flints in sq. K-7–8, plan

за пределы внешних границ скопления, что вполне характерно для скоплений продуктов первичного расщепления (Колесник, Леонова 2002; Горелик, Дегерменджи 2012; Noae 2008: fig 2, B). Горизонтальный профиль системы связей служит надежным маркером первоначального положения слоя; в протоколе глубин залегания деталей аппликаций абсолютно преобладают отметки 92–93 см. Это означает, что слой расщепленного кремня изначально был относительно тонким и не имел характера «кучи». Вне сомнений, скопление сохранилось в первоначальном положении, с учетом типичной для стоянок на открытом воздухе вертикальной постдепозиционной деформации слоя, и отражает кратковременный эпизод производственной деятельности. Деформация слоя проявилась в перемещении отдельных кремней вверх и вниз по профилю почвы в результате сложных процессов почвообразования. Скопление было сформировано на горизонтальной поверхности обитания без следов неровностей или искусственного углубления. Общее количество изделий, найденных в пределах скопления, составляет 201 экз. (таблица).

Т а б л и ц а

**Урочище Выдылыха,
скопление в кв. К-7–8, состав коллекции кремневых изделий**

№	Вид изделий	Количество	%
1	Изделие с комбинированным утончением	1	0,5
2	Резец	1	0,5
3	Отщепы и их фрагменты (+ в «складнях»)	122 (+ 31)	76
4	Сколы с нуклеусов и их заготовок	12	6
5	Сколы с реберчатых участков	8	4
6	Вентральные сколы	4	2
7	Сколы формирования бифасов	14	7
8	Сколы «перебора карниза»	6	3
9	Сколы с уплощенных заготовок	2	1
Всего:		201	100

В производственных целях были использованы преимущественно конкреции качественного мелового кремня местного происхождения. В скоплении представлены продукты расщепления минимум двух крупных конкреций серого с мраморовидным ядром и редкими включениями кремня. Поверхность конкреций тонкая. Включения имеют вид мелких пятен, трещин с белесым заполнением, более светлых разводов с «облачным» рисунком. Форма и размер конкреций надежно восстанавливаются по нескольким крупным кремневым «складням».

«Складень» 1 состоит из восьми сколов, приуроченных к сферической оконечности крупной кремневой конкреции. Шесть сколов сохраняют меловую корку. Размеры конкреции крупные, не менее 153 мм в поперечнике. Поверхность сферическая, гладкая, с сетью нитевидных бороздок. Кремневая масса серая с белесыми прожилками. При расщеплении конкреции использовался тяжелый каменный отбойник. Первоначально конкреция была расколота на крупные блоки-фрагменты. Площадками для следующих сколов служили трещины разломов. Площадки специально не обрабатывались. В результате такой грубой обивки образовалась массивная угловатая сердцевина.

«Складень» 2 — аппликация из семи первичных сколов, срезающих значительный участок поверхности крупной конкреции округлой формы. Поперечное сечение участка конкреции — не менее 178 мм. Кремень серый, стекловидный. «Складень» отражает эпизоды скалывания с двух площадок. Основная последовательность сколов была образована в результате серии однонаправленных ударов с гладкой площадки (торец раскола) жестким отбойником. Уплощенный характер поверхности конкреции на данном участке обусловил относительную тонкость всех первичных сколов. Вторая часть «складня» — два массивных скола, направленных под углом к осям первого блока сколов. Они также обеспечили удаление меловой корки с весьма крупной конкреции.

«Складень» 3 — аппликация трех сколов с поперечно-встречной ориентацией осей. Первый скол сохраняет участок корковой поверхности. Площадки гладкие. Кремневое сырье такое же, как и у «складней» 1–2.

«Складни» 4–9 — аппликации по два-три скола разных размеров и типов.

Всего в «складнях» 31 скол и фрагмент. Таким образом, коэффициент аппликаций составляет 15,4 %.

В целом, в материалах скопления ожидаемо совмещаются, прежде всего, сколы с первичной коркой. Массивность большинства из них в сочетании с широкими гладкими площадками свидетельствует о применении тяжелого «жесткого» отбойника.

Разбивка конкреции на блоки-фрагменты и первичная обработка не содержат указаний на цель процесса расщепления. После цикла первичной обработки была сформирована угловатая сердцевина, которая могла либо трансформироваться в нуклеус, либо раскалываться дальше на крупные отщепы.

Характерные признаки меловой корки не исключают принадлежность «складней» 1–6 к одной весьма крупной конкреции. Первичную корку сохранили 42 % сколов.

В материалах скопления особый интерес представляет крупное (длиной 118 мм, шириной 72 мм, толщиной 24 мм) изделие из отщепа (рис. 2, 7). Основой для заготовки послужил весьма крупный отщеп с рельефной вентральной поверхностью. Он был сколот тяжелым каменным отбойником. Судя по рисунку включений и цветовой гамме кремневой массы, отщеп явно связан с конкрецией, представленной наиболее крупным «складнем» 1. Заготовка была подвергнута уплощению, в ходе которого приемы классического нуклеусного утончения сочетались с приемами вентрального уплощения ударного бугорка и прилегающих участков. В результате предмет обработки приобрел морфологию плоского двуплощадочного нуклеуса для пластинчатых сколов, усложненную уплощенным ударным бугорком преформы. Дальнейшая модуляция заготовки не производилась, поэтому следы ядрищного уплощения и обработки вентральной стороны сохранились в неизменном виде.

Последовательность обработки восстанавливается по «стратиграфии» характерных следов. Прежде всего, вдоль продольного края сколами с вентральной стороны заготовки была создана площадка со скребловидной морфологией (рис. 2, 7-I). С этой площадки были сняты угловые-боковые вентральные сколы, понижающие рельеф ударного бугорка и придающие продольному профилю элемент симметричности. Сколы осуществлялись с угла заготовки на боковой участок (рис. 2, 7-II). Затем были образованы вторичные полярно расположенные ударные площадки, подобные площадкам на нуклеусах (рис. 2, 7-III). Площадки грубо фасетированные. Одна из них срезала зону первичной ударной площадки отщепа-заготовки, вторая — дистальный участок отщепа. С площадок во встречном направлении были сколоты широкие плоские удлиненные отщепы, придавшие предмету расщепления вид плоского нуклеуса для грубых пластин (рис. 2, 7-IV). Негативы пластинчатых сколов слабо изогнуты в профиле, с перообразным окончанием. Образовавшиеся на вторичных площадках карнизы не убраны. Пластинчатые сколы по краю фронта частично срезали площадку для

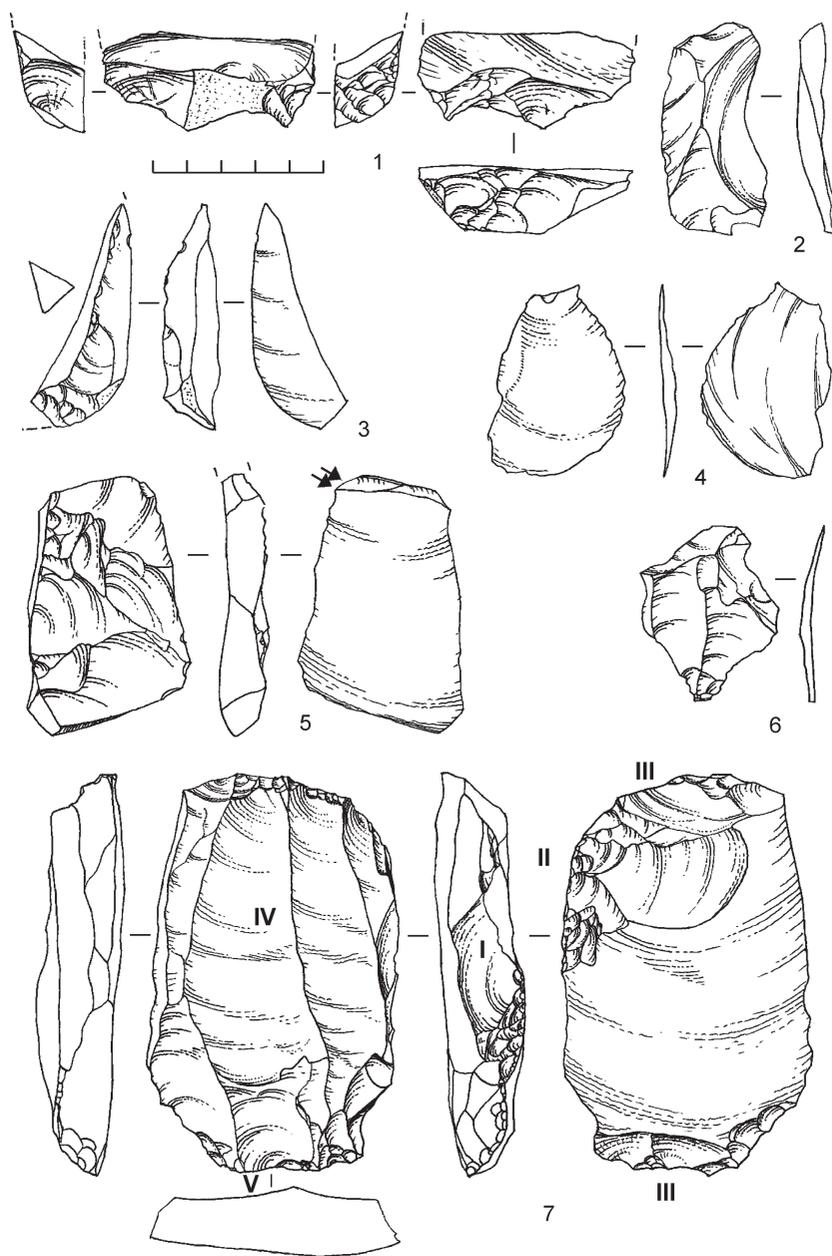

Рис. 2. Выдылыха, кремневые изделия из скопления в кв. К-7-8: 1-4, 6 — служебные сколы; 5 — резец; 7 — изделие с комбинированным ядрищным уплощением (I-V — последовательность обработки)

Fig. 2. Vidylykha, flint artifacts from the accumulation in sq. K-7-8: 1-4, 6 — technical flakes; 5 — burin; 7 — object with combined core thinning (I-V — sequence of working)

вентрального уплощения. Вторичная площадка на дистальном конце отщеп-преформы и относительно короткие сколы (рис. 2, 7-*V*) с нее способствовали продольному заострению изделия и симметричности профиля.

Эта последовательность обработки не была завершена; часть продольной площадки (рис. 2, 7-*I*) не была до конца использована. В результате произведенных операций была сформирована преформа, удобная для изготовления небольшого овального топора или, при необходимости, двусторонне обработанного наконечника.

Помимо данного предмета, ярко иллюстрирующего приемы ядрищного и вентрального уплощения заготовки, в скоплении найдены разнообразные служебные сколы, вероятно, возникшие при реализации таких приемов. Это фрагмент преформы с вторичной полюсной площадкой (рис. 2, 1), скол с углового участка подобной заготовки (рис. 2, 3), вентральные сколы (рис. 2, 4), краевой скол и сколы «перебора карниза» (рис. 3, 5).

Топография скола вторичной площадки, удалившего вторичную площадку, не вызывает сомнений — эта площадка располагалась на дистальном конце отщеп-заготовки. В качестве преформы использовался крупный кремневый скол с первичной коркой. Вторичная поперечная площадка образована серией мелких сколов, имеет угол наклона 4°. Сколотый фрагмент (рис. 2, 1) срезал также участок продольной боковой скребловидной площадки, предназначенной для выравнивания продольного профиля и уплощения вентральной поверхности. Показательно, что сначала была образована продольная площадка для вентрального уплощения, затем полярная вторичная площадка, как и в случае с описанной выше крупной отщеповой заготовкой.

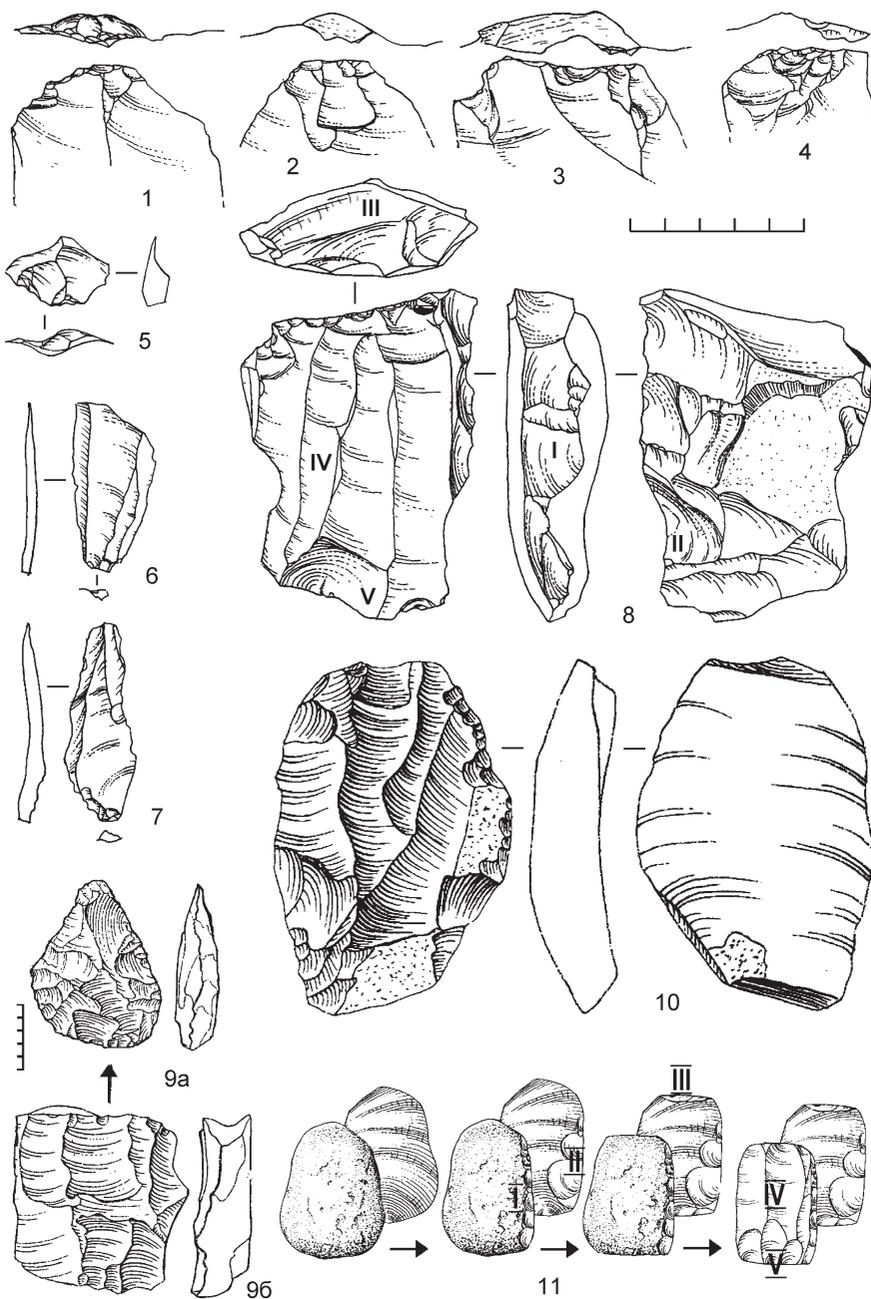
Еще один технический скол (рис. 2, 3) ассоциируется с боковым участком крупного отщепа со следами неудачной попытки формирования вторичной поперечной площадки.

Оба охарактеризованных выше служебных скола фактически повторяют морфологию отдельных участков заготовки со следами ядрищного и вентрального уплощения (рис. 2, 7), т. е. свидетельствуют о системности изготовления подобных заготовок.

В этом же технологическом контексте, скорее всего, находятся и несколько классических вентральных сколов. Всего их в коллекции из скопления 4 экз. (таблица). Среди них выделяются как сколы с продольной ориентацией осей, так и сколы с перекрестными осями (рис. 2, 4), т. е. сколы, срезающие ударный бугорок отщеп-преформы угловыми-боковыми снятиями.

Рис. 3. Кремневые изделия: 1–7 — Выдылыха, скопление в кв. К-7–8; 8 — мастерская у с. Красное; 9а, 9б — экспериментальные данные (по Матюхин 1983); 10 — мастерская в Бирючьей Балке (по Матюхин 2012); 11 — реконструкция комбинированного ядрищного уплощения (I–V — последовательность обработки)

Fig. 3. Flint artifacts: 1–7 — Vydylkha, accumulation in sq. K-7–8; 8 — workshop near the village of Krasnoe; 9a, 9b — experimental data (after Матюхин 1983); 10 — workshop at Biryuchia Balka (after Матюхин 2012); 11 — reconstruction of combined core thinning (I–V — sequence of working)

Приблизительно столько же (6 экз.) сколов, которые могли возникнуть в ходе процедуры «перебора карниза». Эти небольшие сколы с широкой площадкой срезают выступающий угловой участок зоны расщепления на стыке двух крупных негативов (рис. 3, 5). Не исключена связь мелких сколов перебора карниза с процессом обработки заготовки методами ядрищного уплощения.

В материалах скопления содержатся также 14 сколов формирования бифасов. Они обладают характерными признаками морфологии этого класса технических сколов (рис. 2, 2, б) — расширяющийся корпус, тонкое сечение, зона расщепления со следами редуцирования, пришлифовки и тонкого фасетирования, радиальная, конвергентная или комбинированная огранка. Разумеется, с производством бифасов связано гораздо большее количество сколов, но их морфология менее отчетлива. Среди сколов преобладают образцы длиной 30–45 мм, что соответствует производству средних и крупных по величине бифасов. Специфические технологические реперы в этой небольшой подборке сколов формирования двусторонне обработанных орудий как будто не заметны. Площадки сколов формирования бифасов точечные (5 экз.), фасетированные (1 экз.) и редуцированные с пришлифовкой (5 экз.).

Относительно немногочисленная подборка сколов (12 экз.), видимо, связанных с расщеплением нуклеусов, включает фрагмент продольного скола с призматического нуклеуса, крупный краевой резцевидный скол с первичной коркой, скол с продольно-поперечной огранкой и девять атипичных пластинчатых сколов, в том числе 3 экз. — с участками меловой корки. Краевой резцевидный скол обычно является индикатором формирования торцевого фронта на нуклеусе из первичного отщепа (чаще) или боковой модуляции заготовки орудия. Атипичные пластины (рис. 3, 6, 7) могут быть производными обработки бифасов. Поэтому с расщеплением нуклеуса достоверно связан только один продольный технический скол, захватывающий основание призматического нуклеуса.

Морфологические характеристики ребристых сколов (8 экз.) не устойчивы и, скорее всего, отражают ситуационное расщепление. Ребристые поверхности односторонние (5 экз.), преимущественно с неубранными карнизами.

При расщеплении кремня применяли в основном простые техники скола. Представлены зоны расщепления с фасетированными ударными площадками (рис. 3, 1), гладкими площадками с карнизами (рис. 3, 3), перебором карниза (рис. 3, 2), точечные, редуцированные (рис. 3, 4). Следы пришлифовки отмечены только в одном случае.

Обращает на себя внимание значительный удельный вес вторичных (или с незначительными участками первичной корки) отщепов с тонким уплощенным сечением (18 экз.). Коэффициент сечения большинства сколов составляет соотношения значений ширины к толщине не меньше чем 15 : 1. Скалывание этих отщепов явно приводило к эффекту уплощения поверхности предмета обработки. Характер дорсальной поверхности сколов подсказывает, что они были продуктом обработки преимущественно крупных отщепов без меловой корки.

Орудие представлено одним резцом на фрагменте крупной ребристой пластины (рис. 2, 5).

В целом, судя по наличию в скоплении заготовки на стадии уплощения и специфических описанных выше технических сколов, на данном участке при обработке крупных массивных сколов систематически применяли приемы ядрищного и вентрального уплощения, а также двусторонней обработки. Отсутствие или слабая выраженность других технологических контекстов позволяет допускать непосредственную взаимосвязь этих приемов — в ходе кратковременной сессии расщепления уплощенные при помощи относительно сложной техники заготовки тут же модулировались в бифасы. Конечный продукт такой обработки в скоплении отсутствует. По этой причине мы не можем реконструировать всю операционную последовательность, но ее начальная стадия уверенно восстанавливается. Это стадия начального цикла недифференцированного формирования бифаса, характерная для мастерских по первичному расщеплению. Сформированная на этой стадии система вторичных площадок охватывала практически весь периметр заготовки и создавала предпосылки для дальнейшей, более тонкой обработки. Судя по отсутствию в скоплении мелких отщепов и чешуек, окончательную доводку изделий до состояния типологически законченных орудий осуществляли за пределами данного участка.

Наличие в скоплении серии весьма плоских сколов с неустойчивой морфологией не противоречит выводу о широком применении приемов уплощения отщеповых заготовок для каких-то орудий массовой серии. Безусловно, здесь решалась специфическая ограниченная технологическая задача.

Сравнительный анализ изделия с комбинированным ядрищным уплощением и реконструкция технологии

Яркие отличительные особенности морфологии изделия из кв. К-7–8 позволяют сравнивать его с кругом изделий с аналогичными признаками ядрищного утончения.

Данный прием обработки заготовок не является уникальным в бассейне Северского Донца. Предмет, близкий заготовке из кв. К-7–8 по морфологии, размерам и порядку обработки, содержится в поверхностных сборах на пункте Красное-5 в Северо-Западном Донбассе. Горный комплекс у с. Красное Артемовского р-на состоит из карьеров по добыче кремня и сложной системы мастерских преимущественно неолитического и энеолитического возраста. Этот комплекс был обнаружен еще в 1960-е гг. (Цвейбель 1968; Колесник 2013), но известен только по предварительным публикациям (Дегерменджи, Коваль 1996; Колесник 2004; Колесник, Дегерменджи 1989; Кравець 1985; Kolesnik 1997; 2006). Предварительно, пункт 5 в с. Красном относится к среднестоговской культуре регионального раннего энеолита (Дегерменджи, Коваль 1996).

Сравниваемый (и впервые публикуемый) предмет имеет вид плоского нуклеуса для пластин с уплощенной тыльной стороной (рис. 3, 8). Морфология этого изделия поразительно сходна с заготовкой из скопления в кв. К-7–8, но ядрищному уплощению подверглась не дорсальная, а вентральная поверхность отщеп-преформы. Возможно, была использована плитка кремня с меловой коркой на обеих поверхностях. Форма изделия в плане неправильно-прямоугольная, размеры 92 × 68 × 28 мм. Порядок расщепления реконструируется в такой

последовательности: в первую очередь была образована меньшая (нижняя по рисунку) полюсная площадка, затем последовательными сколами сформирована продольная боковая площадка (рис. 3, 8-*I*). Сколы с продольной площадки существенно понизили рельеф выпуклой корковой поверхности (рис. 3, 8-*II*). Следующий цикл был связан с образованием второй поперечной полюсной площадки (рис. 3, 8-*III*) и серией пластинчатых сколов с явным уплощающим эффектом (рис. 3, 8-*IV*). Скол с нижней площадки обеспечил выравнивание профиля на одном из участков заготовки (рис. 3, 8-*V*).

Учитывая специфику описанного способа обработки обеих заготовок, который заключается в одновременном использовании вторичных полярных площадок для дорсального уплощения и вторичной продольной боковой площадки для вентрального уплощения, этот прием с технологической точки зрения логично назвать *комбинированным ядрищным уплощением*.

Очевидно, что изделия из неолитического скопления и сборов на энеолитической мастерской не являются законченными формами и отражают начальную стадию модуляции орудий с двусторонней обработкой, широко представленную в комплексах первичной кремнеобработки.

Суждения о такой операционной последовательности базируются не только на материалах скопления в кв. К-7–8 урочища Выдыльыха и мастерской Красное-5.

Во-первых, экспериментальными исследованиями установлено, что уплощение заготовки часто было необходимым условием формирования бифасов из массивных отщепов и кусков (Newcomer 1971: 88–90). Уплощение и черновая обработка определяли размеры и контуры орудия и предшествовали стадии окончательной отделки. В экспериментах по моделированию технологии изготовления ашельских ручных рубил (рис. 3, 9*б*) А. Е. Матюхин начальную стадию обработки двусторонних орудий называл «стадией специального уплощения» (Матюхин 1983: 152) и отмечал часто возникающий при этом эффект морфологии плоских нуклеусов (Там же: 157, 165). На деле эти заготовки мало чем отличаются от плоских двуплощадочных нуклеусов для пластин и пластинчатых сколов (рис. 3, 9*а*).

Археологически заготовки с ядрищной обработкой корпуса известны в материалах мастерских для орудий двусторонних форм. В частности, в позднепалеолитических слоях мастерской Бирючья Балка 2 в низовьях Северского Донца найдены изделия из отщепов с вторичными ядрищными площадками и выраженными следами уплощения (Матюхин 2012). Эти изделия (рис. 3, 10) встречены в контексте технологии изготовления треугольных наконечников стрелецкого типа. В материалах мастерской А. Е. Матюхин выделяет несколько стадийных схем изготовления наконечников, в том числе со стадией нуклеидных орудий (Там же: 184).

Во-вторых, рудименты поверхностей, возникших на заготовках на стадии комбинированного ядрищного уплощения, иногда сохраняются на самих законченных орудиях. Понятно, что это справедливо по отношению к поверхностям со встречной параллельной огранкой; негативы сколов вентрального уплощения практически неотличимы по размерам и направленности от последующих сколов обработки. Редкие следы продольной параллельной огранки на одной из сторон орудия, не срезанные полностью сколами отделки, возможны в случаях,

когда ядрищное уплощение обеспечило планируемый низкий коэффициент сечения и прямизну профиля заготовки. Отчетливая вторичная параллельная огранка заготовки видна на наконечнике дротика из погребения ямной культуры возле с. Каменка в Николаевской обл. (Razumov 2011: fig. 26, 1). Следы аналогичной обработки сохранились на кремневом наконечнике из III энеолитического слоя поселения Александрия на Северском Донце (Телегин 1973: рис. 7, 7).

Следует отметить, что в каменном веке Евразии приемы обработки поверхностей кремневых орудий методами ядрищного расщепления широко применялись в различных контекстах, по крайней мере, со среднего палеолита. Вариантность приемов такого управления поверхностью скалывания объясняется их эффективностью, технической простотой и ориентацией на разные цели. Широко распространенное название этого приема вторичной обработки — «ядрищное утончение» (Васильев и др. 2007: 200). При помощи этого эффективного приема в среднем палеолите формировали изделия типа *trunqueted-faceted* или *Nahr Ibrahim* (Solecki R. S., Solecki R. L. 1970), скребла с утонченным корпусом (Любин, Джафаров 1986) и ряд других типов орудий. В позднем палеолите метод связан преимущественно с получением ножей костенковского типа (Ефименко 1953; Беляева 1977). Вокруг типологии и технологии изготовления этих ножей давно ведется продуктивная дискуссия (Беляева 1977; Гвоздовер, Беляева 1988; Амирханов 2000; Лев и др. 2009; и др.). Тыльная сторона трапеций со струганной спинкой позднего неолита — энеолита также формировалась при помощи ядрищного приема утончения.

В этом ряду находится и прием комбинированного ядрищного уплощения заготовок для орудий, в том числе и два детально описанных предмета, однако в данном случае комбинированное ядрищное уплощение, видимо, является стадийным этапом обработки бифасов.

Реконструкция операционной последовательности расщепления в рамках данной версии уплощения заготовки представлена на рис. 3, 11.

Некоторое сходство заготовок бифасов на стадии комбинированного ядрищного уплощения с плоскими нуклеусами для пластин позднепалеолитической мастерской Висла Балка на Северском Донце (Колесник и др. 2002: рис. 56, 4; 62, 3) объясняется сходным порядком расщепления. Подобную морфологию имеют и некоторые плоские нуклеусы неолитической стоянки Матвеев Курган в Северном Приазовье (Крижевская 1992). Однако тыльная сторона плоских нуклеусов всегда имеет выпуклую поверхность, необходимую для поддержания параметров рабочего фронта. Поперечное сечение этих нуклеусов неправильно-линзовидное с выраженной асимметрией сторон. Существенно отличаются и зоны расщепления.

Выводы

Пристальный анализ материалов мастерских по первичной обработке кремня позволяет детализировать технологию производства бифасов из грубых отщеповых заготовок. Материалы скопления в кв. К-7–8 неолитического местонахождения в урочище Выдылыха на Северском Донце служат основой для реконструкции приема комбинированного ядрищного уплощения заготовки.

Рудименты рельефа уплощенных заготовок, сохраняющиеся на законченных изделиях, показывают, что ядрищное уплощение было базовой процедурой подготовки значительного количества бифасов. Сочетаемость уплощения, производимого с полярных площадок, с уплощением обратной стороны с продольной боковой площадки в доступных примерах позволяет дифференцировать эту технологию с расщеплением нуклеусов. Целевым продуктом расщепления при ядрищном уплощении были не сколы с неустойчивой морфологией, а остаточное уплощенное ядро, собственно плоская заготовка с системой площадок по всему периметру.

Выделение приема комбинированного уплощения заготовок осуществлено эвристическим путем.

Небольшой технологический эпизод, в рафинированном виде сохранившийся в неолитических материалах скопления в кв. К-7–8 урочища Выдылыха, фактически отражает широко распространенную в каменном веке и энеолите юга Восточной Европы практику изготовления бифасов разных типов. Очевидно, эта технология входит в круг технологий расщепления камня, не имеющих узкого культурного и хронологического контекста.

Литература

- Амирханов 2000 — *Амирханов Х. А.* Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 244 с.
- Беляева 1977 — *Беляева В. И.* Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа» // Праслов Н. Д. (отв. ред.). Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. С. 117–126.
- Васильев и др. 2007 — *Васильев С. А., Бозинский Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиля Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 264 с.
- Гвоздовер, Беляева 1988 — *Гвоздовер М. Д., Беляева В. И.* О «ножах костенковского типа» // Любин В. П. (отв. ред.). Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: ТД к советско-французскому симпозиуму. Л.: Наука, 1988. С. 117–126.
- Герасименко 2004 — *Герасименко Н. П.* Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Киев: Институт географии НАН Украины, 2004. 38 с.
- Горелик, Дегерменджи 2012 — *Горелик А. Ф., Дегерменджи С. М.* Некоторые методические приемы, использованные в обработке материалов неолитической стоянки-мастерской Старица XVIII в Подонцовье // STRATUMplus. 2012. № 2. С. 193–204.
- Дегерменджи, Коваль 1996 — *Дегерменджи С. М., Коваль Ю. Г.* Кремнеобрабатывающая мастерская с индустрией среднестоговского облика у с. Красное // Горбов В. Н. (отв. ред.). Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Мат-лы междунар. конф. Донецк: Изд-во ДГУ, 1996. Ч. 1. С. 14–19.
- Ефименко 1958 — *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 454 с.
- Колесник 2004 — *Колесник А. В.* Донбасс как древнейший добывающий и обрабатывающий центр // ДАС. 2004. Вып. 11. С. 199–201.
- Колесник 2007 — *Колесник А. В.* Проблема исследования комплексного памятника

археологии Выдылыха на Северском Донце в 2004–2006 гг. экспедицией Донецкого национального университета // *Історичні і політологічні дослідження*. 2007. Донецк: Вид-во ДНУ, 2007. № 1/2 (31/32). С. 198–202.

Колесник 2013 — *Колесник А. В.* Очерк истории изучения памятников кремнедобычи и кремнеобработки каменного века — эпохи палеометалла Большого Донбасса // *АА*. 2013. № 30. С. 5–35.

Колесник, Дегерменджи 1989 — *Колесник А. В., Дегерменджи С. М.* Карта памятников кремнедобычи и кремнеобработки в Донецкой области // *Колесник А. В., Дубовская О. Р., Дегерменджи С. М.* (ред.). ТД областного науч.-практ. семинара «Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе». Донецк, 1989. С. 18–21.

Колесник и др. 2002 — *Колесник А. В., Коваль Ю. Г., Гирия Е. Ю.* Морфология продуктов первичного расщепления и краткий технологический анализ // *Колесник А. В.* (отв. ред.). Висла балка — позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Донецк, 2002. С. 98–135 (АА. № 11).

Колесник, Леонова 2002 — *Колесник А. В., Леонова Н. Б.* Структурные элементы памятника и планиграфический анализ // Там же. С. 29–97.

Кравець 1985 — *Кравець Д. П.* Нові знахідки крем'яних сокир в Середній Донеччині // *Археологія*. 1985. № 1. С. 78–83.

Крижевская 1992 — *Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.: ИИМК РАН, 1992. 177 с. (АИ. Вып. 5).

Лев и др. 2009 — *Лев С. Ю., Кларик Л., Гирия Е. Ю.* О причинах разнообразия ножей костенковского типа // *РА*. 2009. № 4. С. 80–92.

Леонова 1980 — *Леонова Н. Б.* Характер скоплений кремня на кремнеобрабатывающих мастерских // *Вестник МГУ. Серия 8: История*. 1980. № 5. С. 67–79.

Любин, Джафаров 1986 — *Любин В. П., Джафаров А. К.* Новая разновидность скребел (скребла с утонченным корпусом) в инвентаре Тагларской пещеры // *Любин В. П.* (отв. ред.). Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986. С. 74–77.

Матюхин 1983 — *Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита // *Рогачёв А. Н.* (отв. ред.). Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983. С. 134–187.

Матюхин 2006 — *Матюхин А. Е.* Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // *Аникович М. В.* (отв. ред.). Костёнки и ранняя пора позднего палеолита. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 87–104 (Тр. Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4).

Матюхин 2012 — *Матюхин А. Е.* Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с.

Сібільов 1946 — *Сібільов М. В.* Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р. Донця // *Наукові Записки Інституту історії і археології України*. Київ, 1946. Кн. 2. С. 29–37.

Телегін 1973 — *Телегін Д. Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 172 с.

Телегін и др. 1997 — *Телегін Д. Я., Духин О. Й., Кравченко Е. С.* Обстеження поселень епохи міді, бронзи і ранньослов'янського часу на Сіверському Дінці // *Археологія*. 1997. № 2. С. 143–147.

Цвейбель 1968 — *Цвейбель Д. С.* Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска // *Мат-лы науч. конф. кафедр исторических наук Донецкого университета*. Харьков; Донецк: Изд-во ДГУ, 1968. С. 177–186.

Шовкопляс 1965 — *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. Киев: Наукова думка, 1965. 327 с.

Kolesnik 1997 — *Kolesnik A.* Donbas (South-East Ukraine) — an important East European centre of flint-working // Shild R., Sulgostowska Z. (eds.). Man and flint: Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa — Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995. Warszawa, 1997. P. 209–216.

Kolesnik 2006 — *Kolesnik A.* Neolithic — Chalkolithic Flint Exploitation in Donbas (South-East of the Ukraine) // Stone Age — Mining Age. Bochum, 2006. S. 129–134 (Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kulturen im Bergbau. Beiheft 19).

Kozłowski J., Kozłowski S. 1977 — *Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.* Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. 315 s.

Newcomer 1971 — *Newcomer M. N.* Some quantitative experiments in handaxe manufacture // World Archaeology. 1971. Vol. 3, no. 1. P. 85–94.

Noae 2008 — *Noae Y.* Distribution of the lithic refittings and production skills (the case study from the Shirataki site group, Northern Hokkaido, Japan) // Хлопачёв Г. А. (отв. ред.). Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций: сб. ст. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 8–13 октября 2007 г.). Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. СПб.: Наука, 2008. С. 81–97.

Razumov 2011 — *Razumov S. M.* Flint Artefacts of Northern Pontic Populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200–1600 BC (based on burial materials). Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2011. 326 p. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 16).

Solecki R. S., Solecki R. L. 1970 — *Solecki R. S., Solecki R. L.* A new secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim cave site, Lebanon // Bulletin de Musée de Beyrouth. 1970. No. 23. P. 137–142.

TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE FLINT INDUSTRY FROM THE NEOLITHIC SITE OF VYDYLYKHA IN DONBASS

A. V. KOLESNIK

Dedicated to the memory of Alexander Efimovich Matyukhin

Keywords: *Neolithic, Seversky Donetz, paleotechnology, refitting, flint tool half-products.*

The paper deals with the materials of one of accumulations of flint flaking products from the Late Neolithic site of Vydylkha on the Seversky Donetz. The collection contains bifacially worked tools made on big flint flakes. The ventral face of blank flakes was thinned from the longitudinal striking platform, while the dorsal face was thinned by bipolar removals from two opposite secondary platforms. This use of this method of «core thinning» for flattening pre-forms of bifacial tools has a broad chronological and cultural context.

Literature

Амирханов 2000 — *Amirkhanov Kh. A. Zarayskaya stoyanka (Zaraisk site)*. М.: Nauchnyi mir, 2000. 244 p. (in Russian).

Беляева 1977 — *Belyaeva V. I. Opyt' sozdaniya metodiki opisaniya «nojej kostenkovskogo tipa» (An attempt to create a methodology of description of the «Kostenki type knives») // Praslov N. D. (ed.). Problemy' paleolita Vostochnoy i Central'noy Evropy' (Problems of the Paleolithic of East and central Europe)*. L.: Nauka, 1977. P. 117–126 (in Russian).

Васильев и др. 2007 — *Vasiliev S. A., Bosinski G., Bredly B. A., Vishnyatsky L. B., Girya E. Yu., Gribchenko Yu. N., Zheltova M. N., Tikhonov A. N. Chety'reh'yazy'chnyy' (rusско-anglo-franko-nemeckiy) slovar'-spravochnik po arheologii paleolita (Four-language [Russian-English-French-German] glossary of Paleolithic archaeology)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. 264 p. (in Russian).

Гвоздовер, Беляева 1988 — *Gvozdover M. D., Belyaeva V. I. O «nojah kostenkovskogo tipa» (On the «Kostenki type knives») // Liubin V. P. (ed.). Zakonomernosti razvitiya paleoliticheskikh kul'tur na territorii Francii i Vostochnoy Evropy' (Regularities in the development of Paleolithic cultures on the territories of France and East Europe): abstracts of papers of the Soviet-French Symposium*. L.: Nauka, 1988. P. 54–56 (in Russian).

Герасименко 2004 — *Gerasimenko N. P. Razvitie zonal'ny'h landshaftov chetvertichnogo perioda na territorii Ukrainy' (Evolution of the Quaternary zonal landscapes in the territory of Ukraine): Doctor of geographical science dissertation abstract*. Kiev: Institute of Geography of the National AS of Ukraine, 2004. 38 p. (in Russian).

Горелик, Дегерменджи 2012 — *Gorelik A. F., Degermendji S. M. Nekotory'e metodicheskie priemy', ispol'zovanny'e v obrabotke materialov neoliticheskoy stoyanki-masterskoy Starica XVIII v Podoncov'e (Some methods employed to work materials at the Neolithic occupation site-workshop of Staritsa XVIII in the Donetz basin) // STRATUMplus*. 2012. No. 2. P. 193–204 (in Russian).

Дегерменджи, Коваль 1996 — *Degermendji S. M., Koval Yu. G. Kremneobrabaty'vayusch'aya masterskaya s industriey srednestogovskogo oblika u s. Krasnoe (Flint workshop with an industry of the Sredny Stog appearance near the village of Krasnoe) // Gorbov V. N. (ed.). Severo-Vostochnoe Priazov'e v sisteme evraziyskikh drevnostey (e'neolit — bronzovy'y vek) (Northeastern Azov Sea region in the Eurasian context [Eneolithic — Bronze Age]): Materials of International Conference*. Donetsk: DSU, 1996. Pt. 1. P. 14–19 (in Russian).

Ефименко 1958 — *Efimenko P. P. Kostenki I (Kostenki I)*. М.; Л.: AS of the USSR, 1958. 454 p. (in Russian).

Колесник 2004 — *Kolesnik A. V. Donbass kak drevneyshiy doby'vayusch'iy i obrabaty'vayusch'iy centr (Donbas at the oldest center of mining and manufacturing) // Doneckiy arheologicheskii sbornik (Donetsk archaeological collection)*. 2004. Vol. 11. P. 199–201 (in Russian).

Колесник 2007 — *Kolesnik A. V. Problema issledovaniya kompleksnogo pamyatnika arheologii Vy'dy'ly'ha na Severskom Donce v 2004–2006 gg. e'kspeditsiy Doneckogo nacional'nogo universiteta (Problem of the study of the complex archaeological site of Vadylykha on the Seversky Donetz in 2004–2006 by the expedition from Donetsk State University) // I'storichni' i' poli'tologični' dosli'djennya (Historical and political studies)*. 2007. Donetsk: DSU, 2007. No. 1/2 (31/32). P. 198–202 (in Russian).

Колесник 2013 — *Kolesnik A. V. Oчерк istorii izucheniya pamyatnikov kremnedoby'chi i kremneobrabotki kamennogo veka — e'pohi paleometalla Bol'shogo Donbassa (Essay on the history of the study of flint-mining and flint-working Stone Age and Early Metal Period sites in the Great Donbas) // Arheologicheskii al'manah (Archaeological almanac)*. 2013. No. 30. P. 5–35 (in Russian).

Колесник, Дегерменджи 1989 — *Kolesnik A. V., Degermendji S. M. Karta pamyatnikov kremnedoby'chi i kremneobrabotki v Doneckoy oblasti (Map of flint-extracting and flint-working sites in the Donetsk oblast) // Kolesnik A. V., Dubovskaya O. R., Degermendji S. M. (eds.). Problemy' ohrany' i ispol'zovaniya pamyatnikov arheologii v Donbasse (Problems of protection and use of archaeological sites in Donbas): abstracts of papers of the regional research-and-practice seminar. Donetsk, 1989. P. 18–21 (in Russian).*

Колесник и др. 2002 — *Kolesnik A. V., Koval Yu. G., Giryа E. Yu. Morphology of primary flaking products and technological analysis // Kolesnik A. V. (ed.). Visla balka — pozdnepaleoliticheskiy pamyatnik na Severskom Donce (Visla balka — an Upper Paleolithic site on the Seversky Donetz). Donetsk, 2002. P. 98–135 (Archaeological almanac. No. 11) (in Russian).*

Колесник, Леонова 2002 — *Kolesnik A. V., Leonova N. B. Strukturny'e e'lementy' pamyatnika i planigraficheskiy analiz (Elements of site structure and spatial analysis) // Ibid. P. 29–97 (in Russian).*

Кравець 1985 — *Kravetz D. P. Novi' znahi'dki krem'yanih sokir v Seredni'y Donechchini' (New finds of flint axes in the Middle Donetz region) // Arkheologia (Archaeology). 1985. No. 1. P. 78–83 (in Ukrainian).*

Крижевская 1992 — *Krizhevskaya L. Ya. Nachalo neolita v stepyаh Severnogo Prichernomor'ya (The beginning of the Neolithic in the steppes of the North Black Sea region). St. Petersburg: IHMC RAS, 1992. 177 p. (in Russian).*

Лев и др. 2009 — *Lev S. Yu., Klaric L., Giryа E. Yu. O prichinah raznoobraziya nojey kostenkovskogo tipа (On the causes of variability of the Kostenki knives) // RA (Archaeology). 2009. No. 4. P. 80–92 (in Russian).*

Леонова 1980 — *Leonova N. B. Harakter skopleniy kremnya na kremneobrabaty'vayusch'ih masterskih (Character of accumulations of flint on flint workshops) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Herald of MSU). Series 8: History. 1980. No. 5. P. 67–79 (in Russian).*

Любин, Джафаров 1986 — *Liubin V. P., Dzhafarov A. K. Novaya raznovidnost' skrebel (skrebla s utonchenny'm korpusom) v inventare Taglarskoy pesch'ery' (New variety of side-scrapers (side-scrapers with thinned body) in the inventory of the Taglar cave) // Liubin V. P. (ed.). Paleolit i neolit (Paleolithic and Neolithic of the USSR). L.: Nauka, 1986. P. 74–77 (in Russian).*

Матюхин 1983 — *Matyukhin A. E. Orudiya rannego paleolita (Early Paleolithic tools) // Rogachev A. N. (ed.). Tehnologiya proizvodstva v e'pohu paleolita (Production technology in the Paleolithic period). L.: Nauka, 1983. P. 134–187 (in Russian).*

Матюхин 2006 — *Matyukhin A. E. Mnogosloyny'e paleoliticheskie pamyatniki v ust'e Severskogo Donca (Multilevel Paleolithic sites in the Seversky Donetz river mouth) // Anikovich M. V. (ed.). Koste'nki i rannyyа porа pozdnego paleolita (Kostenki and the early stage of the Upper Paleolithic). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2006. P. 87–104 (Proceedings of the Kostenki-Borshchevo Archaeological Expedition of IHMC RAS. Vol. 4) (in Russian).*

Матюхин 2012 — *Matyukhin A. E. Biryuch'ya Balka 2: Mnogosloynny'y paleoliticheskiy pamyatnik v bassejne Nijnego Dona (Biryuchia Balka 2: Multilevel Paleolithic site in the Lower Don basin). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2012. 244 p. (in Russian).*

Сібільов 1946 — *Sibiliyov M. V. Pi'dsumki dosli'djen' paleoli'tichnih i' neoli'tichnih stoyanok baseynu r. Doncyа (Results of the study of the Paleolithic and Neolithic sites in the Donetz river basin) // Naukovi' Zapiski I'nstitutu i'stori'i i' arheologii' Ukraїni (Scholarly Transactions of the Institute of History and Archaeology of Ukraine). Kiev, 1946. Book 2. P. 29–37 (in Ukrainian).*

Телегін 1973 — *Telegin D. Ya. Seredn'o-stogi'vs'ka kul'tura epohi mi'di' (Sredny Stog culture of the Copper Age)*. Kiev: Naukova dumka, 1973. 172 p. (in Ukrainian).

Телегін и др. 1997 — *Telegin D. Ya., Dukhin O. J., Kravchenko O. E. Obstejennya poselen' epohi mi'di', bronzi i' rann'oslov'yans'kogo chasu na Si'vers'komu Di'nci' (Investigation of the Copper Age, Bronze Age and early Slavonic settlements on the Seversky Donetz) // Arkheologia (Archaeology)*. 1997. No. 2. P. 143–147 (in Ukrainian).

Цвобель 1968 — *Zveibel D. S. Drevnie kremneobrabaty'vayusch'ie masterskie na okraine g. Kramatorska (Ancient flint workshops on the outskirts of Kramatorsk) // Materialy' nauchnoy konferencii kafedr istoricheskikh nauk Doneckogo universiteta (Materials of the Scholarly Conference of the Donetsk University Historical Chairs)*. Kharkov; Donetsk, 1968. P. 177–186 (in Russian).

Шовкопляс 1965 — *Shovkoplyas I. G. Mezinskaya stoyanka. K istorii Srednedneprovskogo basseyna v pozdnepaleoliticheskuyu e'pohu (Mezin site. Towards the history of the Middle Dnieper basin during the Paleolithic epoch)*. Kiev: Naukova dumka, 1965. 327 p. (in Russian).

Kolesnik 1997 — *Kolesnik A. Donbas (South-East Ukraine) — an important East European centre of flint-working // Shild R., Sulgostowska Z. (eds.). Man and flint: Proceeding of the VIIth International Flint Symposium. Warszawa — Ostrowiec Swietokrzyski. September 1995. Warszawa, 1997. P. 209–216.*

Kolesnik 2006 — *Kolesnik A. Neolithic — Chalkolithic Flint Exploitation in Donbas (South-East of the Ukraine) // Stone Age — Mining Age. Bochum, 2006. S. 129–134 (Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kulturen im Bergbau. Beiheft 19).*

Kozłowski J., Kozłowski S. 1977 — *Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977. 315 s.*

Newcomer 1971 — *Newcomer M. N. Some quantitative experiments in handaxe manufacture // World Archaeology*. 1971. Vol. 3, no. 1. P. 85–94.

Noae 2008 — *Noae Y. Distribution of the lithic reffittings and production skills (the case study from the Shirataki site group, Northern Hokkaido, Japan) // Khlopachev G. A. (ed.). Problemy' biologicheskoy i kul'turnoy adaptacii chelovecheskih populyaciy (Problems of biological and cultural adaptation of human populations)*. Vol. 1: Arheologiya. Adaptacionny'e strategii drevnego naseleniya Severnoy Evrazii: sy'r'e i priemy' obrabotki (Archaeology. Adaptive strategies of the ancient inhabitants of North Eurasia: raw material and methods of working). St. Petersburg: Nauka, 2008. P. 81–97.

Razumov 2011 — *Razumov S. M. Flint Artefacts of Northern Pontic Populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200–1600 BC (based on burial materials)*. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2011. 326 p. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 16).

Solecki R. S., Solecki R. L. 1970 — *Solecki R. S., Solecki R. L. A new secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim cave site, Lebanon // Bulletin de Musée de Beyrouth*. 1970. No. 23. P. 137–142.

ЛЫЖИ В ПЕТРОГЛИФАХ ФЕННОСКАНДИИ

Е. М. КОЛПАКОВ

Ключевые слова: петроглифы, археология Фенноскандии, мезолит, неолит, лыжи, снегоступы.

Остатки древних лыж — крайне редкие находки в археологии. Зато в наскальном искусстве Фенноскандии есть не только изображения самих лыж, но и сцены, демонстрирующие их использование. Причем на скалах есть изображения снегоступов, ожидать находок которых в археологических памятниках вряд ли придется. Изображения лыж имеются лишь на нескольких памятниках: на Онежском озере, в древнем устье р. Выг при ее впадении в Белое море, на островах оз. Канозеро в 16 км от современного берега Белого моря, на берегах Альта-фиорда (Alta) в Норвегии. В двух других крупнейших памятниках наскального искусства Фенноскандии — Нэмфоршене (Nämforsen) в Швеции и Вингене (Vingen) в Норвегии — лыж нет. Но они есть в трех памятниках с немногочисленными фигурами в Южной и Центральной Норвегии: Скогервейн (Skogerveien) в Драммене, Бола (Bøla) и на о. Родой (Rødøy).

На Онего и Выге используются только скользящие лыжи, на Канозере — скользящие лыжи и снегоступы, в Альте — только снегоступы. На Канозере нога лыжника не соприкасается с лыжей под ней, на Выге и Онего нога во всех случаях соединяется с лыжей. Во всех композициях с участием лыжников или просто следов лыж и снегоступов они связаны с одним из трех крупных объектов сухопутной охоты: лосем, оленем, медведем. В наскальных изображениях реализованы оба способа использования лыжных палок: с одной и парой. Разделить лыжные палки и копыя в руках лыжников невозможно из-за недостаточной подробности изображений.

Каждый памятник обладает своим собственным стилем изображения лыжников и лыж, несмотря на общее сходство всех памятников. На каждом памятнике наскального искусства представлена своя собственная традиция изображения лыжников, которая сохраняется от самых ранних выбивок и до самых поздних, что, впрочем, справедливо и для ряда других категорий фигур и типов композиций.

Учитывая принятые в настоящее время датировки памятников наскального искусства, петроглифы свидетельствуют, что в V–IV тыс. до н. э. древними людьми применялись вполне развитые лыжи и снегоступы.

Остатки древних лыж — крайне редкие находки в археологии. Зато в наскальном искусстве Фенноскандии есть не только изображения самих лыж, но и сцены, демонстрирующие их использование. Причем на скалах есть изображения снегоступов, ожидать находок которых в археологических памятниках вряд ли придется. Важность изобретения и использования лыж населением северной окраины Европы очевидна. Правда, изображения лыж имеются лишь на нескольких памятниках: на Онежском озере, в древнем устье р. Выг при ее впадении в Белое море, на островах оз. Канозеро в 16 км от современного берега Белого моря, на берегах Альта-фиорда (Alta) в Норвегии. В двух других крупнейших памятниках наскального искусства Фенноскандии — Нэмфоршене (Nämforsen) в Швеции (Larsson, Broström 2011) и Вингене (Vingen) в Норвегии (Lødøen, Mandt 2012) — лыж нет. Но они есть в трех памятниках с немногочисленными фигурами в Южной и Центральной Норвегии: Скогервейн в Драммене (Skogerveien), Бола (Bøla) и на о. Родой (Rødøy).

Памятники

Репертуар наскального искусства, связанный с лыжами, представлен следующими видами изображений: следами снегоступов и скользящих лыж, следами от использования лыжных палок, лыжниками на снегоступах и скользящих лыжах с палкой и без палок в руках, сценами с использованием лыж. Элементы этого набора весьма неравномерно и разнообразно распределяются по немногочисленным памятникам, на которых они представлены.

На *Онежском озере* выявлено две фигуры лыжников в профиль: на Бесовом Носу (рис. 1, 1) и на о. Корюшкин (рис. 1, 2). На Бесовом Носу, по описанию В. И. Равдоникаса, изображен человек «с маской животного на голове и с хвостом. В руках человек держит лунарный и солярный знаки вместе. Под согнутыми в коленях ногами изображена волнистая черта, вероятно — изображение змеи; конец ноги человека и форму этой черты полностью установить не удалось вследствие выбоины в граните. Маска на голове человека похожа на голову медведя» (Равдоникас 1936: 84–85, табл. 22). Этот человек находится позади профильного зооморфа, наиболее вероятно, лося. Черту под ногами человека все-таки проще считать изображением лыж, тем более что это вполне укладывается в ряд сходных изображений лыжников, несмотря на уникальность самой антропоморфной фигуры.

Второй лыжник обнаружен совсем недавно (Лобанова 2015: 236–239, рис. 165): это профильный антропоморф со слегка согнутыми в коленях ногами (ногой), под ногами горизонтальная линия с загнутым вверх передним концом, рука вытянута вперед к вертикальному стержню — лыжной палке. Ближайшие фигуры, медведей и лебедей, расположены позади лыжника.

В петроглифах *Выга* представлено наибольшее количество изображений, связанных с лыжами. Здесь зафиксированы три вереницы лыжников с палками из 3, 4 и 6 человек (рис. 1, 3–5) (Равдоникас 1938: табл. 3, 4) и пара без палок (рис. 1, 6) (Там же: табл. 32). Лыжник позади (преследующий) лося или оленя изображен в семи случаях и еще в трех сочетаниях такого же типа, но для которых нельзя утверждать наличие в них лыж (рис. 1, 7–16) (Равдоникас 1938: табл. 2, 5, 12, 22; Георгиевский, Лобанова 2012: 39; Савватеев 1970: рис. 62, 86). Выявлены также две сцены охоты лыжника с луком на медведя, в одной из которых изображены сплошная лыжня и следы от палки с правой стороны (рис. 1, 19) (Савватеев 1970: рис. 30), а в другой — прерывистая лыжня и следы палок с обеих сторон (рис. 1, 17) (Там же: рис. 35). Наконец, уникальная эпическая сцена охоты трех лыжников на трех лосей изображена на Залавруге 4 (рис. 2, 1) — здесь есть участки прерывистой и сплошной лыжни, следы от лыжных палок с обеих сторон лыжни, сами охотники на лыжах с загнутыми вверх концами с обеих сторон (размеры «полотна» — 3 × 2 м) (Там же: рис. 35). Кроме того, имеются еще восемь «отдельных» изображений лыжников (рис. 2, 2–9) (Равдоникас 1938: табл. 1, 3; Савватеев 1970: рис. 48, 62, 78) и одна неясная композиция с тремя лыжниками (рис. 1, 3) (Равдоникас 1938: табл. 3). Лыжники обычно держат перед собой вертикально палку в полусогнутой руке. Нередко передний, а также и задний концы лыжи загнуты вверх. В дополнение ко всему перечисленному, на Выге представлен ряд

Рис. 1. Петроглифы Онежского озера (1, 2) и Выга: 1, 2, 17–19 — лыжники; 3–6 — вереницы лыжников; 7–16 — лыжники и лоси/олени. 1 — Бесов Нос, Северный мыс; 2 — о. Корюшкин; 3–5, 12, 15, 16, 18 — Старая Залавруга; 6, 11 — Бесовы Следки, Южная группа; 7, 8 — Залавруга 20; 9 — Залавруга 12; 10 — Залавруга 14; 13 — Ерпин Пудас 2;

14 — Бесовы Следки, Северная группа; 17 — Залавруга 4; 19 — Залавруга 2 (1 — по Равдоникас 1936; 2 — по Лобанова 2015; 3–6, 11, 12, 14–16, 18 — по Равдоникас 1938; 7–10, 17, 19 — по Савватеев 1970; 13 — по Георгиевский, Лобанова 2012)

Fig. 1. Petroglyphs of Lake Onega (1, 2) and of the Vyg: 1, 2, 17–19 — skiers; 3–6 — chains of skiers; 7–16 — skiers and elks/deer. 1 — Besov Nos, northern cape; 2 — Koryushkin island; 3–5, 12, 15, 16, 18 — Staraya Zalavruga; 6, 11 — Besovy Sledki, southern group; 7, 8 — Zalavruga 20; 9 — Zalavruga 12; 10 — Zalavruga 14; 13 — Erpin Pudas 2; 14 — Besovy Sledki, northern group; 17 — Zalavruga 4; 19 — Zalavruga 2 (1 — after Равдоникас 1936; 2 — after Лобанова 2015; 3–6, 11, 12, 14–16, 18 — after Равдоникас 1938; 7–10, 17, 19 — after Савватеев 1970; 13 — after Георгиевский, Лобанова 2012)

фигур, принадлежность которых к лыжникам спорна (они нами здесь не рассматриваются, поскольку не добавляют ничего нового по сути к уже перечисленным).

На Канозере, как и на Выге, имеется уникальная эпическая сцена охоты, но не на лося, а на медведя (размеры «полотна» — 2,5 × 1,8 м) (рис. 3, 1). Она выполнена с учетом наклона и формы участка скалы. Прерывистая лыжня со следами

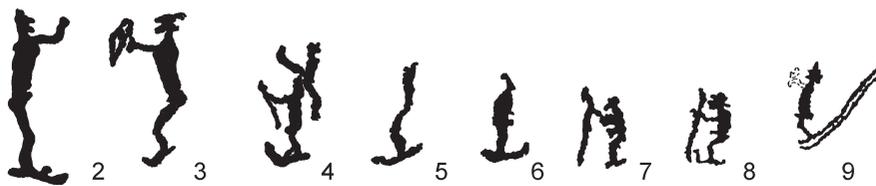
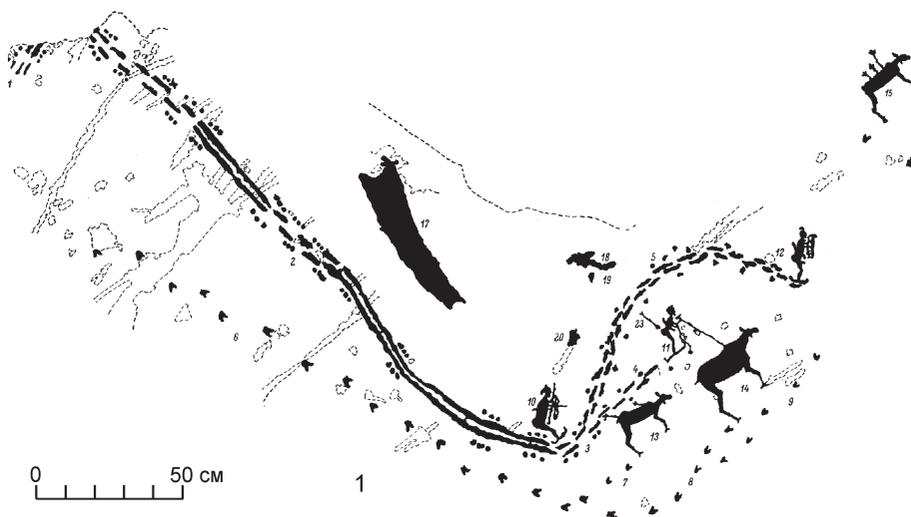

Рис. 2. Петроглифы Выга: 1 — охота лыжников на лосей; 2–9 — «одиночные» лыжники. 1 — Залавруга 4; 2 — Старая Залавруга, Северная скала; 3–5 — Старая Залавруга; 6 — Залавруга 8; 7, 8 — Залавруга 12; 9 — Залавруга 17 (1, 6–9 — по Савватеев 1970; 2–5 — по Равдоникас 1938)

Fig. 2. Petroglyphs of the Vyg: 1 — skiers hunting elks; 2–9 — «solitary» skiers. 1 — Zalavruga 4; 2 — Staraya Zalavruga, northern rock; 3–5 — Staraya Zalavruga; 6 — Zalavruga 8; 7, 8 — Zalavruga 12; 9 — Zalavruga 17 (1, 6–9 — after Савватеев 1970; 2–5 — after Равдоникас 1938)

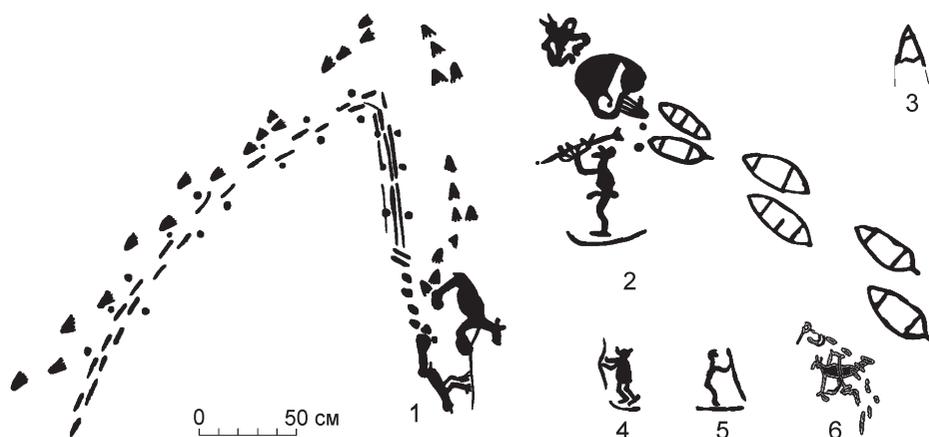

Рис. 3. Петроглифы Канозера, лыжники и лыжня (по Колпаков, Шумкин 2012):
1 — Каменный 7SW; 2 — Каменный 1; 3 — Каменный 7SW; 4 — Еловый 1; 5 — Еловый 5;
6 — Каменный 7NE

Fig. 3. Petroglyphs of Kanozero, skiers and a ski-track (after Колпаков, Шумкин):
1 — Kamenniy 7SW; 2 — Kamenniy 1; 3 — Kamenniy 7SW; 4 — Elovyi 1; 5 — Elovyi 5;
6 — Kamenniy 7NE

от палок по обеим сторонам наискось поднимается по склону, затем резко поворачивает вниз — следы от лыж становятся длинными с подволакивающейся с правой стороны на спуске палкой (кружок с линией), ниже — следы лыж лесенкой и затем следы охотника без лыж (Колпаков, Шумкин 2012: 168, 323). В другой композиции изображен профильный лыжник и шесть следов снегоступов за его спиной (рис. 3, 2). Лыжа под лыжником представляет собой линию с загнутым вверх передним концом. Следы снегоступов за спиной лыжника ведут не к его лыжам, а к копыту, которое он держит над головой, и двум непонятным фигурам, в составе одной из которых есть изображение человеческой кисти (Там же: 324). Снегоступы имеют симметричную стреловидно-овальную форму с двумя поперечинами. На Канозере есть еще одна сильно поврежденная фигура, скорее всего, являющаяся изображением снегоступа (рис. 3, 3), а также группа из девяти коротких линий (рис. 3, 6), вероятно, — изображение лыжни (Там же: 165). Кроме того, имеется два отдельных изображения лыжников: одного — с луком (?) (рис. 3, 4) и другого — с лыжной палкой (рис. 3, 5) (Там же: 292).

В *Альте* есть пять лыжников на снегоступах и еще один почти наверняка на снегоступах, а также пять групп самих снегоступов (Tanssem 2009; Helsing 2012). Все лыжники в *Альте* принадлежат к совершенно уникальному изобразительному стилю: вид на лыжника сзади сверху (рис. 4, 1–6). Ни лыжных палок, ни следов от них нет. Снегоступы стреловидно-овальной формы, в большинстве — несимметричные, с разнообразным заполнением платформы. Если цепочки следов от снегоступов, в конце которых находятся лыжники, расположены в две параллельные линии, то такие же следы, но без лыжников, расположены в одну линию или группами (рис. 4, 1, 7–9).

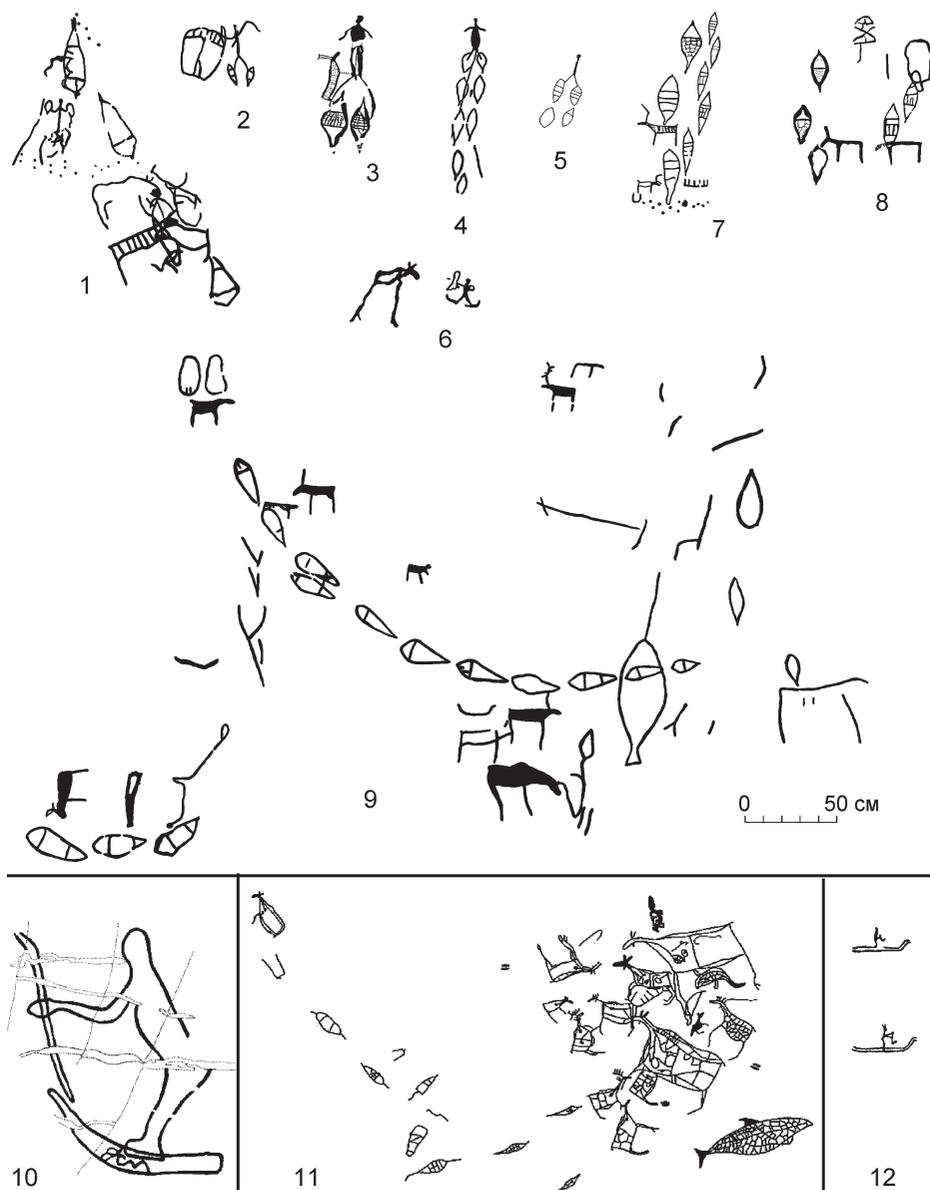

Рис. 4. Петроглифы: 1–9 — Алта (1 — Оле Педерсен 1; 2, 9 — Бергхайм 1; 3–5, 7–8 — Кофьорд; 6 — Апана Горь 12), лыжники (по Tansem 2009; Helsing 2012); 10 — Бола, лыжник; 11 — Скогервейн в Драммене, снегоступы (10, 11 — по Sognnes 2007); 12 — Родой, лыжники (по Gjessing 1936)

Fig. 4. Petroglyphs: 1–9 — Alta (1 — Ole Pedersen 1; 2, 9 — Bergheim 1; 3–5, 7–8 — Kåfjord; 6 — Apana Gärd 12), skiers (after Tansem 2009; Helsing 2013); 10 — Bøla petroglyphs, a skier; 11 — Skogerveien i Drammen, snowshoes (10, 11 — after Sognnes 2007); 12 — Rødøy, skiers (after Gjessing 1936)

В *Бола* представлено профильное изображение лыжника с палкой в полусогнутой руке и на лыже с сильно загнутым вверх передним концом (рис. 4, 10) (Sognnes 2007: 99, fig. 1). Все элементы фигуры — антропоморф, лыжа, палка — контурные.

В *Скогервейне* имеется группа из восьми снегоступов, расположенных в разных направлениях и с разным заполнением платформы (рис. 4, 11) (Ibid: 103, fig. 4). Все они как бы направлены к ближайшим фигурам лосей.

На о. *Родой* есть два оригинальных изображения профильных антропоморфов на лыжах (рис. 4, 12) (Gjessing 1936: 9–10, pl. XLIX). Причем лыжи показаны парой, а не одной линией. Загнутые вверх передние концы лыж составляют не менее четверти от их длины, а длина лыж в два раза больше высоты самих лыжников. Оба лыжника держат перед собой в руках одинаковые неясные предметы (не лыжные палки и не копыя).

Обсуждение

Подводя итоги описанию лыжного репертуара петроглифов Фенноскандии, можно сформулировать ряд выводов. На Онего и Выге изображены только скользящие лыжи, на Канозере — скользящие лыжи и снегоступы, в Альте — только снегоступы. На Канозере нога лыжника не соприкасается с лыжей под ней, на Выге и Онего нога во всех случаях соединяется с лыжей. Во всех композициях с участием лыжников или просто следов лыж и снегоступов они связаны с одним из трех крупных объектов сухопутной охоты: лосем, оленем, медведем. Причем в Альте, при относительном обилии сцен охоты на медведя, в них нет охотников на лыжах. Есть лишь один случай наложения лыжника и следов снегоступов на более раннюю фигуру медведя (поскольку цепочка снегоступов наложена точно на линию спины медведя, вряд ли можно сомневаться в том, что это сделано намеренно).

Проще всего интерпретировать эти данные следующим образом. В Альте не были известны скользящие лыжи, на Выге не были известны снегоступы, а на Канозере использовались оба вида лыж. В связи с этим возникает вопрос, можно ли отличить снегоступы от скользящих лыж в изображениях в профиль, в которых лыжа изображается одной линией. Этнографические и современные снегоступы бывают весьма различных размеров: от коротких — до имеющих такую же длину, как у скользящих охотничьих лыж. В петроглифах наблюдается та же картина. Длина лыжи по отношению к высоте фигуры лыжника на Канозере в группе k1 — 0,9 (лыжа — 41 см, снегоступы за его спиной имеют длину 32–43 см), в группе e1 — 0,6, в группе e5 — 0,85. На Выге в сцене охоты на лосей — 0,4–0,6. В Альте отношение длины снегоступов к высоте фигур лыжников составляет 0,4–0,9. Снегоступы могут изготавливать как с прямым передним концом, так и с загнутым вверх. Таким образом, очевидно, что профильные фигуры лыжников не позволяют разделить снегоступы и скользящие лыжи в изображениях на скалах. Исключением являются лыжники на Родое с парами длинных лыж, которые уверенно можно отнести к скользящим.

Этнографические данные показывают, что при движении на лыжах в разных случаях может использоваться как пара лыжных палок, так и одна (или копые).

На профильных фигурах бесполезно обсуждать, сколько палок в руках у лыжника, поскольку изображены одна лыжа, одна нога, одна рука, одна палка. Цепочки следов от лыжных палок изображены в четырех случаях: на Канозере следы от палок показаны с обеих сторон лыжни, а на Выге в двух случаях следы от палок находятся с обеих сторон лыжни и в одном случае (Залавруга 2) — с одной стороны. Таким образом, в наскальных изображениях реализованы оба способа использования лыжных палок: с одной и парой. Разделить лыжные палки и копыя в руках лыжников невозможно из-за недостаточной подробности изображений. Кроме лыжников с палками есть и лыжники без палок, но они, как правило, держат в руках какой-нибудь предмет — обычно лук.

Обращает на себя внимание то, что изображения лыжников в уникальном и имеющемся только в Альте стиле — вид сзади сверху — попадают в разные хронологические периоды, как по К. Хельскогу, так и по Я.-М. Гьерде. Пять лыжников по высотным отметкам над уровнем моря относятся к периоду II (~ 4800–4000 BC), а один — к периоду VI (~ 500 BC — 100 AD) (Helskog 2012: 27–28; Gjerde 2010: 254). Разрыв в 4000 лет между фигурами одного, притом, крайне оригинального типа изображений допустить невозможно без специального объяснения. Или периодизация неправильная, или лыжники на уровне периода II выбиты на 4000 лет позже. В противоположность Альте, на Канозере лыжники, выбитые на разных уровнях, заметно различаются, хотя пока нет данных, что высота расположения фигур над уровнем воды в озере имеет здесь хронологическое значение. Учитывая принятые в настоящее время датировки памятников наскального искусства, петроглифы свидетельствуют, что в V–IV тыс. до н. э. древними людьми применялись вполне развитые лыжи и снегоступы. Более древние археологические находки деревянных остатков, похожих на лыжи (Замостье 2, Хейнола, Висские торфяники) (Буров 1981), вероятнее всего, являются фрагментами полозьев саней. Поэтому петроглифы пока остаются главным неоспоримым свидетельством существования лыж и снегоступов не позднее самих петроглифов. При этом в наскальном искусстве Фенноскандии нет каких-либо фигур, которые могли бы претендовать на изображения саней или кережек.

Очевидно, что каждый памятник обладает своим собственным стилем изображения лыжников и лыж, несмотря на общее сходство всех памятников. На каждом памятнике наскального искусства представлена своя собственная традиция изображения лыжников, которая сохраняется от самых ранних выбивок и до самых поздних, что, впрочем, справедливо и для ряда других категорий фигур и типов композиций.

Литература и источники

Буров 1981 — Буров Г. М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тысячелетие н. э.) // СА. 1981. № 2. С. 117–131.

Георгиевский, Лобанова 2012 — Георгиевский И. Ю., Лобанова Н. В. Каменная книга Севера: Путеводитель по Беломорским петроглифам. Петрозаводск: ПетроПресс, 2012. 96 с., ил.

Колпаков, Шумкин 2012 — Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Лобанова 2015 — *Лобанова Н. В.* Петроглифы Онежского озера. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 440 с.

Равдоникас 1936 — *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1: Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 212 с. (Тр. ИААЭ. Т. 9–10. Археол. серия. № 1).

Равдоникас 1938 — *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2: Наскальные изображения Белого моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 168 с. (Тр. ИААЭ. Т. 9–10. Археол. серия. № 1).

Савватеев 1970 — *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 444 с.

Gjerde 2010 — *Gjerde J. M.* Rock art and Landscapes: Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia: PhD. dis. Tromsø: University of Tromsø, 2010.

Gjessing 1936 — *Gjessing G.* Nordenfjeldske ristninger og malinger av den arktiske gruppe. Oslo: H. Aschehoug & Co, 1936. 207 s., 84 pl. (ISK. Ser. B: Skrifter. Vol. 30).

Helskog 2012 — *Helskog K.* Samtaler med maktene: En historie om verdensarven i Alta. Tromsø: Tromsø Museum, 2012. 238 s. (Tromsø Museums Skrifter. Vol. 33).

Larsson, Broström 2011 — *Larsson T. B., Broström S.-G.* The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003. Umeå: Umeå University, 2011. 117 p. (Archaeological Reports from Umeå University. Vol. 62).

Lødøen, Mandt 2012 — *Lødøen T. K., Mandt G.* Vingen — et naturens kolossalmuseum for helleristninger. Trondheim: Akademika forlag, 2012. 460 s. (ISK. Ser. B: Skrifter. Vol. 146).

Sognnes 2007 — *Sognnes K.* Nyfunnet Helleristningsskiløper // Adoranten. Scandinavian Society for Prehistoric Art, 2007. P. 99–105.

Tansem 2009 — *Tansem K.* Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.

SKI DEPICTIONS IN THE PETROGLYPHS OF FENNOSCANDIA

E. M. KOLPAKOV

Keywords: *petroglyphs, archaeology of Fennoscandia, Mesolithic, Neolithic, ski, snowshoes.*

Ancient ski remains represent an extremely rare group of archaeological finds. However, the rock art of Fennoscandia features not only depictions of the ski itself, but also some scenes demonstrating their use. In addition, there are also depictions of snowshoes, which are unlikely to be ever found on archaeological sites. Ski depictions are present at just a handful of sites: on Lake Onega, at the ancient mouth of the Vyg river on the White Sea shore, on the islands of Lake Kanozero 16 km away from the present shore of the White Sea, and on the coast of the Alta fiord in Norway. In two other important rock art sites of Fennoscandia — Nämforsen in Sweden and Vingen in Norway — ski depictions are absent. At the same time, they are present at three relatively poor sites in southern and central Norway: Skogerveien, Bøla, and Rødøy island. While the Vyg and Onego feature sliding skis only, Kanozero features both skis and snowshoes, and Alta only snowshoes. At Kanozero the skiers' foot never touches the ski track, whereas on the Vyg and Onego the foot is always depicted in contact with ski track. In all compositions that include skiers or just ski and snowshoe prints, they are associated with one of three big prey animals: elk, deer, bear. Despite the general resemblance of the sites, each of them has its own style in representing skiers and skis. Each of the rock art sites shows a specific tradition of depicting skiers, that can be traced from the earliest carvings through the latest ones has, which applies also to a number of other categories of figures and compositions. Given the currently accepted chronologies of rock art sites, the petroglyphs testify that well developed skis and snowshoes were used by ancient people as early as V–IV mil. B. C.

Literature and archive sources

Буров 1981 — *Burov G. M.* Fragmenty' saney s poseleniy Vis I (mezolit) i Vis II (I ty'syacheletic n. e.) (*Sledge fragments from the settlements of Vis I [the Mesolithic] and Vis II [1st millennium A. D.]*) // SA. 1981. No. 2. P. 117–131 (in Russian).

Георгиевский, Лобанова 2012 — *Georgievsky I. Yu., Lobanova N. V.* Kamennaya kniga Severa: Putevoditel' po Belomorskim petroglifam (*Stone book of the North: Guide to the White Sea petroglyphs*). Petrozavodsk: PetroPress, 2012. 96 p., ill. (in Russian).

Колпаков, Шумкин 2012 — *Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya.* Petroglify' Kanozera (*Rock carvings of Kanozero*). St. Petersburg: Iskusstvo Rossii, 2012. 424 p., ill. (in Russian).

Лобанова 2015 — *Lobanova N. V.* Petroglify' Onejskogo ozera (*Petroglyphs of Lake Onega*). M.: Russian Foundation for Education and Science, 2015. 440 p., ill. (in Russian).

Равдоникас 1936 — *Ravdonikas V. I.* Naskal'ny'e izobrajeniya Onejskogo ozera i Belogo morya. Ch. 1: Naskal'ny'e izobrajeniya Onejskogo ozera (*Rock images of Lake Onega and the White Sea. Pt. 1: Rock images of Lake Onega*). Moscow; Leningrad: AS of the USSR, 1936. 212 p., ill. (Proceedings of the Institute of Archaeology, Anthropology and Ethnography. Vol. 9–10. Archaeol. series. No. 1) (in Russian).

Равдоникас 1938 — *Ravdonikas V. I.* Naskal'ny'e izobrajeniya Onejskogo ozera i Belogo morya. Ch. 2: Naskal'ny'e izobrajeniya Belogo morya (*Rock images of Lake Onega and the White Sea. Pt. 2: Rock images of the White Sea*). M.; L.: AS of the USSR, 1938. 168 p., ill. (Proceedings of the Institute of Archaeology, Anthropology and Ethnography. Vol. 9–10. Archaeol. series. No. 1) (in Russian).

Савватеев 1970 — *Savvateev Yu. A.* Zalavruga. Ch. 1: Petroglify' (*Zalavruga. Pt. 1: Petroglyphs*). L.: Nauka, 1970. 444 p., ill. (in Russian).

Gjerde 2010 — *Gjerde J. M.* Rock art and Landscapes: Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia: PhD. dis. Tromsø: University of Tromsø, 2010.

Gjessing 1936 — *Gjessing G.* Nordenfjeldske ristninger og malinger av den arktiske gruppe. Oslo: H. Aschehoug & Co, 1936. 207 s., 84 pl. (ISK. Ser. B: Skrifter. Vol. 30).

Helskog 2012 — *Helskog K.* Samtaler med maktene: En historie om verdensarven i Alta. Tromsø: Tromsø Museum, 2012. 238 s. (Tromsø Museums Skrifter. Vol. 33).

Larsson, Broström 2011 — *Larsson T. B., Broström S.-G.* The Rock Art of Nämforsen, Sweden. The survey 2001–2003. Umeå: Umeå University, 2011. 117 p. (Archaeological Reports from Umeå University. Vol. 62).

Lødøen, Mandt 2012 — *Lødøen T. K., Mandt G.* Vingen — et naturens kolossalmuseum for helleristninger. Trondheim: Akademika forlag, 2012. 460 s. (ISK. Ser. B: Skrifter. Vol. 146).

Sognnes 2007 — *Sognnes K.* Nyfunnet Helleristningsskilder // Adoranten. Scandinavian Society for Prehistoric Art, 2007. P. 99–105.

Tansem 2009 — *Tansem K.* Alta museum archive. Alta. Tracing of 2009.

НАСЕЛЕНИЕ ЭПОХ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА СЕВЕРЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С. Н. ЛИСИЦЫН, В. Ю. СОБОЛЕВ

Ключевые слова: *Псковская обл., Новгородская земля, Которской погост, кресальные кремни, сланцевый топор, неолит, ранний железный век, средневековье.*

При исследовании средневекового локального центра — Никольского Которского погоста Шелонской пятины, находящегося к югу от совр. дер. Которск Плюсского р-на Псковской обл., — была собрана небольшая коллекция кремневых предметов. Основная их масса представляет собой кресальные кремни, интенсивно использовавшиеся и выброшенные (рис. 1). Однако несколько артефактов (рис. 2) относятся к более раннему времени и, по всей вероятности, происходят из культурных напластований стоянки эпох камня — раннего металла, находящейся поблизости.

Интересные наблюдения о путях поступления кремня и торговых связях средневекового населения были сделаны при анализе сырьевого состава кремня, использовавшегося для огнив.

Северная часть современной Псковской обл. — белое пятно на археологической карте, отражающей распространение древностей эпохи камня — ранне-го железного века. Проводившиеся в конце 1920-х и 1950–1960-х гг. разведки по берегам р. Плюсы и ее притоков (Руи, Кушелки, Черной, Яни) не принесли результата; отдельные дюнные стоянки и местонахождения зафиксированы лишь в Нижнем Повельичье, на южном берегу Псковского озера и берегах ряда озер к востоку и югу от г. Луги. Ряд памятников каменного века были найдены В. И. Тимофеевым в 1980-х гг. в междуречье Луги и Плюсы (Тимофеев 1993). В бассейне рек Плюсы, Псковы, притоков среднего течения Шелони археологические памятники, датируемые ранее V–VI вв., не выявлены, известны только немногочисленные случайные находки.

А. Н. Мазуркевич констатировал недостаточную изученность территории и нехватку данных для понимания культурно-исторических процессов, протекавших в регионе (Mazurkevits 2009a). На основании случайных находок предметов неолитического времени он предположил миграцию нескольких «волн» населения с востока, первая из которых связывается с населением льяловской культуры и датируется второй половиной IV тыс. до н. э., а вторая — с носителями культурных традиций гребенчато-ямочной керамики с примесью асбеста (Ibid.). К более позднему времени (вторая половина III–II тыс. до н. э.) относятся находки бронзовых предметов и керамики, свидетельствующие о контактах местного населения с Юго-Восточной Прибалтикой или о проникновении в регион коллективов, связанных с центральноевропейскими культурами (Mazurkevits 2009b).

Неудачи, постигшие исследователей в поисках археологических памятников, оставленных населением эпох камня и палеометалла, заставляют обратить более пристальное внимание на случайные находки материалов этого времени и артефакты, полученные при исследовании средневековых памятников региона.

Одним из наиболее полно обследованных микрорегионов являются окрестности средневекового Никольского Которского погоста в верховьях р. Плюсы.

Локализация Никольского Которского погоста на месте села Которск Лужского уезда Санкт-Петербургской губ. была предложена А. М. Андрияшевым (Андрияшев 1914), история и некоторые итоги археологического изучения средневековых памятников комплекса детально рассмотрены одним из авторов данной статьи (Соболев 2015).

Коллекция кремневых предметов, полученная при исследовании Которского селища, насчитывает 108 изделий. Представлены предметы в разной степени утилизации, в том числе совсем мелкие (чешуйки менее 1 см — 13 экз., 12 %). Большая часть — это просто аморфные обломки и осколки (26 экз., 24 %). Отщепы (24 экз., 22 %) имеют признаки намеренного скальвания: выраженную точку удара, иногда в сочетании с площадкой, и вентральную поверхность с ударным бугорком. Дорсальная сторона этих сколов имеет бессистемную огранку с негативами разнонаправленных снятий, реже — с раковистыми изломами. Незначительность коллекции и степень фрагментированности изделий не позволяет судить о технике расщепления подробно, но отсутствие случаев перебора карниза (предварительной подготовки к скальванию) и выраженный рельеф бугорков на сколах (там, где они сохранились) говорят о доминировании ударного нерегулярного расщепления с помощью жесткого отбойника. Корку несут на себе всего порядка четверти (25 экз.) предметов, что говорит о значительной, но не преобладающей роли первичного расщепления, утилизации желваков или облупней конкреций кремня прямо на месте. При этом среди кремневого дебитажа полностью отсутствуют технические сколы — краевые, реберчатые и сколы подправки. Нуклеусов тоже нет, а мелкие «нуклевидные» осколки не несут на себе остатков карнизов площадок или же поверхностей параллельного скальвания. Типологически выраженные орудия на сколах или их обломки отсутствуют.

Таким образом, общий облик кремневого дебитажа на памятнике определяется наличием элементов первичного расщепления (корка, жесткий отбойник) при отсутствии регулярных сколов — пластин и предварительно подготовленных отщепов; нуклеусы также отсутствуют. Сами отщепы имеют несистемную морфологию в вентральных элементах расщепления и дорсальной огранке, что говорит об отсутствии стратегии по их намеренному скальванию.

Предметов с вторичной обработкой насчитывается 15 экз. (14 %). Сюда входят изделия с оформленными чешуйчатой и крутой ретушью краями, а также подтеской, выполненные на отщепах, осколках и фрагментах желваков. Два из них сочетают подтеску с крутым ретушированием (рис. 1, 3, 8), напоминая типичные долотовидные изделия. Еще два изделия имеют оформленные крутой и вертикальной ретушью скребковинные края (рис. 1, 6, 14). От скребков их отличает рваный характер краевого контура и забитость «лезвий», которая получается при работе по твердому материалу. Особняком стоят два нуклевидных предмета (рис. 1, 10, 13). Они напоминают биполярные нуклеусы, но, в отличие от последних, избыточно объемные в профиль, не несут сплошных негативов встречного снятия и имеют сразу несколько «фронтов». При этом снятия производились с них с многочисленными заламами и с забитостью на выступавших гранях, что также говорит о бессистемном расщеплении, не нацеленном на получение заготовок

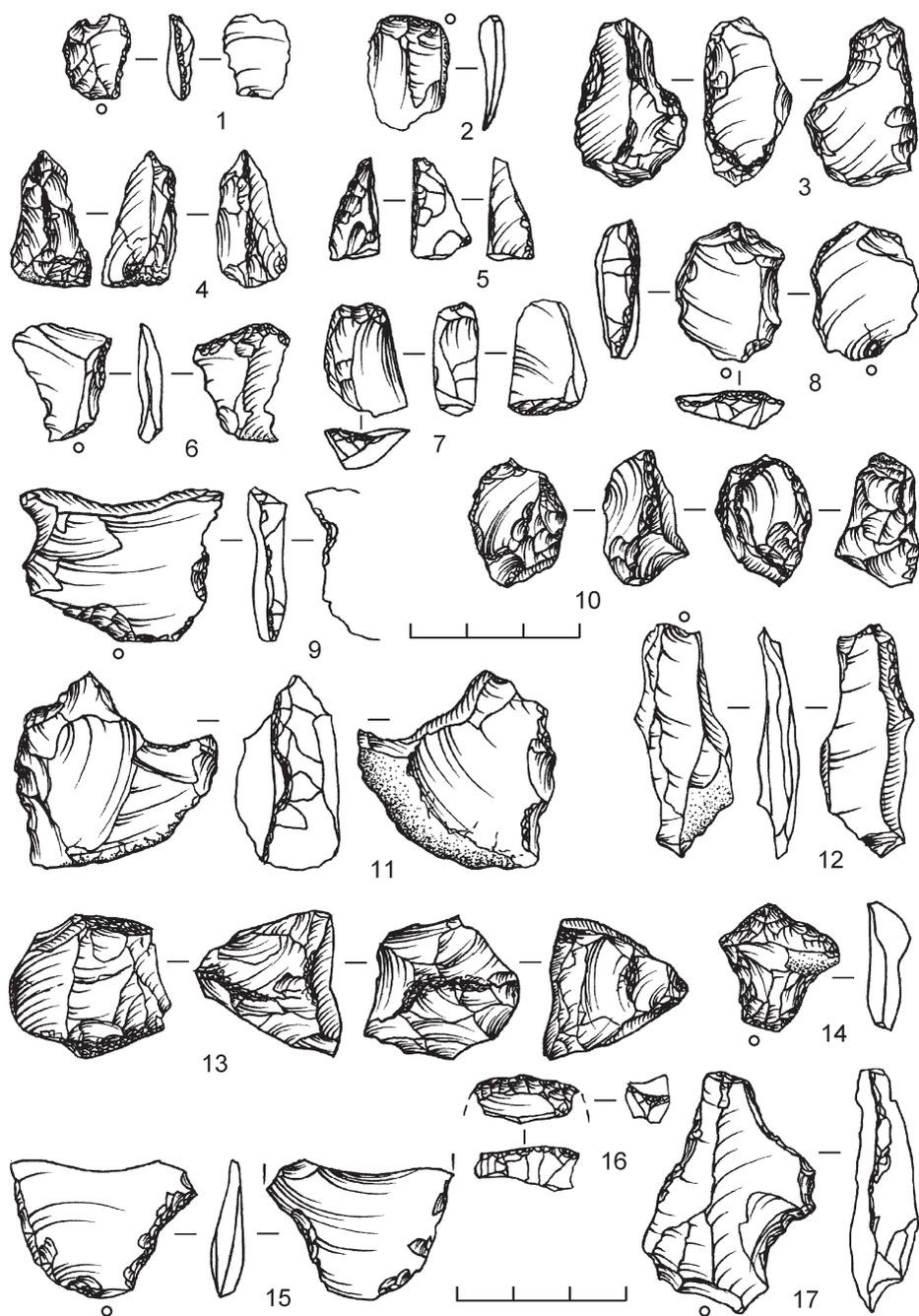

Рис. 1. Которской погост, селище, кремневые огнива и их фрагменты

Fig. 1. Kotosky pogost, old settlement, fire lighting flints and their fragments

с регулярной морфологией. Остальные предметы из отщепов имеют чешуйчатую ретушь и зазубренность по краям и выступающим граням (рис. 1, 4–5, 9, 11, 15, 17). Можно заключить, что все 15 изделий относятся к псевдоорудиям и технико-типологически могут быть атрибутированы как огнива.

Сколы (осколки и отщепы), полученные при расщеплении огнив (30 экз., 28 %), имеют либо признаки пикетажного и абразивного воздействия на выступающие грани, либо забитость краев и/или иррегулярную чешуйчатую ретушь (рис. 1, 1–2, 7, 12, 16). Морфология негативов и признаки расщепления этих сколов аналогичны сколам без следов утилизации, так что, фактически, весь дебитаж в Которске состоит из продуктов утилизации огнив. Особенности техники раскалывания (использование жесткого отбойника, неподготовленные площадки, бессистемные негативы) объясняются тем, что расщепление кремня происходило непреднамеренно — посредством ударов железных кресал.

Судя по небольшим размерам целых огнив, а также по тому, что среди них лишь три имеют остатки корки, кремь для высекания огня на Которском селище использовался экономно: полуфабрикаты и промежуточные формы огнив отсутствуют. Целые необработанные конкреции вряд ли доставляли в неподготовленном виде на селище — количество предметов с коркой слишком невелико. Скорее всего, в начальной стадии расщепления изделия представляли собой намеренно фрагментированные небольшие куски желваков (облупни) или полупервичные сколы, полученные при простом дроблении кремневых конкреций металлическим молотком. Отколотые таким способом отщепы и осколки использовали в качестве огнив без дополнительных процедур формообразования и, в конечном итоге, они подверглись археологизации в культурном слое на той стадии фрагментирования, когда их становилось неудобно удерживать в руках (средние размеры составляют около 2–2,5 см).

Артефакты эпохи первобытности в коллекции Которского селища единичны. Из подъемного материала с селища происходит бифасиально обработанный наконечник стрелы: укороченный, с широким черешком и едва намеченными плечиками (рис. 2, 1). Среди мелких отщепов, которые типологически невозможно отличить от отщепов, сколотых с огнив, выделяется один с четкой морфологией и перебором карниза при выраженной точечной площадке. Этот пластинчатый отщеп (65 × 20 × 5 мм), судя по наличию губы, был сколот мягким отбойником, что отличает его от остальных. Продольно-поперечная огранка спинки несет на себе негативы широких и плоских центростремительных снятий (рис. 2, 2). Отщеп сколот либо с пренуклеуса, либо с крупного рубящего орудия-бифаса. По одному краю имеется мелкая нерегулярная ретушь вторичной утилизации. По технико-типологическому контексту данные предметы относятся к развитому неолиту — эпохе раннего металла.

Еще одной первобытной находкой в культурном слое является обломок плоского в сечении шлифованного топора-клевца из зеленовато-черного сланца (рис. 2, 3). Изделие со сверленной проушиной для насаживания на рукоять относится к эпохе раннего металла (III–II тыс. до н. э.). Для восточнобалтийского региона в это время характерно распространение массивных и толстых в сечении сверленных топоров-молотов (культура шнуровой керамики), обычно

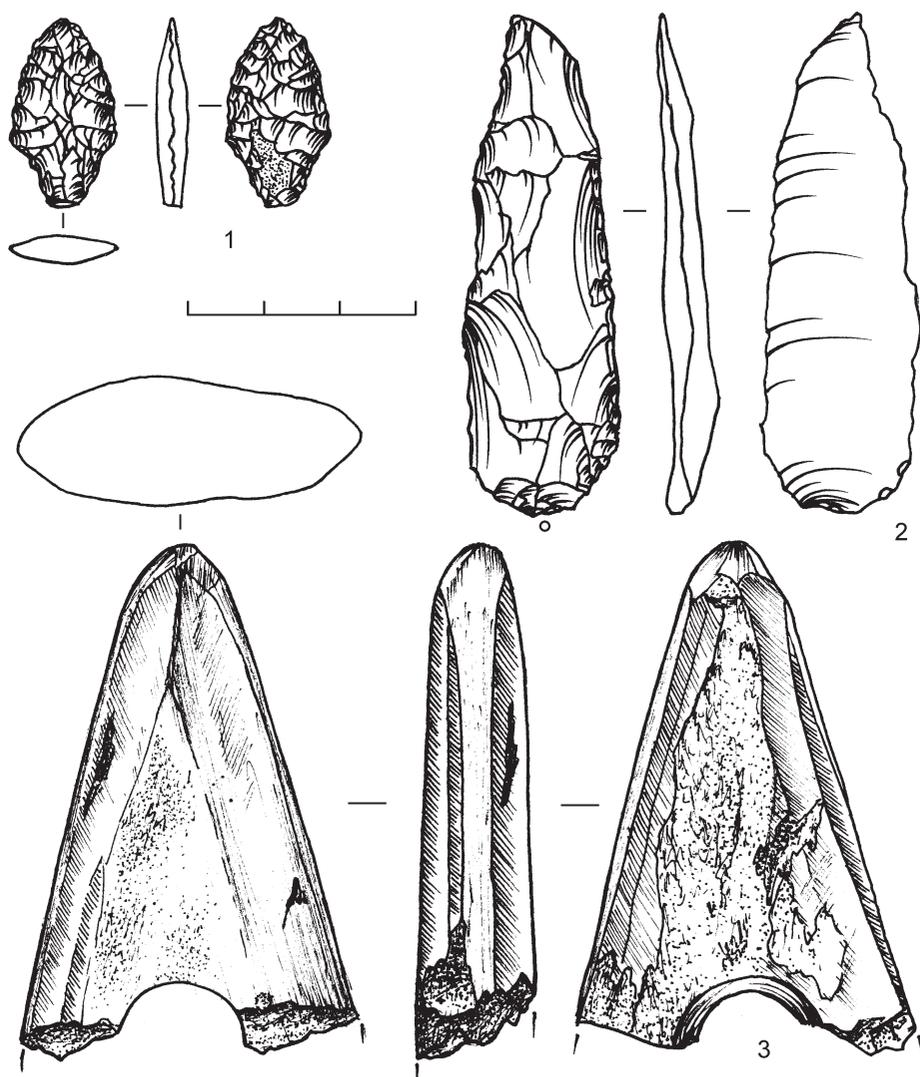

Рис. 2. Которской погост, селище, каменные изделия: 1–2 — кремль, 3 — сланец

Fig. 2. Kotsorsky pogost, old settlement, stone artifacts: 1–2 — flint, 3 — slate

изготовленных из порфирита или диабазы, среди которых уплощенные предметы крайне редки. Камень, из которого изготовлен которский клевец, сильно напоминает сланец онежского происхождения, хотя без специального минералогического изучения об этом судить трудно. Рубящие орудия из сланцевого сырья (так называемые топоры русско-карельского типа), импортированные из Прионежья, широко представлены, например, в энеолите Эстонии, хотя они и не имеют сверленных проушин (Тарасов и др. 2010). Не исключено, что форма данного изделия объясняется местной реутилизацией импортного топора.

Нельзя, однако, исключить иной причины выпадения топора в средневековый культурный слой: он мог быть найден и принесен на селище в качестве курьеза или в качестве сырья для изготовления оселка. Например, среди новгородских находок присутствует кремневый наконечник, оправленный в медный футляр, орнаментированный процветшим крестом (Седова 1981: 175–177, рис. 77), а в культурных напластованиях Пскова и Твери найдены аналогичные топоры. Стоит отметить, что на тверском экземпляре процарапаны начальные буквы русского алфавита (Романова 2013: рис. 5). Целенаправленный сбор и повторное использование древних кремневых артефактов уже в качестве кресальных кремней зафиксированы в материалах средневековой Твери (Поплевко 2009).

Однако все же представляется более вероятным, что единичные находки эпохи раннего металла в культурном слое происходят из периферийной зоны древней стоянки, находящейся вблизи Которского селища, что дополнительно подтверждается отдельными находками в ближайших окрестностях керамики, украшенной отпечатками ямочно-гребенчатого штампа. Несколько таких фрагментов были обнаружены в слое погребенного дерна под насыпью сопки, исследованной в дер. Полосы, в 2,5 км к юго-востоку от Которского селища. Сопка находилась в 650 м от современного берега озера на высоте около 8–10 м над урезом воды. Еще один обломок керамики с отпечатками гребенчатого штампа был найден под насыпью кургана № 17 кладбища Которск XI.

Интересные наблюдения были сделаны при анализе сырьевого состава кремня, который использовался для огнив. Местные выходы качественного кремня, пригодного для высекания огня, в рассматриваемом регионе отсутствуют. В эпоху средневековья все кремневое сырье сюда привозилось, точно так же как и в каменном веке, с удаленных месторождений. Разновидности привозного кремня, из которого изготавливали огнива, сравнительно легко классифицируются по внешнему виду и могут быть связаны с определенными геологическими пластами и географическими районами. Начиная с каменного века на Северо-Западе России выделяются, по меньшей мере, три основные группы кремневого сырья, которые можно условно назвать белорусским, эстонским и верхневолжским кремнем.

Белорусский кремень, по своему происхождению мелового возраста, имеет выходы в Центральной и Западной Белоруссии и на юге Литвы (Ковнурко 1973; Valtrunas 2006). Он характеризуется высоким качеством, глянцевым люстражем, относительно прозрачен и подвержен молочной патинизации в щелочной среде. Цвет мелового кремня обычно варьируется от черного до коричневого и серого.

Верхневолжский кремень по происхождению — карбоновый. Его ближайшие коренные выходы расположены на Валдае, в верховьях Западной Двины и в некоторых районах Вепсовской возвышенности к югу и востоку от Ладожского и Онежского озер (Журавлев 1982). Вид карбонового кремня разнообразен: цветовая гамма — от черного и коричневого до охристого, лилового и ярко-красного. Часто кремень имеет пятнистую и слоистую окраску. Качество также сильно различается — от относительно однородного по составу до трещиноватого, с кавернами и значительным содержанием fossilized микрофауны. Карбоновый кремень, в отличие от мелового, почти не обладает прозрачностью и не подвержен патинизации.

Эстонский кремль происходит из отложений известнякового палеозойского плато, восточным завершением которого является Ижорская возвышенность. По генезису он, скорее всего, силурийский (Юргенсон 1958; Jussila et al. 2007: 157). Цвет кремня темно-серый неоднородно-пятнистый, иногда с зеленоватым оттенком. Эстонский кремль имеет посредственное качество, абсолютно непрозрачен и содержит много микровключений. Также крайне редко в регионе встречаются окремненные породы ледникового происхождения (окремненные кварциты и сланцы). Некоторые из них в виде мелких галек были принесены ледником из районов внутренней Скандинавии. Другие были выпаяны льдом из глубинных коренных отложений и переотложены в конечных моренах при отступлении ледника. Таким образом, для изготовления огнив могли использоваться разные источники кремневого сырья.

В коллекции Которского селища преобладает меловой кремль (75 экз. — 69 %), меньше представлен карбоновый (20 экз. — 19 %) и совсем незначительно — моренный окремненный кварцит (1 экз. — 1 %). Эстонский кремль отсутствует. Некоторые кремни (12 экз. — 11 %) не поддаются визуальной атрибуции из-за слишком мелких размеров фрагментов или из-за растрескивания и изменения структуры, вызванных попаданием в огонь. Исходя из данных о районах происхождения того или иного вида кремневого сырья, можно с большой достоверностью установить торговые связи жителей селища. Характерно, что огнива из территориально ближайших выходов карбонового кремня количественно уступают таковым из более удаленных источников мелового кремня. Среди карбоновых кремней преобладают предметы, неоднородные по цвету — серых и желтоватых оттенков, — для которых проблематична конкретная привязка. Выходы такого кремня широко распространены по берегам многочисленных валдайских рек и озер. Встречается в коллекции и карбоновый кремль, облик которого позволяет указать на отдельные локальные районы Верхневолжья. Например, одна чешуйка лилового цвета относится к так называемому валдайскому или старицкому кремню, выходы которого расположены в верхнем течении Волги выше г. Твери (Жилин 1998). Одно огниво (рис. 1, 13) изготовлено из рыжего кремня, который характерен для селижаровских местонахождений на оз. Волго, а также для оз. Охват в верховьях Западной Двины. Оба вида кремня (селижаровский и старицкий) были предметом устойчивого импорта начиная с каменного века (Галибин, Тимофеев 1993).

Меловой кремль имеет относительно однородную цветовую гамму темно-серого и черного, а также коричневого, серого и белесого оттенков. Для некоторых меловых кремней отмечено наличие патины, которая делает мутной и бесцветной эту качественную разновидность сырья. Большинство предметов в сероватой гамме (33 экз.) патинированы и поэтому не могут быть атрибутированы по цвету или иным свойствам с точки зрения конкретного района происхождения.

Черный (15 экз.) и коричневый (6 экз.) меловой кремль может указывать на литовский или белорусский источник поступления, но также может быть предметом и более удаленного импорта, так как полупрозрачный кремль подобных

оттенков довольно широко распространен в Восточной Европе (Domanski, Webb 2000). Особый интерес вызывает пятнистый темно-серый кремьень с характерным маслянистым блеском (21 экз.). Такой кремьень начиная с неолита добывался шахтовым способом в Дании и на юге Швеции в промышленных масштабах. На восточное побережье Балтики скандинавский меловой кремьень поступал как устойчивый импорт начиная с эпохи ранней бронзы — в виде шлифованных топоров и орудий-бифасов (Piliciauskas 2010). В позднейшее время именно этот кремьень использовали в качестве кресальных, а потом и ружейных кремней в районах, прилегающих к Финскому заливу: на территории Ингерманландии и Карельского перешейка, находившихся в сфере экономических и политических интересов Швеции. Скандинавский меловой кремьень как предмет торговли лишь в XVIII в. (после петровских завоеваний) был полностью вытеснен русским верхневожским карбоновым кремнем.

Представляется вероятным, что дальнейшие усилия по поиску поселений эпох камня и раннего металла в регионе должны сконцентрироваться не по берегам существующих озер, сформировавшихся в относительно позднее время, а по краям древних озерных котловин и коренным берегам заболоченных котловин, представляющих собой берега древних озер. Таковыми на территории погоста и в его ближайших окрестностях могут быть названы болото Чистый Мох в междуречье Плюсы и Мшаги, Заплюское болото, Белый Мох, Каменный Мох, Соколий Мох и ряд более мелких древних водоемов, превратившихся под действием геологических процессов к настоящему времени в болота.

В качестве примера успешного применения комплексных методов реконструкции береговых линий исторических водоемов и поиска древнейших археологических памятников на основании смоделированной гидрологической ситуации могут быть приведены исследования, проводившиеся в Эстонии, Ингерманландии и на Карельском перешейке, позволившие выявить значительное число неизвестных ранее памятников эпох камня — палеометалла и существенно скорректировать представления о заселении и демографии этого времени (Лисицын 2006; Kriiska, Lõugas 2009; Герасимов и др. 2012; Rosentau et al. 2013).

Перспективными для выявления памятников ранней истории заселения региона представляются берега Заплюского болота и берега, по всей видимости, единого в древности водоема, охватывающего межозерье современных оз. Песно, Звонец и Милец. Единичные находки эпохи раннего металла в культурном слое позволяют предполагать наличие поблизости от Которского селища стоянки эпох камня — раннего металла, из периферийной зоны которой они происходят.

Источники поступления кремня для огнив, найденных на Которском селище, демонстрируют обширную географию. Торговые связи прослеживаются как с внутренними районами России, так и с удаленными территориями на Балтике. Отсутствие признаков первичной обработки кремня на самом селище свидетельствует о том, что кремневыми огнивами интенсивно торговали — в средневековье существовала отлаженная система добычи, первичной обработки, доставки и своевременного удовлетворения спроса в этих каждодневно необходимых в быту изделиях.

Литература

Андрияшев 1914 — *Андрияшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. 1. Списки селений. М.: Имп. об-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. 552 с.

Галибин, Тимофеев 1993 — *Галибин В. А., Тимофеев В. И.* Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // *АВ.* 1993. № 2. С. 13–19.

Герасимов и др. 2012 — *Герасимов Д. В., Крийска А., Лисицын С. Н.* Памятники каменного века юго-восточного побережья Финского залива: Хронология и геоморфология // *КСИА.* 2012. Вып. 227. С. 241–247.

Жилин 1998 — *Жилин М. Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Черных И. Н. (ред.). Тверской археологический сборник. Тверь: Тверское обл. изд-во, 1998. Вып. 3. С. 25–31.

Журавлев 1982 — *Журавлев А. П.* Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера // *СА.* 1982. № 1. С. 204–207.

Ковнурко 1973 — *Ковнурко Г. М.* Некоторые сведения о кремневых выходах на Северо-Западе СССР // Гурина Н. Н. (ред.). Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л.: Наука, 1973. С. 39–44 (МИА. № 172 [2]).

Лисицын 2006 — *Лисицын С. Н.* Доисторические поселения на побережье Литоринового моря в восточной части Финского залива. Опыт геоморфологической периодизации // *Первобытная и средневековая культура Европейского Севера: проблема изучения и научной реконструкции.* Соловки: Изд-во СОЛТИ, 2006. С. 112–121.

Поплевко 2009 — *Поплевко Г. Н.* Итоги трасологического исследования коллекции кремневых и каменных орудий из раскопа Тверской кремль-11 // Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 300–308.

Романова 2013 — *Романова Е. В.* Азбучная надпись на камне из раскопов в г. Твери // Янин В. Л., Носов Е. Н. и др. (ред.). Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 295–300.

Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Соболев 2015 — *Соболев В. Ю.* Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI века) // *Новгородский исторический сборник.* 2015. Вып. 15 (25). С. 4–32.

Тарасов и др. 2010 — *Тарасов А. Ю., Крийска А., Курс Ю.* Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: по результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // *Тр. Карельского НЦ РАН. Петрозаводск,* 2010. № 4. С. 56–65.

Тимофеев 1993 — *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века балтийского региона // Массон В. М., Носов Е. А., Рябинин Е. А. (ред.). Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 8–34.

Юргенсон 1958 — *Юргенсон Э. А.* О кремневых образованиях ордовикских и силурийских карбонатных пород Эстонской ССР // *Тр. Института геологии АН Эстонской ССР.* Таллин, 1958. № 2. С. 87–92.

Baltrunas 2006 — *Baltrunas V.* Distribution of raw material for prehistoric flint artifacts in South Lithuania // *Geografija.* Vilnius, 2006. T. 42. No. 2. P. 41–47.

Domanski, Webb 2000 — *Domanski M., Webb J. A.* Flaking properties, petrology and use of Polish flint // *Antiquity*. 2000. Vol. 74. P. 822–832.

Jussila et al. 2007 — *Jussila T., Kriiska A., Rostedt T.* The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland and the earliest settlement in the eastern Baltic sea // *Acta Archaeologica*. 2007. Vol. 78 (2). P. 143–162.

Kriiska, Lõugas 2009 — *Kriiska A., Lõugas L.* Stone Age Settlement Sites on an Environmentally Sensitive Coastal Area along the Lower Reaches of the River Pärnu (South-Western Estonia), as Indicators of Changing Settlement Patterns, Technologies and Economies // *McCartan S. B., Schulting R. J., Warren G., Woodman P. C.* (eds.). *Mesolithic Horizons*. Oxford: Oxbow, 2009. P. 167–175.

Mazurkevits 2009a — *Mazurkevits A.* Pihkva oblasti põhjaosa kiviaeg (*Stone Age in the northern part of the Pskov Land*) // Heiki Valk (koostajad). *Setomaa 2*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. P. 26–28.

Mazurkevits 2009b — *Mazurkevits A.* Pihkvamaa põhjaosa hiliskiviaja ja venema pronksiaja muistised (*Northern part of the Pskov Land in the Late Stone Age and in the Early Bronze Age*) // *Ibid.* P. 40–42.

Piliciauskas 2010 — *Piliciauskas G.* Echoes of the dagger period in Lithuania, 2350–1500 cal BC // *Estonian Journal of Archaeology*. Tallinn, 2010. Vol. 14, no. 1. P. 3–21.

Rosentau et al. 2013 — *Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N.* Stone Age Settlement and Holocene Shore Displacement in the Narva–Luga Klint Bay Area, Eastern Gulf of Finland // *Boreas*. 2013. Vol. 42 (4). P. 912–931.

STONE AND EARLY METAL AGE POPULATIONS IN THE NORTH OF THE PSKOV OBLAST

S. N. LISITSYN, V. YU. SOBOLEV

Keywords: *Pskov oblast, Novgorod land, Kotorsky pogost, fire lighting flints, shale axe, Neolithic, Early Iron Age, Middle Ages.*

A small collection of flint objects has been collected in the course of the study of the Nikolsky Kotorsky pogost of the Shelon pyatina of Old Novgorod — a medieval parochial center situated south of the modern village of Kotorsk in the Plyussa district of Pskov oblast. Most of the objects in question are fire lighting flints, which were discarded after being worn out (fig. 1). However, a number of artifacts (fig. 2) seem to belong to an earlier time and, in all likelihood, come from the Stone Age–Early Metal Period site situated nearby. The analysis of the provenience of flint used for fire lighting sheds interesting light on the question of trade connections of the medieval population of the region.

Literature

Андрьяшев 1914 — *Andriyashev A. M.* Materialy' po istoricheskoy geografii Novgorodskoy zemli. Shelonskaya pyatina po piscovy'm knigam 1498–1576 gg. 1. Spiski seleniy (*Materials on the historical geography of Novgorod land. The Shelon pyatina in the 1498–1576 cadastres. 1. Registers of settlements*). M.: Imperial Society of History and Antiquities at Moscow University, 1914. 552 p. (in Russian).

Галибин, Тимофеев 1993 — *Galibin V. A., Timofeev V. I.* Novy'y podhod k razrabotke problemy' vy'yavleniya istochnikov kremenovogo syr'ya dlya kul'tur kamennogo veka Vostochnoy Pribaltiki (*The new approach to the recognition of the sources of flint raw materials*

for the Stone Age cultures of the Eastern Baltic region) // *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*. 1993. No. 2. P. 13–19 (in Russian).

Герасимов и др. 2012 — *Gerasimov D. V., Krijiska A., Lisitsyn S. N.* Pamyatniki kamennogo veka yugo-vostochnogo poberej'ya Finskogo zaliva: Hronologiya i geomorfologiya (*Stone Age sites in the South-eastern part of the Gulf of Finland coast: Chronology and geomorphology*) // Brief communications of the IA. 2012. Vol. 227. P. 241–247 (in Russian).

Жилин 1998 — *Zhilin M. G.* Adaptaciya mezoliticheskikh kul'tur Verhnego Povolj'ya k kamennomu sy'r'yu (*Adaptation of Mesolithic cultures of the Upper Volga to lithic raw materials*) // Chernykh I. N. (ed.). Tverskoy arheologicheskij sbornik (*Tver' archaeological collection*). Tver': Tver' regional publishing house, 1998. Vol. 3. P. 25–31 (in Russian).

Журавлев 1982 — *Zhuravlev A. P.* Sy'r'evaya baza kremnevny'h orudij basseyna Onejskogo ozera (*A raw-material base of flint tools of the Onezhskoye lake basin*) // SA. 1982. No. 1. P. 204–207 (in Russian).

Ковнурко 1973 — *Kovnurko G. M.* Nekotory'e svedeniya o kremnevny'h vy'hodah na Severo-Zapade SSSR (*Some details on the flint outcrops in the North-West of the USSR*) // Gurina N. N. (ed.). E'tnokul'turny'e obsch'nosti lesnoy i lesostepnoy zony' Evropeyskoy chasti SSSR v e'pohu neolita (*Ethno-cultural communities in the forest and forest-steppe zone of the European part of the USSR in the Neolithic epoch*). L.: Nauka, 1973. P. 39–44 (MSA. No. 172 [2]) (in Russian).

Лисицын 2006 — *Lisitsyn S. N.* Doistoricheskie poseleniya na poberej'e Litorinovogo morya v vostochnoy chasti Finskogo zaliva. Opy't geomorfologicheskoy periodizacii (*Prehistoric settlements on the Littorina sea coast in the eastern part of the Gulf of Finland. An essay of geomorphologic periodization*) // Pervoby'tnaya i srednevekovaya kul'tura Evropeyskogo Severa: problema izucheniya i nauchnoy rekonstrukcii (*Prehistoric and medieval culture of the European North: the problem of its study and scientific reconstruction*). Solovki: SOLTI, 2006. P. 112–121 (in Russian).

Поплевко 2009 — *Poplevko G. N.* Itogi trasologicheskogo issledovaniya kollekcii kremnevny'h i kamenny'h orudij iz raskopa Tverskoy kreml'-11 (*Results of the trasological research of flint and stone tools from the excavations of Tver kremlin-11*) // Lapshin V. A. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) (*Tver' in the XIII–XIV cc. [with special reference to the 1993–1997 excavations]*). St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg SU, 2009. P. 300–308 (in Russian).

Романова 2013 — *Romanova E. V.* Azbuchnaya nadpis' na kamne iz raskopov v g. Tveri (*Alphabetic inscription on a stone from the Tver' excavations*) // Yanin V. L., Nosov E. N. et al. (eds.). Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya (*Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology*). Veliky Novgorod, 2013. Vol. 27. P. 295–300 (in Russian).

Седова 1981 — *Sedova M. V.* Yuvelirny'e izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (*Jewelry of Ancient Novgorod [X–XV cc.]*). M.: Nauka, 1981. 195 p. (in Russian).

Соболев 2015 — *Sobolev V. Yu.* Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov Kotorskogo pogosta (X — pervaya polovina XI veka) (*Archaeological complex of Kotorsky pogost [10 — the first half of 11th century]*) // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik (*Novgorod historical collection*). 2015. Vol. 15 (25). P. 4–32 (in Russian).

Тарасов и др. 2010 — *Tarasov A. Yu., Kriiska A., Kirs Yu.* Svidetel'stva obmena mejdu naseleniem Karelii i E'stonii v final'nom kamennom veke: po rezul'tatam arheologicheskogo i petrograficheskogo izucheniya rubyasch'ih orudij russko-karel'skogo tipa s territorii E'stonii (*Evidences of exchange between inhabitants of Karelia and Estonia in the final stone age: Basing on archaeological and petrographical study of wood-choopping tools of the Russian-Karelian type from the territory of Estonia*) // Proceeding of the Karelian Science Center RAS. Petrozavodsk, 2010. No. 4. P. 56–65 (in Russian).

Тимофеев 1993 — *Timofeev V. I.* Pamyatniki mezolita i neolita regiona Peterburga i ih mesto v sisteme kul'tur kamennogo veka baltiyskogo regiona (*The Mesolithic-Neolithic sites*

of the St. Petersburg region and their place in the system of the Stone Age cultures of the Baltic region) // Masson V. M., Nosov E. A., Ryabinin E. A. (eds.). Drevnosti severo-zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodeystvie, russkie goroda Baltiki) (*Antiquities of the northwest of Russia [Slavonic-Finnish-Ugrian interaction, Russian towns in the Baltic region]*). St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1993. P. 8–34 (in Russian).

Юргенсон 1958 – *Yurgenson E. A.* O kremnevny'h obrazovaniyah ordovikskih i siluriyskikh karbonatny'h porod E'stonskoy SSR (*On the siliceous formations of Ordovician and Silurian calciferous deposits in Estonian SSR*) // Proceedings of the Institute of geology of the AS of Estonian SSR. Tallin, 1958. No. 2. P. 87–92 (in Russian).

Baltrunas 2006 — *Baltrunas V.* Distribution of raw material for prehistoric flint artifacts in South Lithuania // *Geografija*. Vilnius, 2006. T. 42. No. 2. P. 41–47.

Domanski, Webb 2000 — *Domanski M., Webb J. A.* Flaking properties, petrology and use of Polish flint // *Antiquity*. 2000. Vol. 74. P. 822–832.

Jussila et al. 2007 — *Jussila T., Kriiska A., Rostedt T.* The Mesolithic settlement in NE Savo, Finland and the earliest settlement in the eastern Baltic sea // *Acta Archaeologica*. 2007. Vol. 78 (2). P. 143–162.

Kriiska, Lõugas 2009 — *Kriiska A., Lõugas L.* Stone Age Settlement Sites on an Environmentally Sensitive Coastal Area along the Lower Reaches of the River Pärnu (South-Western Estonia), as Indicators of Changing Settlement Patterns, Technologies and Economies // McCartan S. B., Schulting R. J., Warren G., Woodman P. C. (eds.). *Mesolithic Horizons*. Oxford: Oxbow, 2009. P. 167–175.

Mazurkevits 2009a — *Mazurkevits A.* Pihkva oblastu põhjaosa kiviaeg (*Stone Age in the northern part of the Pskov Land*) // Heiki Valk (koostajad). *Setomaa 2*. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. P. 26–28.

Mazurkevits 2009b — *Mazurkevits A.* Pihkvamaa põhjaosa hiliskiviaja ja venema pronksiaja muistised (*Northern part of the Pskov Land in the Late Stone Age and in the Early Bronze Age*) // *Ibid.* P. 40–42.

Piliciauskas 2010 — *Piliciauskas G.* Echoes of the dagger period in Lithuania, 2350–1500 cal BC // *Estonian Journal of Archaeology*. Tallinn, 2010. Vol. 14, no. 1. P. 3–21.

Rosentau et al. 2013 — *Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N.* Stone Age Settlement and Holocene Shore Displacement in the Narva–Luga Klint Bay Area, Eastern Gulf of Finland // *Boreas*. 2013. Vol. 42 (4). P. 912–931.

МАРКЕРЫ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА ОТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ДО АЛТАЯ

В. В. ПОТАПОВ

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Приазовье, Предкавказье, Нижний Дон, Доно-Волжский регион, Казахстан, Сибирь, финал бронзового века, отрадненская культура, поселения, погребения.*

Статья посвящена финалу бронзового века, главным содержанием которого является переход от эпохи бронзы к раннему железному веку, повлекший в степной полосе изменения хозяйственного уклада от сравнительно оседлых форм скотоводства к кочевым. Этот период представлен археологическими культурами пострубного круга (хвалынская, богуславско-белозерская, отрадненская) и культурами иного происхождения: кобяковская, бондарихинская, белозерская, алексеевская, саргаринская, сусканская, бархатовская и др. Каждую из культур характеризуют отличительные признаки и особенности, овестьвенные в постройках, погребальном обряде, керамике и иных артефактах. Среди инвентаря этих культур имеются однотипные предметы, хотя сами памятники могут находиться на большом расстоянии друг от друга. Такие изделия автор предлагает считать своеобразными маркерами для культур и памятников финала бронзового века. К ним относятся ножи, бляшки-пуговицы, рифленые пронизи, оселки и черешковые наконечники стрел (рис. 1–5). На памятниках южнорусских степей и степного Предкавказья этого времени известно 18 бронзовых двулезвийных «белозерских» черешковых ножей, из которых 15 найдены в погребениях отрадненской культуры (рис. 1, 1–4, 7–10, 17, 19–22, 24), два — на пос. Кобяково (рис. 1, 11, 23), один — на мог-ке Михайловский, 11/10 (рис. 1, 18). Среди других изделий-маркеров: костяные бляшки-пуговицы с каналами для пришивания на оборотной стороне (рис. 2, 1–19) и рифленые пронизи (рис. 2, 20–24); оселки двух типов: I тип — с проточенными желобками для подвешивания (рис. 3, 1–8) и II тип — со сверленными отверстиями для подвешивания (рис. 3, 9–14); а также костяные черешковые наконечники стрел с узким, приостренным черешком и пирамидальной, треугольной в сечении головкой (рис. 4).

В последнее время интерес исследователей, занимающихся вопросами позднего бронзового века, привлекают проблемы, связанные с его финальным периодом. В это время происходила смена эпох, когда характерные для уходящего времени черты постепенно сменяются признаками, полностью раскрывающимися в наступающем раннем железном веке. Именно его следует считать переходным между бронзовым и железным веками, а не предсавроматский (предскифский) период, как полагал К. Ф. Смирнов (Смирнов 1964: 26–33). Предскифский период — это время относительной стабилизации, завершения адаптации степного населения к новым климатическим и природным условиям, окончательного утверждения на многие столетия, вплоть до Нового времени, кочевого (номадного) скотоводческого уклада в степи и полупустынях. Переходным же является предшествующий финальный период бронзового века, в течение которого происходили не только изменения климатических условий, но и достаточно болезненная ломка экономики, быта и культуры населения степи и лесостепи.

Этот период представлен археологическими культурами пострубного круга (хвалынская, отрадненская, богуславско-белозерская — см. Малов 1987; Потапов

2010а; Ромашко 2013), а также культурами иного происхождения: бондарихинская (Ильинская 1961), белозерская (Отрошенко 1986), алексеевская (Потемкина 1985), саргаринская (Зданович 1988), сусканская (Колев 1991), бархатовская (Аношко 2006; Матвеева и др. 2006) и т. д.¹ Каждая из них, как и любая другая археологическая культура, обладает собственным набором характерных признаков и особенностей, овегшественных в постройках, погребальном обряде, керамической посуде и иных артефактах. Вместе с тем среди инвентаря этих культур имеются однотипные предметы, найденные в различных памятниках, расположенных порой в сотнях, а то и в тысячах километрах друг от друга. Такие предметы, образующие представительные серии, могут служить своеобразными надкультурными маркерами финального периода бронзового века, позволяющими опознавать памятники этого культурно-хронологического горизонта (рис. 1–5).

Автор уже анализировал некоторые изделия-маркеры. К таковым относятся, например, бронзовые бляшки-пуговицы, отлитые со стержнем на тыльной стороне, закрученным в петлю после отливки. Они появляются еще до XII в. до н. э. на обширной территории и продолжают бытовать в финальный период бронзового века (Потапов 2007: 271–272)². В регионах Нижнего Дона, Волго-Донского междуречья и степного Предкавказья в качестве такого рода маркеров можно рассматривать также пластинчатые височные кольца и подвески (Потапов 2010б: табл. на с. 156).

В данной работе мы рассматриваем двулезвийные ножи, бляшки-пуговицы, рифленые пронизи, оселки и черешковые наконечники стрел.

Бронзовые двулезвийные ножи

Бронзовые двулезвийные ножи, происхождение которых традиционно связывалось с белозерской культурой и которые синхронизировались с ней в качестве маркеров финала эпохи бронзы, впервые использовала Э. С. Шарафутдинова (1991: 184–188; рис. 1, 1, 6, 7). Она выявила и опубликовала пять погребальных комплексов с двулезвийными «белозерскими» черешковыми ножами, происходящими из погребений Нижнего Дона (Там же: 184–187; рис. 1, 1, 2, 5, 6–8; 2, 1, 2; 3, 4), и два — из погребения в Прикубанье (Там же: 187–188, рис. 2, 8, 9; 3, 6, 7).

К настоящему времени таких ножей, происходящих из памятников конца бронзового века южнорусских степей и степного Предкавказья, насчитывается 18, из которых 15 происходят из погребений отрадненской культуры (рис. 1, 1–4, 7–10, 17, 19–22, 24), два — из пос. Кобяково (рис. 1, 11, 23), один — из могильника

¹ Выделение, слияние и деление археологических культур — процесс практически непрерывный, поэтому попытка составить полный список всех культурных образований, в том числе и финала бронзового века, является простым занятием.

² Находка однолезвийного ножа в погр. 7 могильника Новопалестинский II, где также найдена бляшка с завернутым в петлю стержнем, позволила автору с А. А. Калмыковым отнести это захоронение к числу наиболее архаичных черноморских комплексов (Калмыков, Потапов 2004: 107–108, рис. 2, 4–8). Позднее была обоснована датировка этого погребения финальным периодом бронзового века (Потапов 2013: 230–231, рис. 1, 11–15).

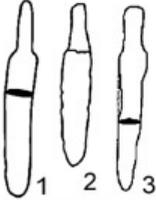
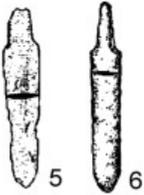
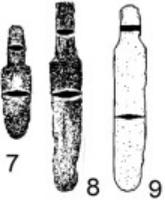
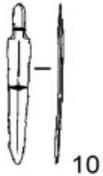
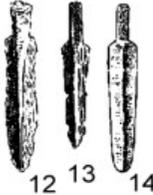
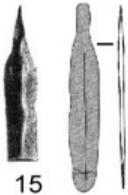
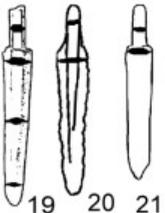
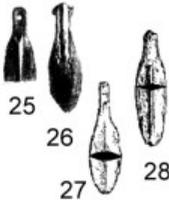
Отраденнская культура		Кобяковская культура	Белозерская культура	???
Нижний Дон	Кавказ и Предкавказье			Поволжье, Приуралье
				
				
				
				
				

Рис. 1. Бронзовые двулезвийные ножи финала бронзового века: 1 — Бессергеевский, 1/2; 2 — Арпачин, 5/11; 3 — Центральный IV, 7/3; 4 — Ипатово 5, 5/1; 5 — Кочковатое; 6 — Казаклия; 7 и 8 — Красногвардейское, погр. 6 и 19; 9 — Черный II, 1/6; 10 — Пролетарский, 1/6; 11, 23 — Кобяково; 12 — Каланчак; 13 — Любимовка; 14 — Малая Лепетиха; 15, 25, 26 — Сабанчевский клад; 16 — Джангр, 9/8; 17 — Колдыри, 14/10; 18 — Михайловский, 11/10; 19 — Северный II, 10/4; 20 — Крепинский I, 18/9; 21 — Криволиманский III, 3/1;

22 — Большой Ипатовский курган (Ипатово 3, 2/9); 24 — Золотарёвка I, 25/8;
27 — Быково I, 15/2; 28 — Алексеевское (1–10, 12, 13, 16–22, 24, 27 — из погребений;
11, 14, 23, 28 — из поселений; ссылки на источники — см. текст)

Fig. 1. Bronze double-edged knives of the Final Bronze Age: 1 — Bessergenevsky, 1/2;
2 — Arpachin, 5/11; 3 — Tsentralnyi IV, 7/3; 4 — Ipatovo 5, 5/1; 5 — Kochkovatoe;
6 — Kazakliya; 7 and 8 — Krasnogvardeiskoe, burials 6 and 19; 9 — Chernyi II, 1/6;
10 — Proletarskiy, 1/6; 11, 23 — Kobyakovo; 12 — Kalanchak; 13 — Lyubimovka;
14 — Malaya Lepetikha; 15, 25, 26 — Sabancheevo hoard; 16 — Djangr, 9/8; 17 —
Koldyri, 14/10; 18 — Mikhailovskiy, 11/10; 19 — Severnyi II, 10/4; 20 — Krepinskiy I,
18/9; 21 — Krivolimanskiy III, 3/1; 22 — Bolshoi Ipatovskiy barrow (Ipatovo 3, 2/9);
24 — Zolotarevka I, 25/8; 27 — Bykovo I, 15/2; 28 — Alexeevskoe (1–10, 12, 13, 16–22, 24,
27 — from burials; 11, 14, 23, 28 — from settlements; source references are given in the text)

Михайловский, 11/10³ (рис. 1, 18; Там же: 184–187, рис. 1, 1–8; 2, 2–4, 8, 9). Некоторые из ножей сопоставимы с северопричерноморскими ножами с параллельными лезвиями, которые Е. Н. Черных отнес к типу Н-18 (без ребра по клинку): Арпачин, 5/11 (рис. 1, 2; Там же: 184–185, рис. 1, 1); Центральный IV, 7/3 (рис. 1, 3; Там же: 186–187, рис. 2, 2); Бессергеновский, 1/2 (рис. 1, 1; Там же: 187, рис. 2, 7); к типу Н-20 (с ребром по клинку): Красногвардейское, погр. 6 и 19 (рис. 1, 7, 8; Березин, Калмыков 1998: 71–72, рис. 9, 1–8; 21, 1–6); Черный II, 1/6 (рис. 1, 9; Парусимов 2004: 50, 52), а также к типу Н-22, с широким ребром по клинку, переходящим в черешок (Черных 1976: 117, табл. XXXIII; XXXV, 11–14). С последним типом ножей могут быть сопоставлены экземпляры из погребений Северный II, 10/4 (рис. 1, 19; Шарафутдинова 1991: 185–186, рис. 1, 7), Крепинский I, 18/9 (рис. 1, 20; Шарафутдинова 1973), Криволиманский III, 3/1 (рис. 1, 21; Лукьяшко 1999: 78, рис. 65), отличаясь от него тем, что вместо ребра по середине клинка проходит грань. Ножи из Колдыри, 14/10 (рис. 1, 17) и Михайловский, 11/10 (рис. 1, 18) совмещают в себе черты двух разновидностей: через нижнюю половину клинка проходит ребро, переходящее выше середины высоты клинка в плоскую грань (Шарафутдинова 1991: 185, рис. 1, 6; Шарафутдинова, Каминский 1988: 217–218, рис. 2, 7).

При выделении отрадненской культуры перечисленные выше погребения с ножами, за исключением Михайловский, 11/10, были включены в состав этой культуры вместе с Пролетарский, 1/6 (рис. 1, 10) на Кубанском правобережье. Позднее количество двулезвийных ножей, обнаруженных в погребениях отрадненской культуры, возросло за счет еще нескольких комплексов. Это находки из степного Предкавказья: Ипатово 5, 5/1 — с ножом, сопоставимым с типом Н-18, но с приостренным черешком прямоугольного сечения (рис. 1, 4; Лычагин 2003: 162, рис. 419, 420); Ипатово 3, 2/9 — с ножом широчанского типа с параллельными лезвиями, круглым упором в основании черешка и выемкой под упором, тип Н-38, без ребра по клинку (рис. 1, 22; Корневский и др. 2007: 32–33, рис. 18, 7) — и Калмыкии: Джангр, 9/8 — нож типа Н-18 (рис. 1, 16; Николаева 1985а). Отличается от большинства приведенных выше ножей находка из Золотарёвки I, 25/8,

³ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: «Михайловский, 11/10» означает «Михайловский могильник, курган 11, погребение 10»; «Центральный IV, 7/3» означает «могильник Центральный IV, курган 7, погребение 3». Далее в тексте слово «могильник», как правило, опускается.

представленная небольшим (7,2 см) двулезвийным ножом с листовидным клинком и слабо выделенным ребром по центральной оси клинка, у которого прямоугольный в сечении черешок плавно переходит в клинок (рис. 1, 24; Калмыков, Потапов 2004: 103–104, 107, рис. 1, 5).

Таким образом, двулезвийные ножи можно рассматривать в качестве хронологических маркеров, отмечающих комплексы или памятники финала бронзового века, во всяком случае, для Волго-Донского региона, Предкавказья и Северного Причерноморья. Датировка этих ножей финалом бронзового века подтверждается находками самих изделий, а также литейных форм для их отливки на памятниках и в отдельных комплексах белозерской культуры⁴.

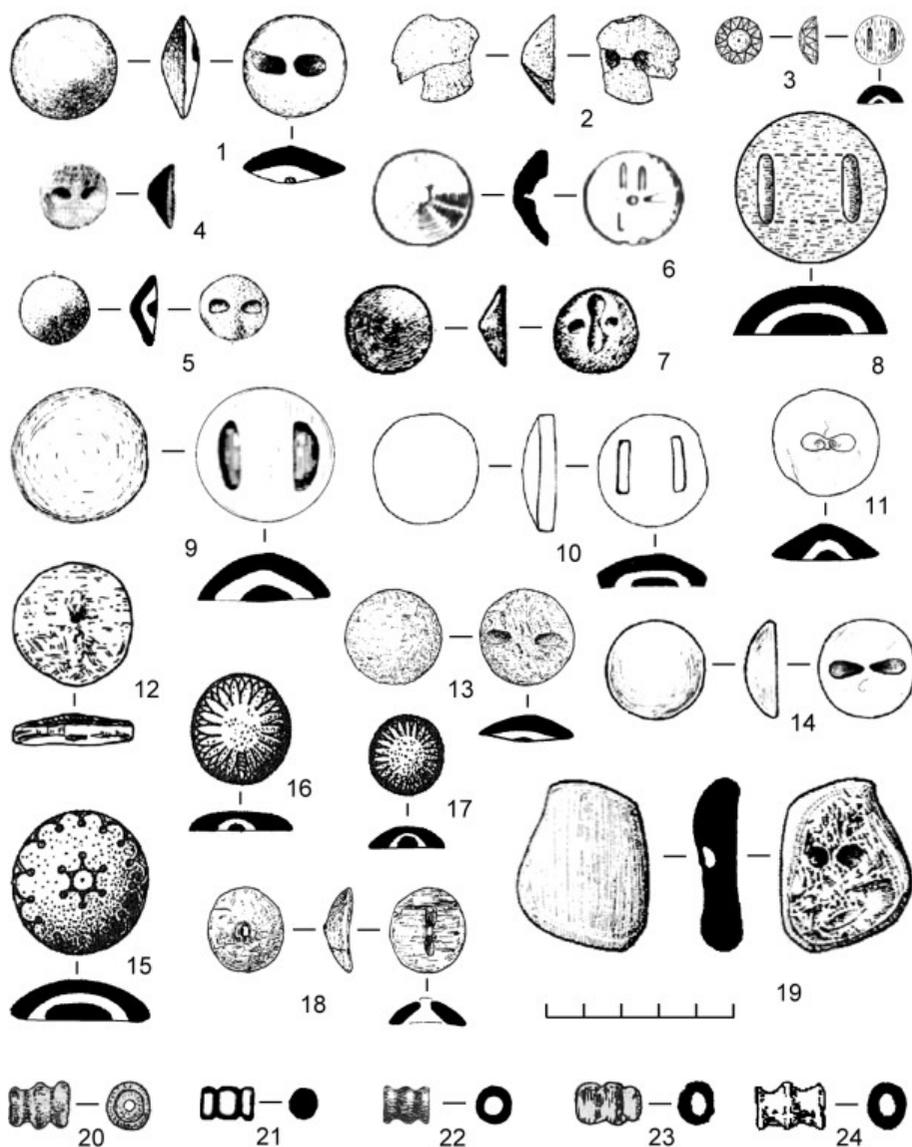
Костяные бляшки и рифленые пронизи

Большая часть костяных бляшек (пуговиц) с выпуклой внешней поверхностью и сквозным каналом на оборотной стороне происходит из поселений. Единственная известная мне бляшка из погребального комплекса найдена в погр. 8 Большого Ипатовского кургана на севере Ставрополя (рис. 2, 1; Кореневский и др. 2007: 32, рис. 18, 3). В Северо-Восточном Приазовье и Правобережье Нижнего Дона такие бляшки найдены на поселениях Безыменное-II (рис. 2, 7, 19; Горбов 1995: 59, рис. 1, 2, 5), Глубокое Озеро II (рис. 2, 2), Варёновка III (правобережье р. Самбек) (раскоп V, жилище 16, яма 1, раскопки автора в 2007 г.; рис. 2, 11), в заполнении котлована сооружения 3 Мокрочалтырского поселения (раскоп I, раскопки П. и В. Ларенков в 1996 г.; рис. 2, 14) и на пос. Ягодинка 2 (рис. 2, 4, 5; Цыбрий А., Цыбрий Т. 2013: рис. 5, 10). Аналогичные бляшки присутствуют в материалах поселений Кировское в Восточном Крыму (рис. 2, 12; Лесков 1970: 36–37, рис. 31, 14, 15), Красногвардейское II на Кубанском левобережье (рис. 2, 6; Шарафутдинова 1991: 84, рис. 6, 9), Волна I в южной части Таманского п-ова (рис. 2, 13, 18), поселениях Шортанды-Булак (жилище 14) (рис. 2, 8; Маргулан 1979: 199–202, рис. 159, 10) и Кент (рис. 2, 15–17; Евдокимов, Варфоломеев 2002: рис. 31, 4–6) в Северном Казахстане, а также пос. Советский Путь-1 на Алтае (рис. 2, 3, 9, 10; Ситников 1998: 73, рис. 8, 4, 7, 9).

Датировка костяных бляшек этого типа финалом бронзового века определяется находкой таких изделий в захоронении соответствующего горизонта в Большом Ипатовском кургане, в материалах горизонта Va на пос. Безыменное-II, а также обнаружением на пос. Глубокое Озеро II вместе с обломком стержневидного костяного псалия с овальным отверстием (Гершкович 1998: 75, рис. 9, 1, 2). Следует учесть и то, что серия костяных бляшек этого типа происходит из

Рис. 2. Костяные бляшки-пуговицы (1–19) и рифленые пронизи (20–24): 1 — Ипатово-3, 2/8; 2 — Глубокое Озеро II; 3, 9–10 — Советский Путь-1; 4–5 — Ягодинка 2; 6 — Красногвардейское II (слой финала бронзового века); 7, 19 — Безыменное-II; 8 — Шортанды-Булак; 11 — Варёновка III (раскоп V, жилище 16, яма 1); 12 — Кировское; 13, 18 — Волна I; 14 — Мокрочалтырское (сооружение 3); 15–17 — Кент; 20 — Широчанский; 21 — Ницаха; 22 — Терезе, гробница 2; 23 — Донской 6/9;

⁴ На карте (рис. 5) представлены только ножи «белозерского» типа из погребений отрадненской культуры. Распространение бронзовых двулезвийных ножей различных типов в Северном и Северо-Западном Причерноморье — см. Черных 1976: 111–124, рис. 48–52.

24 — Ливенцовский IV, погр. 1 (1, 20, 22–24 — из погребений; 2–19, 21 — из поселений; ссылки на источники — см. текст)

Fig. 2. Bone plaques-buttons (1–19) and fluted pendants (20–24): 1 — Ipatovo-3, 2/8; 2 — Glubokoe Ozero II; 3, 9–10 — Sovetskiy Put'-1; 4–5 — Yagodinka 2; 6 — Krasnogvardeiskoe II (Final Bronze Age layer); 7, 19 — Bezymennoe-II; 8 — Shortandy-Bulak; 11 — Varenovka III (excavation area V, dwelling 16, pit 1); 12 — Kirovskoe; 13, 18 — Volna 1; 14 — Mokrochaltyrskoe (structure 3); 15–17 — Kent; 20 — Shirochanskiy; 21 — Nitzakha; 22 — Tereze, tomb 2; 23 — Donskoi 6/9; 24 — Liventsovskiy IV, burial 1 (1, 20, 22–24 — from burials; 2–19, 21 — from settlements; source references are given in the text)

пос. Советский Путь-1 вместе с многочисленной группой валиковой и воротничковой посуды саргаринско-алексеевской культуры. Материалы позднего бронзового века этого памятника датируются автором раскопок XII(XI)–IX вв. до н. э. (Ситников 1998: 72–73, рис. 3–6).

Рифленые пронизи. Анализируя материалы белозерского могильника у с. Первомаевка, Г. Л. Евдокимов обратил внимание на рифленую гагатовую бусину из основного (парного) погребения кург. 4 группы V (Евдокимов 1987: 118, рис. 7, 3). В качестве аналогий этому изделию он привел костяную катушечковидную пронизь из Широфанского мог-ка (рис. 2, 20; Там же: 123, рис. 9, 2), бронзовую пронизь из Брили, Западная Грузия (Там же: 123, рис. 9, 3), а также три рифленые золотые пронизи из клада Хинова-Мехенданть (Там же: 123, рис. 9, 4–6). Все эти изделия объединяет только рифленая поверхность, но материал, размеры, количество валиков, как правило, отличаются.

Ближайшая аналогия широфанской костяной пронизи (с тремя концентрическими валиками: два — по краям, один — посередине) (Лесков 1971: рис. 1, 2) известна в погребении Донской, 6/9 (рис. 2, 23; Шарафутдинова, Дубовская 1987: 29, рис. 2, 4). Другие аналогии представлены в погр. 1 грунтового могильника Ливенцовский IV в западном пригороде Ростова-на-Дону (рис. 2, 24; Отрощенко 2001: 187, рис. 37, 10), в малобудковском горизонте бондарихинского пос. Ницаха⁵ (рис. 2, 21; Буйнов 1994: 11, рис. 3, 4) и в гробнице 2 могильника Терезе (рис. 2, 22; Козенкова 2004: 39, рис. 37, 8).

Можно заключить, что костяные рифленые пронизи известны на памятниках финала бронзового века в Северо-Западном Причерноморье, Доно-Донецком регионе и на Северном Кавказе.

Каменные оселки

В конце бронзового века получают распространение каменные оселки, предназначенные для заточки лезвий клинков и ножей. По способу их крепления (подвешивания к ремню) выделяется два типа этих изделий.

Тип I — оселки, в верхней части которых были проточены замкнутые (реже — незамкнутые) желобки для подвешивания с помощью веревки или ремня. Оселки этого типа встречены в погребениях Брилёвского мог-ка белозерской культуры (рис. 3, 7; Евдокимов 1999: 99, рис. 2, 12), в Быково, 15/1 (рис. 3, 3; Смирнов 1960: 211, рис. 15, 11) и в Улан-Толга, 4/5 в Калмыкии (рис. 3, 5; Николаева 1985б). В Приазовье они известны на поселениях Безыменное-II в горизонте Vб (рис. 3, 6; Горбов 1995: 62, рис. 1, 4), Камышеватое XIV, Торез (Устье) (Горбов, Кабанова 2010: 99–101, рис. 9, 1, 4). Отмечу случайные находки на поселениях Подонцовья — Сабовка (рис. 3, 8; Пробейголова, Красильников 2013: 228, рис. 5, 2), Обозное (Там же: 228, рис. 7, 1) и в Заволжье — на поселениях Нур (Агапов, Васильев 1976: 121, рис. 18, 5) и Белозерка (Там же: 121, рис. 18, 4; Потапов 2003: 121, рис. 1, 15). Найдены такие оселки и на пос. Усть-Нарым в Восточном Казахстане (рис. 3, 4; Черников 1960: 37, табл. XXVII, 1), а также на поселениях Щетково-2 (рис. 3, 2;

⁵ По сведениям Ю. В. Буйнова эта пронизь не закончена — в ней не просверлено продольное отверстие (Буйнов 1994: 11).

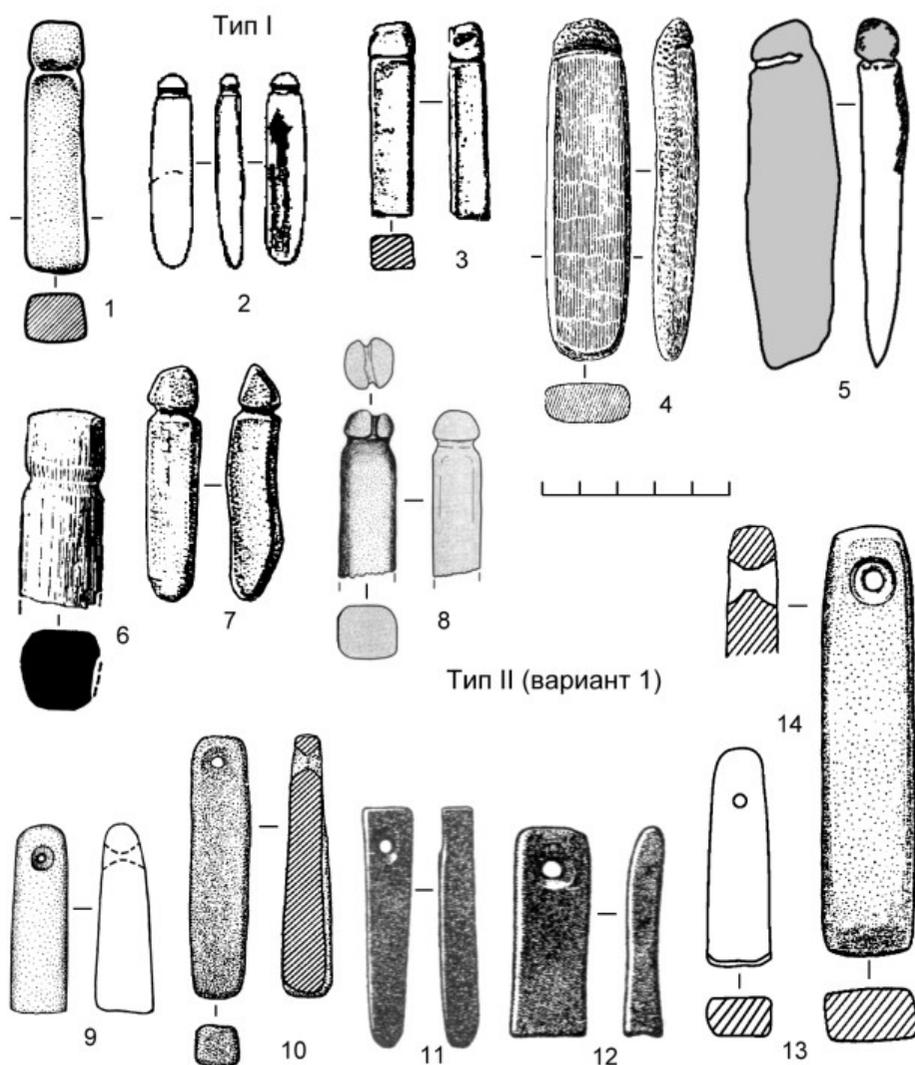

Рис. 3. Каменные оселки типа I (1–8) и типа II, варианта 1 (9–14): 1 — Язево I; 2 — Щетково-2; 3 — Быково, 15/1; 4 — Усть-Нарым; 5 — Улан-Толга, 4/5; 6 — Безыменное II; 7 и 12 — Брилёвка, погр. 2 и 20; 8 — Сабовка; 9 — Пирамида I; 10 — Первомаевка; 11 — грунтовый могильник Брилёвка; 13 — Донской, 6/9; 14 — Целинский III, 3/2 (1, 2, 4, 6, 8–10 — из поселений; 3, 5, 7, 11–14 — из погребений; ссылки на источники — см. текст)

Fig. 3. Whet stones of type I (1–8) and type II, variant 1 (9–14): 1 — Yazevo I; 2 — Shchetkovo-2; 3 — Bykovo, 15/1; 4 — Ust-Narym; 5 — Ulan-Tolga, 4/5; 6 — Bezymennoe II; 7 and 12 — Brilevka, burials 2 and 20; 8 — Sabovka; 9 — Piramida I; 10 — Pervomaevka; 11 — burial ground of Brilevka; 13 — Donskoi, 6/9; 14 — Tselinskiy III, 3/2 (1, 2, 4, 6, 8–10 — from settlements; 3, 5, 7, 11–14 — from burials; source references are given in the text)

Матвеев и др. 2001: рис. 49) и Язево I на р. Тобол (рис. 3, 1; Потемкина 1985: 70, рис. 18, 6).

Публикуя оселки этого типа, авторы иногда склонны интерпретировать их как стилизованные статуэтки, которые «были как орудиями труда, так и амулетами-оберегами» (Горбов, Кабанова 2010: 101). А. Н. Усачук, проведший трасологический анализ этих изделий, в целом соглашается с интерпретацией их как предметов двойного назначения (Усачук 2010: 109).

Датировка оселков типа I финалом бронзового века доказывается находкой такого оселка в погр. 2 Брилёвского могильника белозерской культуры и наличием их в комплексах горизонтов конца бронзового века поселений Безыменное-II и Камышеватое XIV. Хотя верхний слой пос. Усть-Нарым автор раскопок отнес к андроновскому горизонту, он отметил присутствие на памятнике небольшой группы валиковой керамики (Черников 1960: 36). На пос. Щетково-2 оселок типа I найден в пахотном слое, откуда происходит и керамика федоровско-черкаскульского облика (Матвеев и др. 2001: 213–215, рис. 38–47). Впрочем, из пахотного же слоя происходит коллекция фрагментированной раннебархатовской посуды (Там же: 215, рис. 80–87). О. М. Аношко замечает: «Важным аргументом в пользу того, что бархатовская культура сложилась еще в конце II тыс. до н. э., являются результаты радиоуглеродного датирования образцов, отобранных при

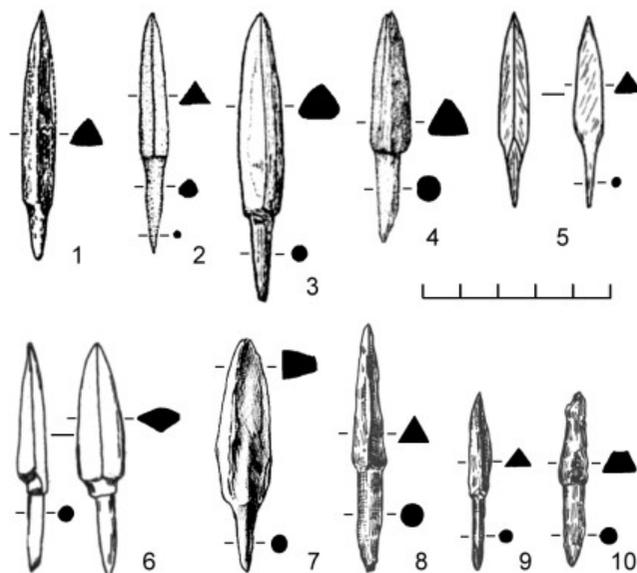

Рис. 4. Костяные черешковые наконечники стрел из поселений: 1 — Кент; 2 — Торопово-4; 3 — Безыменное-II; 4 — Варёновка III; 5 — Родной Край; 6 — Алексеевское городище; 7 — Пирамида I; 8–10 — Кировское (ссылки на источники — см. текст)

Fig. 4. Bone tanged arrowheads from settlements: 1 — Kent; 2 — Toropovo-4; 3 — Bezymennoe-II; 4 — Varenovka III; 5 — Rodnoi Krai; 6 — Alexeevskoe settlement; 7 — Piramida I; 8–10 — Kirovskoe (source references are given in the text)

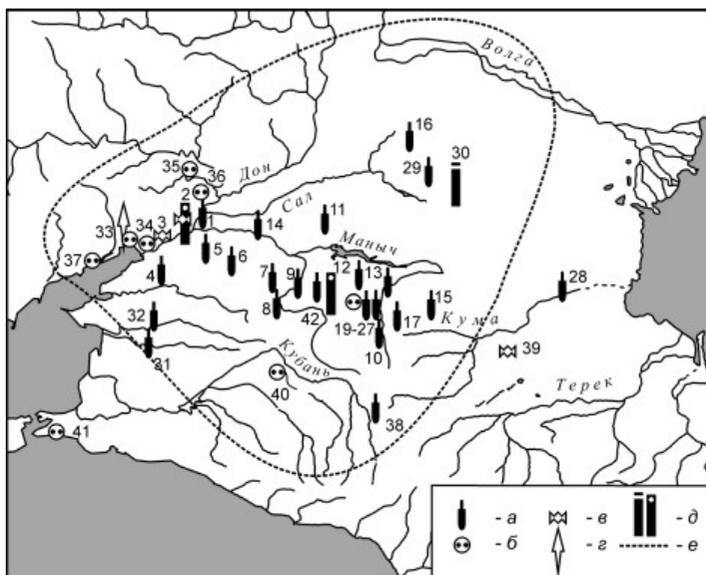

Рис. 5. Памятники Нижнего Дона, Подонцовья и Предкавказья с изделиями-маркерами финала бронзового века (1–32, 38, 39, 42 — могильники; 33–37, 40, 41 — поселения): 1 — Бессергеновский, 1/2; 2 — Донской, 6/9; 3 — Ливенцовский IV, погр. 3; 4 — Арпачин II, 5/11; 5 — Крепинский I, 18/9; 6 — Колдыри, 14/10; 7 — Новопалестинский II, 5/7; 8 и 9 — Красногвардейское, погр. 6 и 19; 10 — Золотарёвка I, 25/8; 11 — Орловский I, 1/12; 12 и 13 — Северный II, 2/4 и 10/4; 14 — Криволиманский III, 3/1; 15 — Центральный IV, 7/3; 16 — Черный II, 1/6; 17 — Золотарёвка VI, 1/1; 18 — Ипатово 5, 5/1; 19–27 — Большой Ипатовский курган (Ипатово 3) (19 — 2/5; 20–25 — 2/7–2/12; 26 — 2/34; 27 — 2/161); 28 — Буйвола I, 4/7; 29 — Джангр, 9/8; 30 — Улан-Толга, 4/5; 31 — Пролетарский, 1/6; 32 — Батуринский I, 9/10; 33 — Варёновка III; 34 — Мокрый Чалтырь; 35 — Глубокое Озеро II; 36 — Ягодинка 2; 37 — Безыменное-II; 38 — Михайловский; 39 — Терезе; 40 — Красногвардейское I и II; 41 — Волна I; 42 — Целинский III, 3/2. Условные обозначения: *a* — бронзовые двулезвийные ножи; *b* — костяные бляшки-пуговицы; *c* — костяные рифленые пронызы; *d* — костяные черешковые наконечники стрел; *e* — каменные оселки I и II типов; *e* — ареал распространения отрадненской культуры

Fig. 5. Lower Don, Donetz region and Fore-Caucasus sites with the Final Bronze Age markers (1–32, 38, 39, 42 — cemeteries; 33–37, 40, 41 — settlements): 1 — Bessergenevsky, 1/2; 2 — Donskoi, 6/9; 3 — Liventsovskiy IV, burial 3; 4 — Arpachin II, 5/11; 5 — Krepinskiy I, 18/9; 6 — Koldyri, 14/10; 7 — Novopalestinskiy II, 5/7; 8 and 9 — Krasnogvardeiskoe, burials 6 and 19; 10 — Zolotarevka I, 25/8; 11 — Orlovskiy I, 1/12; 12 and 13 — Severnyi II, 2/4 and 10/4; 14 — Krivolimanskiy III, 3/1; 15 — Tsentralnyi IV, 7/3; 16 — Chernyi II, 1/6; 17 — Zolotarevka VI, 1/1; 18 — Ipatovo 5, 5/1; 19–27 — Bolshoi Ipatovskiy barrow (Ipatovo 3) (19 — 2/5; 20–25 — 2/7–2/12; 26 — 2/34; 27 — 2/161); 28 — Buivola I, 4/7; 29 — Djangr, 9/8; 30 — Ulan-Tolga, 4/5; 31 — Proletarskiy, 1/6; 32 — Baturinskiy I, 9/10; 33 — Varenovka III; 34 — Mokryi Chaltyr'; 35 — Glubokoe Ozero II; 36 — Yagodinka 2; 37 — Bezymennoe-II; 38 — Mikhailovskiy; 39 — Tereze; 40 — Krasnogvardeiskoe I and II; 41 — Volna I; 42 — Tselinskiy III, 3/2. Legend: *a* — bronze double-edged knives; *b* — bone plaques-buttons; *c* — bone fluted pendants; *d* — bone tanged arrowheads; *e* — whet stones of types I and II; *e* — Otradnoe culture area

раскопках селища Щетково-2. Получены три даты, калиброванные значения которых совпадают при вероятности 95,4 % в интервале 1300–1020 гг. до н. э., при вероятности 68,2 % в интервале 1210–1110 гг. до н. э.» (Аношко 2006: 19). Приведенные даты подтверждают принадлежность оселка из пос. Щетково-2 к финалу бронзового века.

Тип II — оселки с отверстием для подвешивания, среди которых можно выделить два варианта.

Вариант 1 — оселки, квадратные или квадратно-прямоугольные в сечении. Они найдены на поселениях Пирамида I на Левобережье Среднего Подонцовья (рис. 3, 9; Ромашенко 2005), Кобяково (Шарафутдинова 1980: 57, табл. XXXII, 17) и Нижнегниловское (Там же: 57, табл. XXXII, 19). Датировка их находок на поселениях финалом бронзового века подтверждается материалами кобяковской культуры из поселений Кобяково и Нижнегниловского и валиковой керамикой на пос. Пирамида I. Оселки этого варианта известны в погребениях: Донской, 6/9 (рис. 3, 13) вместе с костяными катушечковидной и рифленой пронизьями (Шарафутдинова, Дубовская 1987: 29, рис. 2, 1–4), белозерских могильников Брилёвка (рис. 3, 11, 12; Евдокимов 1999: 101, 103, рис. 2, 13; 3, 16) и Первомаевка (рис. 3, 10; Евдокимов 1987: 117, рис. 6, 3), а также Целинский III, 3/2 (рис. 3, 14; Потапов 2009: 84, рис. 8, 1).

Вариант 2 — оселки, уплощенные в сечении, которое может быть удлиненно-прямоугольным, овальным, иногда треугольным. Оселки этого варианта встречаются в комплексах конца бронзового века (Евдокимов 1999: 99, рис. 3, 13; Агапов, Васильев 1976: 121, рис. 18, 5), но представлены они и в более поздних памятниках (см. например: Гребенников и др. 1984: 41–45, рис. 3, 7, 15; 4, 9), что исключает возможность их использования в качестве маркеров финала эпохи бронзы.

Отличия между двумя вариантами оселков уже отмечены в работе, посвященной предскифским памятникам Кировоградщины, где подчеркивается, что для черногоровских (предскифских) комплексов характерны небольшие оселки с четко выделенными углами и уплощенно-прямоугольным сечением, отличающиеся от более ранних белозерских, «которые в сечении приближаются к квадрату» (Бокий и др. 1991: 181, рис. 2, 5).

Иногда в памятниках финала бронзового века встречаются оселки, сочетающие в себе признаки типов I и II, т. е. снабженные одновременно и желобком, и отверстием для подвешивания (Шарафутдинова 1980: 57, табл. XXXII, 18).

Рассматривая оселки в контексте маркеров финала бронзового века, автор столкнулся с проблемой хронологической и культурной интерпретации этих изделий, происходящих из Казахстана и Сибири.

В монографии А. А. Ткачева, посвященной памятникам эпохи бронзы Центрального Казахстана (Ткачев 2002), дана типология многих артефактов, включая оселки, и, что особенно важно, предложена датировка различных их типов и привязка к культурным группам. Исследователь составил типологические ряды оселков: I. «Аморфно-брусковидные с выделенной головкой»; II. «Вытянуто-прямоугольной формы с закругленными углами, усложненные просверленными отверстиями или выделенными головками»; III. «Брусковидной формы с заполированными гранями и отверстиями на одном конце для подвешивания»

(Там же, ч. 2: 175–176). Оселки типа I, найденные в зольнике пос. Икпень I и в могке Нуртай «совместно с острореберной посудой нуртайского типа», появляются и используются в первой половине II тыс. до н. э. (Там же: 176, рис. 22, 25). Тип II, по оценке автора монографии, является продолжением развития оселков, появившихся на нуртайской стадии и распространенных в слоях, содержащих керамику поздних этапов среднего бронзового века. Такие оселки представлены на поселениях в нуртайских атасуских и нуринских комплексах (Там же: 176, 192, рис. 9, 9, 18; 22, 25; 23, 19, 20; 38, 6; 68, 3). По мнению А. А. Ткачева, оселки первых двух типов сосуществуют, причем последние появляются в середине II тыс. до н. э., а первые не выходят за пределы XVI в. до н. э. III тип характерен для памятников позднего бронзового и раннего железного веков. Особенно важно упоминание, что такой оселок найден на пос. Икпень I в слое, содержащем валиковую посуду, что позволило исследователю датировать появление оселков этого типа последней третью II тыс. до н. э. (Там же: 176, рис. 22, 24).

Оселки, найденные на памятниках Центрального Казахстана андроновского времени и финала бронзового века, во многом, но не во всем, сходны с рассмотренными выше типами оселков. Так, экземпляры с «выделенной головкой» типов I и II морфологически сопоставимы с изделиями нашего типа I. Однако в Казахстане они датируются более ранним временем по сравнению со схожими оселками, которые, по мнению автора, относятся к финалу бронзового века. Датировки же оселков III типа в пределах последней трети II тыс. до н. э. близки представлениям автора о хронологии оселков, включенных в список изделий-маркеров.

В этой связи нельзя не учитывать многолетние исследования опытными археологами памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, их стратиграфические и планиграфические наблюдения, опыт изучения и анализа добытого материала, с одной стороны, и отсутствие такого опыта применительно к памятникам Казахстана у автора настоящей статьи, — с другой. Эти соображения приводят к компромиссному решению. Излагая свою версию хронологической и культурной атрибуции оселков как культурно-хронологических маркеров, автор не настаивает на ней категорически, но дает возможность оппонентам рассмотреть предложенную аргументацию. Несмотря на убедительность построений А. А. Ткачева, монография которого представляет собой цельное исследование, где учитывается и анализируется большой спектр разнообразных данных, подробно структурированных и аргументированно изложенных, все же просматривается потенциал для их корректировки или даже пересмотра. Этот потенциал заключается не только в близкой типологии оселков, но и в привязке многих из них к комплексам с валиковой керамикой и недостаточном использовании методов радиоуглеродного датирования.

С другой стороны, оселки в Казахстане и в регионах, расположенных восточнее него, действительно могли появиться несколько раньше, чем в европейской части Евразии. Об этом может свидетельствовать находка оселка с желобком для подвешивания в окуневской могиле 8 кург. 2 могильника Верхний Аскиз I, где он обнаружен под правой бедренной костью основного погребенного № 3 (Ковалев 1997: табл. V, I; XI, 26).

Костяные черешковые наконечники стрел

Костяные черешковые наконечники стрел с узким, приостренным, круглым в сечении черешком и пирамидальной, треугольной в сечении головкой встречаются пока только на поселениях: Безыменное-II — в помещении 24 горизонта Va (рис. 4, 3; Горбов 1995: 59, рис. 1, 4); Варёновка III — под стеной наземной постройки (загон) (рис. 4, 4; Потапов 2015: 229, рис. 3, 7); Кировское, где, судя по опубликованному рисунку (Лесков 1970: 35–36, рис. 29, 9, 10), найдены три наконечника разного размера (рис. 4, 8–10); Алексеевское городище (рис. 4, 6; Юдин 2001: 75, рис. 25, 13); Родной Край (Харьковская обл., Украина) (рис. 4, 5; Буйнов 2006: 42–44, рис. 3, 9); Пирамида I на Левобережье Северского Донца (рис. 4, 7; Ромашенко 2005); пос. Кент (Казахстан) (рис. 4, 1; Евдокимов, Варфоломеев 2002: 60, рис. 29, 4). Такой же наконечник известен в материалах пос. Торопово-4 (Южная Сибирь) (рис. 4, 2; Илюшин, Ковалевский 2009: 58, рис. 2, 36). В последнем случае рисунок наконечника в представленной культурно-хронологической шкале помещен в ранний железный век — средневековье, при этом отсутствуют как аргументация в пользу такой атрибуции находки, так и упоминание об этом предмете вообще (Там же).

Находки этих изделий на пос. Безыменное-II в горизонте Va, относящемся к финалу бронзового века, и на Алексеевском городище, где хорошо представлена керамика хвалынского облика (Юдин 2001: 75, рис. 5, 9; 25, 5, 6) подтверждают датировку таких наконечников. Не противоречат этому и находки на пос. Кировское, Кент и Пирамида I, где представлены керамика и иные материалы финального периода бронзового века, а также на пос. Родной Край, принадлежность которого к бондарихинской культуре и датировка концом эпохи бронзы не вызывают сомнений.

В завершение этого небольшого исследования обратим внимание, что при отборе изделий-маркеров финала бронзового века автор старался соблюдать объективность и избегать неоправданного преувеличения в географическом или историческом контексте того или иного предмета. Так, приводя в качестве маркеров двулезвийные ножи-кинжалчики, называемые иногда «белозерскими», автор всегда отдавал себе отчет, что, несмотря на широкое распространение таких ножей, все же их ареал ограничен и в качестве маркеров они могут рассматриваться, помимо северопричерноморского региона, только в Доно-Донецком регионе, степной части Предкавказья, Доно-Волжском междуречье, Заволжье и Волго-Уральском регионе. С другой стороны, автор несколько лет назад выделил специфические для Предкавказья, бассейна Дона и Доно-Волжского междуречья бронзовые пластинчатые височные кольца и подвески, маркирующие особую группу погребений, включенную им позднее в отрадненскую культуру (Потапов 2010б). Однако донецкие коллеги успешно используют наблюдения автора применительно к комплексу, относящемуся к белозерской культуре (Подобед и др. 2013: 223), т. е. географические рамки для изученных височных колец и подвесок, используемых *де-факто* в качестве изделий-маркеров, расширились. В этой же статье (Там же: 223–224) получила развитие и другая разработка автора, посвященная хронологии и типологии бронзовых бляшек-пуговиц с выпуклым щитком и петлей на обороте (Потапов 2007).

Таким образом, настоящая работа и предыдущие исследования автора позволяют к изделиям-маркерам финала бронзового века относить некоторые типы орудий труда и вооружения (бронзовые двулезвийные ножи, каменные оселки, костяные черешковые наконечники стрел), а также отдельные детали костюма и украшения (костяные бляшки-пуговицы с продольным каналом и рифленые пронизи, бронзовые выпуклые бляшки-пуговицы с петлей и пластинчатые височные кольца и подвески).

Литература и источники

Агапов, Васильев 1976 — *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Колышева И. С. (отв. ред.). Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев: Книжное изд-во, 1976. Вып. 2. С. 113–135.

Аношко 2006 — *Аношко О. М.* Бархатовская культура позднего бронзового века Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: Тюменский ГУ, 2006. 26 с.

Березин, Калмыков 1998 — *Березин Я. Б., Калмыков А. А.* Курган у с. Красногвардейское Ставропольского края // Белинский А. Б. (отв. ред.). Археология. Ставрополь, 1998. С. 55–95 (МИИКНСК. Вып. 1).

Бокий и др. 1991 — *Бокий Н. М., Горбул Г. П., Отрощенко В. В.* Киммерийские захоронения на Кировоградщине // СА. 1991. № 1. С. 173–183.

Буйнов 1994 — *Буйнов Ю. В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Кадеев Б. И. (отв. ред.). Древности-1994. Харьков: Бизнес Информ, 1994. С. 6–14.

Буйнов 2006 — *Буйнов Ю. В.* К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. 2006. № 2. С. 39–50.

Гершкович 1998 — *Гершкович Я. П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // АА. 1998. № 7. С. 61–92.

Горбов 1995 — *Горбов В. Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском Лимане // Бочкарев В. С. (отв. ред.). Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы: Мат-лы конф. 21–25 августа 1995 г., Саратов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Ч. 2. С. 52–72 (АИ. Вып. 25).

Горбов, Кабанова 2010 — *Горбов В. Н., Кабанова Е. В.* Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // АА. 2010. № 21. С. 86–103.

Гребенников и др. 1984 — *Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н.* Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Черняков И. Т. (отв. ред.). Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. С. 33–49.

Евдокимов 1987 — *Евдокимов Г. Л.* Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Шапошникова О. Г. (отв. ред.). Древнейшие скотоводы степей Юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 107–126.

Евдокимов 1999 — *Евдокимов Г. Л.* Некоторые итоги изучения материалов Брилёвского могильника // Толочко П. П. (отв. ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1999. С. 99–103.

Евдокимов, Варфоломеев 2002 — *Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского ГУ, 2002. 138 с.

Зданович 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1988. 184 с.

Ильинская 1961 — *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1. С. 26–45.

Илюшин, Ковалевский 2009 — *Илюшин А. М., Ковалевский С. А.* Культурно-хронологическая шкала Касьминского археологического микрорайона (по материалам раскопок комплекса археологических памятников Торопово-4) // Тихонов С. С. (ред.). Археологические микрорайоны Северной Евразии: Мат-лы науч. конф. Омск: Апельсин, 2009. С. 55–61.

Калмыков, Потапов 2004 — *Калмыков А. А., Потапов В. В.* Погребение из могильника Золотарёвка I и некоторые вопросы генезиса черногоровской культуры // ССПК. 2004. Т. 9. С. 103–109.

Ковалев 1997 — *Ковалев А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.). Окуневский сборник. СПб.: Петро-Риф, 1997. С. 80–112.

Козенкова 2004 — *Козенкова В. И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (МИИКНСК. Вып. 5).

Колев 1991 — *Колев Ю. И.* Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Мерперт Н. Я. (отв. ред.). Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара: Изд-во Самарского педагогического университета, 1991. С. 162–206.

Кореневский и др. 2007 — *Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 2007. 229 с.

Лесков 1970 — *Лесков А. М.* Кировское поселение // Лесков А. М. (отв. ред.). Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев: Наукова думка, 1970. С. 7–59.

Лесков 1971 — *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья / Либеров П. Д., Гуляев В. И. (отв. ред.). Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 75–91 (МИА. № 177).

Лукьяшко 1999 — *Лукьяшко С. И.* Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краеведческий музей, 1999. 240 с. (Донские древности. Вып. 7).

Лычагин 2003 — *Лычагин А. В.* Отчет «Об охранных раскопках курганного могильника “Ипатово 5” у г. Ипатово Ставропольского края в 2003 году». Ставрополь, 2003. Архив ГУП «Наследие».

Малов 1987 — *Малов Н. М.* Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Матюшенко В. И. (отв. ред.). Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: ТД докладов областной науч. конф. Омск: Изд-во Омского ГУ, 1987. С. 142–143.

Маргулан 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1979. 360 с.

Матвеев и др. 2001 — *Матвеев А. В., Аношко О. М., Измер Т. С.* Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 213–216.

Матвеева и др. 2006 — *Матвеева Н. П., Аношко О. М., Цембалюк С. М.* Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (Лесостепное Притоболье) // РА. 2006. № 2. С. 24–38.

Николаева 1985а — *Николаева Н. А.* Исследование курганной группы у с. Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 году // НОА ИА РАН, Р-1, № 10969, 10969-а.

Николаева 1985б — *Николаева Н. А.* Исследование курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 году // НОА ИА РАН, Р-1, № 10970, 10970-а.

Отрошенко 1986 — *Отрошенко В. В.* Белозерская культура // Березанская С. С., Отрошенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 111–112.

Отрошенко 2001 — *Отрошенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАН України, 2001. 288 с.

Парусимов 2004 — *Парусимов И. Н.* Раскопки курганов у хутора Крылов // Кияшко В. Я. (отв. ред.). Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 году. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. Вып. 20. С. 44–55.

Подобед и др. 2013 — *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века // ДАЗ. 2013. № 16. С. 194–245.

Потапов 2003 — *Потапов В. В.* К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок // РА. 2003. № 1. С. 117–123.

Потапов 2007 — *Потапов В. В.* Погребения с набором украшений в низовьях р. Сал // Санжаров С. Н. (гол. ред.). Від неоліту до киммерійців. Луганськ, 2007. С. 269–273 (МДАСУ. Вип. 7).

Потапов 2009 — *Потапов В. В.* Целинские курганы // Тр. Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов н/Д, 2009. Т. 4. С. 74–93.

Потапов 2010а — *Потапов В. В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2010. 25 с.

Потапов 2010б — *Потапов В. В.* Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) // РА. 2010. № 1. С. 155–162.

Потапов 2013 — *Потапов В. В.* «Некоторые дискуссионные проблемы» археологии финальной бронзы и некоторые дискуссионные решения этих проблем // ДАЗ. 2013. № 17. С. 225–270.

Потапов 2015 — *Потапов В. В.* Наземная постройка на поселении Варёновка III // Кореняко В. А., Бойко А. Л. (ред.). За рекой Танаисом: сборник памяти В. Е. Максименко (1939–2014). Ростов н/Д: Изд-во Южного ФУ, 2015. С. 227–234.

Потемкина 1985 — *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Пробейголова, Красильников 2013 — *Пробейголова А. С., Красильников К. И.* Некоторые итоги разведок поселений финала бронзового века в среднем течении Северского Донца // МДАСУ. 2013. Вип. 12. С. 219–232.

Ромашко 2013 — *Ромашко В. А.* Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев: КНТ, 2013. 592 с.

Ромашенко 2005 — *Ромашенко Н. И.* Отчет об охранно-спасательных раскопках поселения «Пирамида I» и курганного могильника «Пирамида IV» в Тарасовском районе Ростовской области в 2004 году // Архив Таганрогского литературно-исторического, архитектурного музея-заповедника. Таганрог, 2005. № 140–143, 145.

Ситников 1998 — *Ситников С. М.* Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. (ред.). Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1998. С. 71–84.

Смирнов 1960 — *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // Крупнов Е. И., Смирнов К. Ф. (отв. ред.). Древности Нижнего Поволжья. Т. 2: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 169–268 (МИА. № 78).

Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964. 379 с.

Ткачев 2002 — *Ткачев А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во Тюменского нефтегазового ГУ, 2002. Ч. 1 — 289 с.; ч. 2 — 243 с.

Усачук 2010 — *Усачук А. Н.* Антропоморфные фигурки или оселки: функциональный анализ нескольких каменных изделий эпохи поздней бронзы // Колесник А. В. (отв. ред.). Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк: Лебедь, 2010. С. 104–110 (АА. № 21).

Черников 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. (МИА. № 88).

Черных 1976 — *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Шарафутдинова 1973 — *Шарафутдинова Э. С.* Отчет о работах второго Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 году // НОА ИА РАН, P-1, № 4879, 4879-а.

Шарафутдинова 1980 — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобыakovская культура). Л.: Наука, 1980. 128 с. (САИ. Вып. В1-11).

Шарафутдинова 1991 — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1. С. 184–196.

Шарафутдинова, Дубовская 1987 — *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Мартынов А. И. (отв. ред.). Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1987. С. 27–38.

Шарафутдинова, Каминский 1988 — *Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н.* Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. 1988. № 4. С. 214–221.

Цыбрий А., Цыбрий Т. 2013 — *Цыбрий А. В., Цыбрий Т. В.* Модульные постройки поселения Ягодинка 2: Планировка, конструкция, интерьер // АЗ. 2013. № 8. С. 230–247.

Юдин 2001 — *Юдин А. И.* Алексеевское городище в г. Саратове // Юдин А. И. (отв. ред.). Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 4: Охрана и исследования в 1998–2000 гг. Саратов: Научная книга, 2001. С. 22–80.

FINAL BRONZE AGE SITE MARKERS FROM THE NORTHERN BLACK SEA REGION TO ALTAY

V. V. POTAPOV

Keywords: *Northern Black Sea region, Azov Sea region, Fore-Caucasus, Lower Don, Don-Volga region, Kazakhstan, Siberia, Final Bronze Age, Otradnoe culture, settlements, burials.*

The paper is devoted to the Final Bronze to Early Iron Age transition in the steppe zone, when relatively sedentary forms of animal husbandry were being replaced by nomadic stock-breeding. The period is represented by a number of post-Timber Grave cultures (Khvalyn, Boguslavskiy-Belozero, Otradnoe cultures), as well as cultures of different origins such as Kobyakovo, Bondarikhino, Belozero, Alexeevka, Sargary, Suskan, Barkhatovo cultures, etc. Each of them is characterized by a number of distinct traits evident in buildings, burial rites, pottery and so on. The inventory of these cultures includes also some objects of the same type, though the sites themselves can be widely separated in space. The author believes such objects can serve as markers of the Final Bronze Age cultures and sites. They include plaques-buttons, fluted pendants, whet stones and tanged arrowheads (fig. 1–5). The Final Bronze Age sites of the Fore-Caucasus and South Russian steppes yielded 18 bronze double-edged «Belozero» stemmed knives, 15 of which were found in the burials of the Otradnoe culture (fig. 1, 1–4, 7–10, 17, 19–22, 24), 2 at the Kobyakovo settlement, and 1 at the Mikhailovsky 11/10 cemetery

(fig. 1, 18). The other artifacts-markers are represented by bone plaques-buttons with grooves for sewing on the back side (fig. 2, 1–19), fluted pendants (fig. 2, 20–24); whet stones of two types (type I with grooves for suspension (fig. 3, 1–8) and type with drilled holes for suspension (fig. 3, 9–14); as well as bone arrowheads with narrow pointed tangs and tapered heads of triangular cross section (fig. 4).

Literature and archive sources

Агапов, Васильев 1976 — *Agapov S. A., Vasiliev I. B. Novy'e poseleniya srubnoy kul'tury v Kuyby'shevskom Zavolj'e (New settlements of the Timber Grave culture in the Kuibyshev trans-Volga region)* // Kolysheva I. S. (ed.). *Ocherki istorii i kul'tury Povolj'ya (Essays on history and culture of the Volga region)*. Kuibyshev: Book publishing house, 1976. Vol. 2. P. 113–135 (in Russian).

Аношко 2006 — *Anoshko O. M. Barhatovskaya kul'tura pozdnego bronzovogo veka Zaural'ya (Barkhatovo culture of the Late Bronze Age of the Trans-Ural region)*: Abstract of the Ph. D. dissertation. Tyumen: Tyumen SU, 2006. 26 p. (in Russian).

Березин, Калмыков 1998 — *Berezin Ya. B., Kalmykov A. A. Kurgan u sela Krasnogvardeyskoe Stavropol'skogo kraja (Barrow near the village of Krasnogvardeiskoe in the Stavropol region)* // Belinsky A. B. (ed.). *Arheologiya (Archaeology)*. Stavropol, 1998. P. 55–95 (in Russian).

Бокий и др. 1991 — *Bokiy N. M., Gorbul G. P., Otroshchenko V. V. Kimmeriyskie zahoroneniya na Kirovogradsch'ine (Cimmerian burials in the Kirovograd region)* // SA. 1991. No. 1. P. 173–183 (in Russian).

Буйнов 1994 — *Buinov Yu. V. O kul'turno-hronologicheskoy prinadlejnosti pamyatnikov malobudkovskogo tipa e'pohi bronzy' (About the cultural and chronological affiliation of the Malobudkovo type sites of the Bronze Age)* // Kadeev B. I. (ed.). *Drevnosti-1994 (Antiquities-1994)*. Kharkov: Busyness Inform, 1994. P. 6–14 (in Russian).

Буйнов 2006 — *Buinov Yu. V. K voprosu ob istoricheskikh sud'bah plemen bondarihinskoy kul'tury' (To the question of the historical destiny of the Bondarikhino culture tribes)* // RA. 2006. No. 2. P. 39–50 (in Russian).

Гершкович 1998 — *Gershkovich Ya. P. E'tnokul'turny'e svyazi v e'pohu pozdney bronzy' v svete hronologicheskogo sootnosheniya pamyatnikov (Nijnee Podneprov'e — Severo-Vostochnoe Priazov'e — Podoncov'e) (Ethno-cultural connections in the Late Bronze Age as reflected in the chronological interrelation between sites [Lower Dnieper — Northeastern Azov Sea region — Donetsk region])* // *Arheologicheskii al'manah (Archaeological almanac)*. 1998. No. 7. P. 61–92 (in Russian).

Горбов 1995 — *Gorbov V. N. K probleme kul'turnoy atribucii poseleniya na Belozerskom Limane (Towards the problem of cultural attribution of the settlement on Belozersky estuary)* // *Bochkarev V. S. (ed.). Konvergenciya i divergenciya v razvitiu kul'tur e'pohi e'neolita — bronzy' Sredney i Vostochnoy Evropy' (Convergence and divergence in the development of the Eneolithic — Bronze Age cultures of Central and Eastern Europe)*. St. Petersburg: IHMC RAS, 1995. Pt. 2. P. 52–72 (in Russian).

Горбов, Кабанова 2010 — *Gorbov V. N., Kabanova E. V. Nekotory'e aspekty' kul'tovoy praktiki naseleniya e'pohi bronzy' Severo-Vostochnogo Priazov'ya (Some aspects of cultural activity in the Bronze Age of the Northeastern Azov Sea region)* // *Arheologicheskii al'manah (Archaeological almanac)*. 2010. No. 21. P. 86–103 (in Russian).

Гребенников и др. 1984 — *Grebennikov Yu. S., Eliseev V. F., Klyushintsev V. N. Pogrebeniya predskifskogo perioda v Yujnom Pobuj'e (Burials of the pre-Scythian period in the South Bug*

region) // Chernyakov I. T. (ed.). *Ranniy jelezny'y vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Early Iron Age of the Northwestern Black Sea region)*. Kiev: Naukova dumka, 1984. P. 33–49 (in Russian).

Евдокимов 1987 — *Evdokimov G. L. Kurganny'y mogil'nik belozerskogo vremeni u s. Pervomaevka (Burial mound cemetery of the Belozersk time near the village of Pervomaevka)* // Shaposhnikova O. G. (ed.). *Drevneyshie skotovody' stepey Yuga Ukrainy' (Oldest stock-breeders of the south steppes of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 1987. P. 107–126 (in Russian).

Евдокимов 1999 — *Evdokimov G. L. Nekotory'e itogi izucheniya materialov Brilevskogo mogil'nika (Some results of the study of the Brilevo cemetery materials)* // Tolochko P. P. (ed.). *Problemy' skifo-sarmatskoy arheologii Severnogo Prichernomor'ya (Problems of the Scythian-Sarmatian archaeology of the North Black Sea region [to the 100th anniversary of B. N. Grakov])*. Zaporozhye: ZSU, 1999. P. 99–103 (in Russian).

Евдокимов, Варфоломеев 2002 — *Evdokimov V. V., Varfolomeev V. V. E'poha bronzы' Central'nogo i Severnogo Kazakhstana (Bronze Age of Central and North Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda SU, 2002. 138 p. (in Russian).

Зданович 1988 — *Zdanovich G. B. Bronzovy'y vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes)*. Sverdlovsk: Ural SU, 1988. 184 p. (in Russian).

Ильинская 1961 — *Ilyinskaya V. A. Bondarihinskaya kul'tura bronzovogo veka (Bondarikhino culture of the Bronze Age)* // SA. 1961. No. 1. P. 26–45 (in Russian).

Илюшин, Ковалевский 2009 — *Ilyushin A. M., Kovalevsky S. A. Kul'turno-hronologicheskaya shkala Kas'minskogo arheologicheskogo mikrorayona (po materialam raskopok kompleksa arheologicheskikh pamyatnikov Toropovo-4) (Cultural-chronological scale for the Kasminsky archaeological micro-region [with particular reference to the materials of Toropovo-4 complex])* // Tikhonov S. S. (ed.). *Arheologicheskie mikrorayony' Severnoy Evrazii (Archaeological micro-regions in North Eurasia)*. Omsk: Apelsin, 2009. P. 55–61 (in Russian).

Калмыков, Потапов 2004 — *Kalmykov A. A., Potapov V. V. Pogrebenie iz mogil'nika Zolotare'vka I i nekotory'e voprosy' genezisa chernogorovskoy kul'tury' (A burial from the cemetery of Zolotarevka I and some questions of the Chernogorovka culture origins)* // *Starojitnosti' stepovogo Prichernomor'ya i' Krimu (Antiquities of the steppe part of the Black Sea region and Crimea)*. Zaporozhye: ZNU, 2004. Vol. 9. P. 103–109 (in Russian).

Ковалев 1997 — *Kovalev A. A. Mogil'nik Verkhniy Askiz I, kurgan 2 (Cemetery of Verkhniy Askiz I, barrow 2)* // Savinov D. G., Podolsky M. L. (eds.). *Okunevskiy sbornik (Okunevo volume)*. St. Petersburg: Petro-Rif, 1997. P. 80–112 (in Russian).

Козенкова 2004 — *Kozenkova V. I. Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnih «kobancev». Mogil'nik Tereze konca XII–VIII v. do n. e'. (Biritualism in the funerary customs of the ancient «Cobans»). The Tereze cemetery of the late XII–VIII c. B. C.*. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2004. 220 p. (in Russian).

Колев 1991 — *Kolev Yu. I. Novy'y tip pamyatnikov konca e'pohi bronzы' v lesostepnom Povolj'e (New type of Final Bronze Age sites in the forest-steppe part of the Volga region)* // Merpert N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeyskoy lesostepi (Antiquities of the East Eurasian forest-steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 1991. P. 162–206 (in Russian).

Кореньевский и др. 2007 — *Korenevsky S. N., Belinsky A. B., Kalmykov A. A. Bol'shoy Ipatovskiy kurgan na Stavropol'e kak arheologicheskii istochnik po e'pohе bronzovogo veka na stepnoy granice Vostochnoy Evropy' i Kavkaza (Big Ipatovsky barrow in the Stavropol region as an archaeological source of information about the Bronze Age of the steppe border between East Europe and the Caucasus)*. M.: Nauka, 2007. 229 p. (in Russian).

Лесков 1970 — *Leskov A. M. Kirovskoe poselenie (Kirovskoe settlement)* // Leskov A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kry'ma (Predskifskiy period i skify') (Antiquities of East Crimea [pre-Scythian period and Scythians])*. Kiev: Naukova dumka, 1970. P. 7–59 (in Russian).

Лесков 1971 — *Leskov A. M. Predskifskiy period v stepyakh Severnogo Prichernomor'ya (Pre-Scythian period in the steppes of the North Black Sea region)* // Liberov P. D., Gulyaev V. I. (eds.). *Problemy skifskoy arheologii (Problems of Scythian archaeology)*. M.: Nauka, 1971. P. 75–91 (MSA. No. 177) (in Russian).

Лукьяшко 1999 — *Lukiyashko S. I. Predskifskiy period na Nijnem Donu (Pre-Scythian period on the Lower Don)*. Azov: Azov Regional Museum, 1999. 240 p. (Donskie drevnosti [Don antiquities]. Vol. 7) (in Russian).

Лычагин 2003 — *Lychagin A. V. Otchet «Ob ohrannyh raskopkakh kurgannogo mogil'nika "Ipatovo 5" u g. Ipatovo Stavropol'skogo kraya v 2003 godu» (Report of the «Salvation excavations of burial mound Ipatovo 5 near the town of Ipatovo, Stavropol region, in 2003»)*. Stavropol, 2003. Archive of the State Unitary Enterprise «Nasledie» (in Russian).

Малов 1987 — *Malov N. M. Pamyatniki hvaly'nskoj kul'tury valikovoy keramiki Povolj'ya i nekotory'e problemy ih svyazi s vostochnymi kul'turami e'pohi pozdney bronzy (Sites of the Khvalyn culture with applied-roller pottery in the Volga region and some problems of their ties with eastern cultures of the Late Bronze Age)* // Matyushchenko V. I. (ed.). *Istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova (Historical reading dedicated to the memory of M. P. Gryaznov: abstracts of the regional conference)*. Omsk: Omsk SU, 1987. P. 142–143 (in Russian).

Маргулан 1979 — *Margulan A. Kh. Begazy'-Dandy'baevskaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana (Begazy-Dandybai culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Nauka, 1979. 360 p. (in Russian).

Матвеев и др. 2001 — *Matveev A. V., Anoshko O. M., Izmer T. S. Predvaritel'ny'e itogi rabot 1999 i 2000 gg. na poselenii Shch'etkovo-2 v Ingal'skoj doline (Preliminary results of the 1999 and 2000 works at the Shchetkovo-2 settlement in the Ingal valley)* // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Herald of archaeology, anthropology and ethnography)*. 2001. No. 3. P. 213–216 (in Russian).

Матвеева и др. 2006 — *Matveeva N. P., Anoshko O. M., Tsimbalyuk S. M. Materialy barhatovskoy kul'tury finala bronzovogo veka s Kolovskogo gorodisch'a (Lesostepnoe Pritobol'e) (Materials of the Final Bronze Age Barkhatovo culture from the Kolovskoe settlement [forest-steppe part of the Tobol basin])* // RA. 2006. No. 2. P. 24–38 (in Russian).

Николаева 1985a — *Nikolaeva N. A. Issledovanie kurgannoy gruppy u s. Djangr Oktyabr'skogo rayona Kalmy'ckoy ASSR v 1985 godu (Study of a group of barrows near the village of Djangr in the Oktyabrsky district of Kalmyk ASSR in 1985)* // Scholarly archive of the IA RAS, F.-1, no. 10969, 10969-a (in Russian).

Николаева 1985b — *Nikolaeva N. A. Issledovanie kurganov v zone stroitel'stva Kalmy'cko-Astrahanskoy risovoy orositel'noy sistemy na zemlyakh sovhoza Djangr Oktyabr'skogo rayona Kalmy'ckoy ASSR v 1985 godu (Study of barrows in the Kalmyk-Astrakhan rice irrigative system building area on the lands of the Djangr state farm in the Oktyabrsky district of Kalmyk ASSR in 1985)* // *Ibid.*, F.-1, no. 10970, 10970-a (in Russian).

Отрошенко 1986 — *Otroshchenko V. V. Belozerskaya kul'tura (Belozero culture)* // Berezanskaya S. S., Otroshchenko V. V., Cherednichenko N. N., Sharafutdinova E. S. *Kul'tury e'pohi bronzy na territorii Ukrainy' (The Bronze Age cultures on the territory of Ukraine)*. Kiev: Naukova dumka, 1986. P. 111–112 (in Russian).

Отрошенко 2001 — *Otroshchenko V. V. Problemi periodizacii kul'tur serednoi ta piznoi bronzy pi'vdnya Shidnoi E'vropi (kul'turno-stratigrafichni zi'stavlennya) (Problems of periodization of the Middle and Late Bronze Age cultures in the south of East Europe [cultural-stratigraphic correlations])*. Kiev: IA of the National AS of Ukraine, 2001. 288 p. (in Ukrainian).

Парусимов 2004 — *Parusimov I. N. Raskopki kurganov u hutora Kry'lov (Excavations of barrows near the Krylov farmstead)* // Kiyashko V. Ya. (ed.). *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nijnem Donu v 2003 godu (Historical and archeological studies in Azov and on the Lower Don in 2003)*. Azov: Azov Museum-Reserve, 2004. Vol. 20. P. 44–55 (in Russian).

Подобед и др. 2013 — *Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. Nekotory'e diskussionny'e problemy' arheologii yuga Vostochnoy Evropy' finala bronzovogo veka (Some debatable issues in the archaeology of the Final Bronze Age in the south of East Europe)* // DAC. 2013. No. 16. P. 194–245 (in Russian).

Потапов 2003 — *Potapov V. V. K voprosu ob odnositel'noy hronologii nurskikh stoyanok (To the question of the relative chronology of the Nur sites)* // RA. 2003. No. 1. P. 117–123 (in Russian).

Потапов 2007 — *Potapov V. V. Pogrebeniya s naborom ukrasheniy v nizov'yah r. Sal (Burials with sets of adornments in the lower reaches of the Sal river)* // Sanzharov S. N. (ed.). *Vi'd neoli'tu do ki'mmeriy'cy'v (From the Neolithic through the Cimmerians)*. Lugansk, 2007. P. 269–273 (Materials and studies in the archaeology of East Ukraine. Vol. 7) (in Russian).

Потапов 2009 — *Potapov V. V. Celinskie kurgany' (Tselina barrows)* // Proceedings of the Archaeological Science-Research Bureau. Rostov-upon-Don, 2009. Vol. 4. P. 74–93 (in Russian).

Потапов 2010a — *Potapov V. V. Pamyatniki final'noy bronzy' Nijnego Podon'ya (Final Bronze Age sites of the Lower Don region): Abstract of the Ph.D. dissertation*. M.: IA RAS, 2010. 25 p. (in Russian).

Потапов 2010б — *Potapov V. V. Plastinchaty'e visochny'e kol'ca i podveski na Nijnem Donu i v Predkavkaz'e (final'ny'y e'tap e'pohi bronzy') (Plate-like temple rings and pendants in the Lower Don and Fore-Caucasus regions [final stage of the Bronze Age])* // RA. 2010. No. 1. P. 155–157 (in Russian).

Потапов 2013 — *Potapov V. V. «Nekotory'e diskussionny'e problemy'» arheologii final'noy bronzy' i nekotory'e diskussionny'e resheniya e'tih problem («Some debatable issues» in the archaeology of the Final Bronze Age and some debatable solutions to these problems)* // DAC. 2013. No. 17. P. 225–270 (in Russian).

Потапов 2015 — *Potapov V. V. Nazemnaya postroyka na poselenii Varenovka III (Above-ground structure on the Varenovka III settlement)* // Korenyako V. A., Boiko A. L. (eds.). *Za rekoy Tanaisom (Behind the Tanais river: volume dedicated to the memory of V. E. Maximenko [1939–2014])*. Rostov-upon-Don: South Federal University, 2015. P. 227–234 (in Russian).

Потемкина 1985 — *Potemkina T. M. Bronzovy'y vek lesostepnogo Pritobol'ya (Bronze Age of the forest-steppe part of the Tobol basin)*. M.: Nauka, 1985. 376 p. (in Russian).

Пробейголова, Красильников 2013 — *Probeigolova A. S., Krasilnikov K. I. Nekotory'e itogi razvedok poseleniy finala bronzovogo veka v srednem techenii Severskogo Donca (Some results of searching for the Final Bronze Age sites in the middle reaches of the Seversky Donetz)* // Materials and studies in the archaeology of East Ukraine. 2013. Vol. 12. P. 219–232 (in Russian).

Ромашко 2013 — *Romashko V. A. Zaklyuchitel'ny'y e'tap pozdnego bronzovogo veka Levoberejnoj Ukrainy' (po materialam boguslavsko-belozerskoy kul'tury') (Last stage of the Late Bronze Age of the Left-Bank Ukraine [with special reference to the materials of the Boguslavskiy-Belozero culture])*. Kiev: KNT, 2013. 592 p. (in Russian).

Ромашенко 2005 — *Romashchenko N. I. Otchet ob ohranno-spatatel'ny'h raskopkakh poseleniya «Piramida I» i kurgannogo mogil'nika «Piramida IV» v Tarasovskom rayone Rostovskoy oblasti v 2004 godu (Report of the salvation excavations at the Piramida I settlement and Piramida IV burial mound cemetery in the Tarasovo district of Rostov oblast in 2004)* // Archive of the Taganrog Literature-Historical and Architectural Museum-Reserve. Taganrog, 2005. No. 140–143, 145 (in Russian).

Ситников 1998 — *Sitnikov S. M. Nekotory'e rezul'taty' issledovaniya poseleniya Sovetskiy Put'-I (Some results of the study of the Sovetsky Put'-I settlement)* // Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. (eds.). *Drevnie poseleniya Altaya (Ancient settlements of Altay)*. Barnaul: Altay SU, 1998. P. 71–84 (in Russian).

Смирнов 1960 — *Smirnov K. F.* By'kovskie kurgany' (Bykovo barrows) // Krupnov E. I., Smirnov K. F. (eds.). *Drevnosti Nijnego Povolj'ya*. T. 2: Itogi rabot Stalingradskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Antiquities of the Lower Volga region. Vol. 2: Results of works of the Stalingrad Archaeological Expedition*). M.: AS of the USSR, 1960. P. 169–268 (MSA. No. 78) (in Russian).

Смирнов 1964 — *Smirnov K. F.* Savromaty' (Savromatians). M.: Nauka, 1964. 379 p. (in Russian).

Ткачев 2002 — *Tkachev A. A.* Central'ny'y Kazahstan v e'pohu bronzy' (*Central Kazakhstan in the Bronze Age*). Tyumen: Tyumen State Oil-and-Gas University, 2002. Pt. 1 — 289 p.; pt. 2 — 243 p.

Усачук 2010 — *Usachuk A. N.* Antropomorfny'e figurki ili oselki: funkcional'ny'y analiz neskol'kih kamenny'h izdeliy e'pohi pozdney bronzy' (*Anthropomorphous figurines or whetstones: functional analysis of several stone artifacts of the Late Bronze Age*) // Kolesnik A. V. (ed.). *Izobrazitel'noe iskusstvo v arheologicheskom nasledii (Pictorial art in archaeological heritage)*. Donetsk: Lebed', 2010. P. 104–110 (Archaeological almanac. No. 21) (in Russian).

Черников 1960 — *Chernikov S. S.* Vostochny'y Kazahstan v e'pohu bronzy' (*Eastern Kazakhstan in the Bronze Age*). M.; L.: AS of the USSR, 1960. 272 p. (MSA. No. 88) (in Russian).

Черных 1976 — *Chernykh E. N.* Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR (*Ancient metalworking in the South-East of the USSR*). M.: Nauka, 1976. 302 p. (in Russian).

Шарафутдинова 1973 — *Sharafutdinova E. S.* Otchet o rabotah vtorogo Many'chskogo otryada Donskoy e'kspedicii v 1972 godu (*Report of works of the Second Manych Division of the Don Expedition in 1972*) // Scholarly archive of the IA RAS, F.-1, no. 4879, 4879-a (in Russian).

Шарафутдинова 1980 — *Sharafutdinova E. S.* Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nijnem Donu (kobyakovskaya kul'tura) (*Sites of the pre-Scythian period on the Lower Don [Kobyakovo culture]*). L.: Nauka, 1980. 128 p. (Corpus of Archaeological Records. Vol. B1-11) (in Russian).

Шарафутдинова 1991 — *Sharafutdinova E. S.* Pamyatniki konca e'pohi pozdney bronzy' na Nijnem Donu i stepnom Prikuban'e (*Late Bronze Age sites on the Lower Don and in the steppe part of the Kuban basin*) // SA. 1991. No. 1. P. 184–196 (in Russian).

Шарафутдинова, Дубовская 1987 — *Sharafutdinova E. S., Dubovskaya O. R.* O dvuh gruppah pogrebeniy predskifskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e (*About two groups of settlements of the pre-Scythian time in the North Black Sea region*) // Martynov A. I. (ed.). *Problemy' arheologicheskikh kul'tur stepey Evrazii (Problems in the study of archaeological cultures of the steppes of Eurasia)*. Kemerovo: Kemerovo SU, 1987. P. 27–38 (in Russian).

Шарафутдинова, Каминский 1988 — *Sharafutdinova E. S., Kaminsky V. N.* Mihaylovskiy mogil'nik konca e'pohi pozdney bronzy' v Zakuban'e (*Mikhailovsky cemetery of the Final bronze Age in the Trans-Kuban region*) // SA. 1988. No. 4. P. 214–221 (in Russian).

Цыбрий А., Цыбрий Т. 2013 — *Tsybriy A. V., Tsybriy T. V.* Modul'ny'e postroyki poseleniya Yagodinka 2: Planirovka, konstrukciya, inter'er (*Modular buildings of the Yagodinka 2 settlement: plan, construction, interior*) // *Arheologicheskie zapiski (Archaeological notes)*. 2013. No. 8. P. 230–247 (in Russian).

Юдин 2001 — *Yudin A. I.* Alekseevskoe gorodisch'e v g. Saratove (*Alexeevka settlement in Saratov*) // Yudin A. I. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya (Archaeological heritage of the Saratov region)*. Vol. 4: Ohrana i issledovaniya v 1998–2000 gg. (*Protection and explorations in 1998–2000*). Saratov: Nauchnaya kniga, 2001. P. 22–80 (in Russian).

ЭЛИТНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В 6-М СЕМИБРАТНЕМ КУРГАНЕ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОМПЛЕКСА¹

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

Ключевые слова: *Синдика, Боспор, Семибратние курганы, погребальный инвентарь, энареи.*

Среди находок из склепа Семибратнего кургана 6 (конец V в. до н. э.) (рис. 1) присутствуют такие предметы, как деревянный саркофаг; сосуды для оливкового масла, круглые золотые бляшки с головой горгоны Медузы (рис. 2, 1, 2), две плакированные золотом спиралевидные подвески с пирамидками зерни (рис. 2, 4) и бронзовое зеркало (рис. 3, 4). Все они характерны для синхронных женских погребений Таманского п-ова, предположительно определяемых как жреческие (рис. 2, 4, 5). Следует обратить внимание на то, что в искусстве иранских народов только богиня изображается с зеркалом (рис. 3, 7). В то же время размеры СК 6 (высота 11,4 м) и ряд элементов погребального инвентаря — богатый набор серебряной и бронзовой посуды для вина, фрагменты чешуйчатого панциря, обломки меча, наконечников копий (рис. 3, 1–3, 5, 6) и стрел, а также плотно уложенные в особом отделении останки семи лошадей, указывают на то, что здесь был погребен мужской представитель «царского» рода, один из правителей Синдики.

Единственной возможностью примирить эти факты является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»), согласно которой «заболевшие», переходя в сферу культа богини, которую Геродот называл Афродитой Уранией, одевались по-женски, делали женскую работу, но получали дар прозрения. Изображениями энареев можно считать центральных персонажей пекторали из Толстой Могилы (рис. 3, 8), которые шьют меховую одежду и совершают, таким образом, обряд, связанный с изменением социального статуса и трансвестизмом.

«Царь», погребенный в СК 6, явно прожил долгую жизнь, поскольку курган его предшественника (СК 4) был возведен приблизительно 30 годами ранее. Следовательно, он вполне мог за несколько лет до смерти перейти в статус энарея — верховного жреца Великой богини-матери, а реальную власть передать своему наследнику.

Семибратние курганы, занимающие небольшую возвышенность на левом берегу р. Кубань близ пос. Большой Разнокол, раскапывал В. Г. Тизенгаузен в 1875, 1876 и 1878 гг. Период их возведения (середина V — начало IV в. до н. э.) совпадает со временем расцвета так называемого Синдского царства, в связи с чем большинство исследователей считает эти курганы местом захоронения его правителей (см., например: Коровина 1957: 184–186; Артамонов 1966: 36; Силантьева 1967: 47; Виноградов 2001: 85; Власова 2001: 127; Горончаровский 2009: 154; 2014: 553 сл.).

Если анализировать Семибратние курганы (далее — СК) с точки зрения социальных позиций погребенных там представителей правившей в Синдике династии, то основным критерием, безусловно, следует считать размеры кургана. По Геродоту, его сооружали все участники похорон, «стараясь сделать насыпь как можно выше» [Her. IV. 71]. По аналогии с существующим делением курганов скифской знати по высоте насыпей на четыре группы (Мозолевский 1979: 152,

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX — начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

156–157, табл. 4), в высшую IV группу (царские захоронения), несколько расширенную (курганы высотой 11–21 м), попадают только три комплекса: СК 4 (около 440–430 гг. до н. э.) — 12,8 м, СК 6 (около 410–400 гг. до н. э.) — 11,4 м и СК 1 (около 385–375 гг. до н. э.) — 14,9 м. Еще три комплекса соответствуют по высоте II группе — от 5,7 до 7,5 м (захоронения членов царского рода). Мало отличаясь по размерам друг от друга, они образуют достаточно компактную группу курганов (высотой 6–6,7 м): СК 2 (около 450–440 гг. до н. э.), СК 5 (около 430–420 гг. до н. э.) и СК 7 (рубеж V–IV вв. до н. э.). Курганы группы I высотой от 3 до 4,5 м (захоронения родовой знати) представлены лишь небольшим СК 3 (около 390–380 гг. до н. э.) — 3,2 м. При этом отметим, что захоронение здесь носило явно экстраординарный характер и, очевидно, все же было связано с представителем правившей в Синдике династии. Таким образом, на протяжении примерно 60 лет в Семибратних курганах были вероятно погребены три верховных правителя синдов: около 435, 405 и 380 гг. до н. э. Последним из них согласно античной литературной традиции и данным эпиграфики был Гекатей, судя по всему захороненный в СК 1 — самом позднем и одновременно самом большом среди Семибратних курганов, в конструкции которого наиболее ощутимо влияние боспорской архитектуры — тут был обнаружен самый ранний на Боспоре оштукатуренный склеп размерами 6,4 × 3,6 м.

Интересно отметить, что этим трем царским курганам соответствуют три последовательно сменяющие друг друга группы подкурганных погребальных сооружений, отличающихся по своей конструкции: 1) СК 2 и СК 4 — сырцовые склепы, возведенные на материке и перекрытые деревянными брусьями (в пределах склепа или отдельно захоронены лошади, число которых может достигать 13)²; 2) СК 5 и СК 6 — каменные гробницы, впущенные в угол сырцовых склепов, в сопровождении захоронений коней в отдельных отсеках; 3) СК 1, СК 3 и СК 7 — вытянутые каменные гробницы, впущенные в материк, рядом с сырцовыми склепами с конскими скелетами.

Среди упомянутых царских курганов синдов — СК 6 конца V в. до н. э. (рис. 1), где захоронение, совершенное в деревянном саркофаге, выделяется по набору погребального инвентаря. В частности, здесь представлены сосуды для масла — алабастр и краснофигурный аск; 114 круглых золотых бляшек с изображениями: головы горгоны Медузы (28 экз. — рис. 2, 1–2)³, женских головок в профиль (27 экз.) и анфас (23 экз.), сидящего сфинкса (36 экз.); а также две бронзовые, плакированные золотом спиралевидные подвески с пирамидками зерни (рис. 2, 4; вариант II в по Силантьева 1976: 127) и бронзовое зеркало (Билимович 1976: 42–44, рис. 9) (рис. 3, 4).

Все указанные элементы погребального инвентаря присутствуют в обнаруженных близ Фанагории синхронных подкурганных захоронениях женщин, судя

² По количеству конских захоронений Семибратние курганы соответствуют уровню самых выдающихся погребальных комплексов Скифии V–IV вв. до н. э., например в курганах Козел и Чертомлык найдено по 11 конских скелетов, в Александропольском — 16, что лишний раз подчеркивает кочевой образ жизни синдской аристократии.

³ Голова Медузы изображена и на одном из трех небольших золотых колпачков (рис. 2, 3), найденных, так же как и оружие, близ ног погребенного.

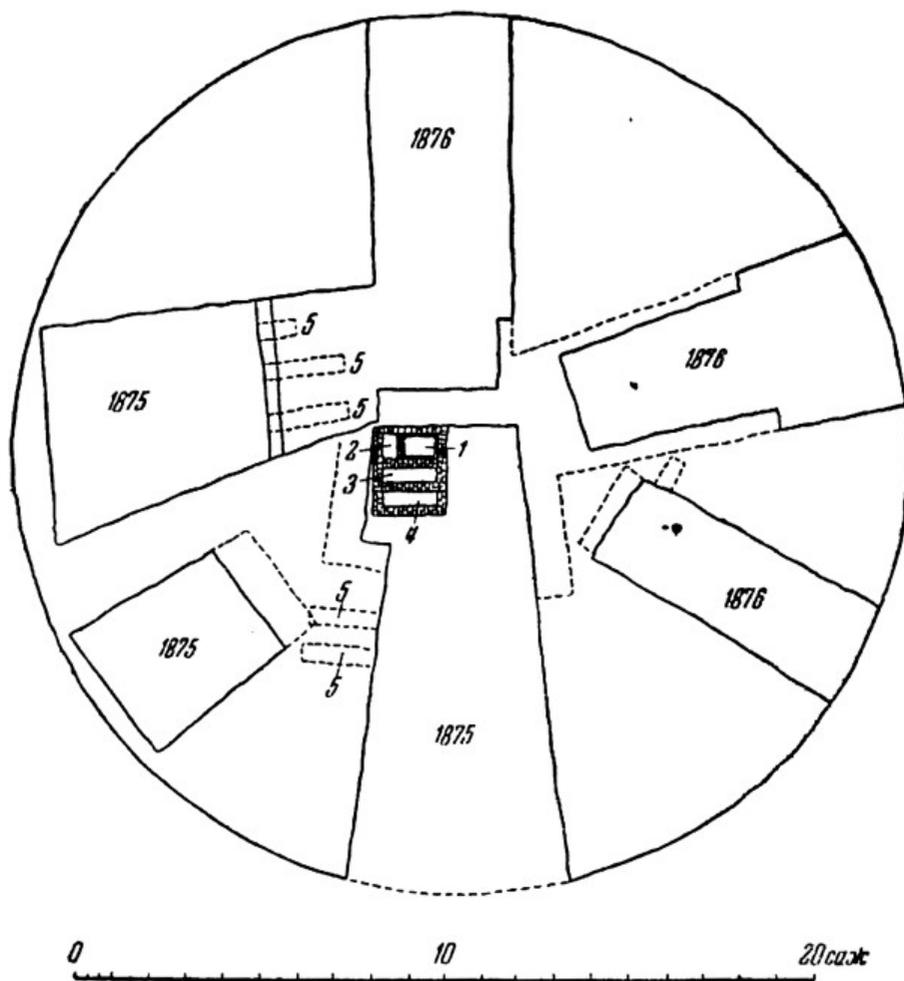

Рис. 1. СК 6, план: 1 — каменная гробница с деревянным саркофагом; 2–3 — отделения с предметами погребального инвентаря; 4 — отделение с конскими захоронениями; 5 — подземные галереи, пробитые В. Г. Тизенгаузеном

Fig. 1. 6th Semibratniy tumulus, plan: 1 — stone tomb chamber with wooden sarcophagus; 2–3 — compartments with burial goods; 4 — compartments with horse burials; 5 — underground galleries made by V. G. Tizengauzen

по всему, связанных со жреческими функциями (Паромов 2004: 314). Это известные погребения с фигурными полихромными сосудами — комплексы 1852 г. (раскопки К. Р. Бегичева, Л. А. Перовского и А. А. Сибирского) и 1869 г. (раскопки В. Г. Тизенгаузена) (Там же: 309–316). Первый из них представлял собой курган высотой 8,5 м при окружности 149 м (Ростовцев 1925: 267–268), где был найден скелет женщины в деревянном гробу, ориентированный на восток. В изголовье по обе стороны стояли два краснофигурных арибаллических лекифа. На черепе

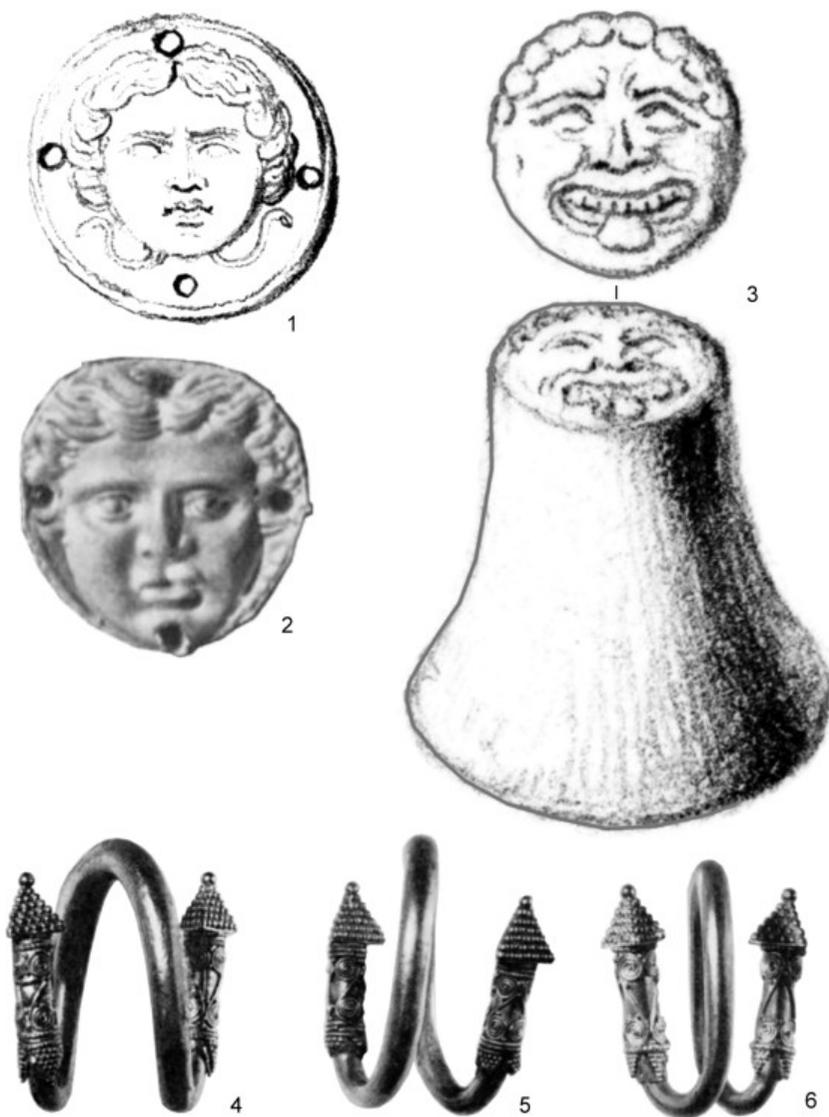

Рис. 2. Изделия тореутики из подкурганых сырцовых склепов Азиатского Боспора: 1–3 — СК 6, бляшки и колпачок с изображениями горгоны Медузы (по В. Г. Тизенгаузену — НА ИИМК РАН, РО, Р-1, д. 567, л. 31); 4–6 — спиралевидные подвески с пирамидками зерни (4 — СК 6; 5 — Фанагорийский курган 36, раскопки 1852 г.; 6 — погребение в кургане близ Фанагории, раскопки 1869 г.)

Fig. 2. Objects of toreutics from the under-barrow adobe crypts of Asian Bosphorus: 1–3 — 6th Semibratniy tumulus, plaques with images of Gorgon Medusa (after V. G. Tizengauzen — Scholarly Archive of IHMC RAS, MD, F.-I, doc. 567); 4–6 — spiral-shaped pendants with granulated pyramids (4 — 6th Semibratniy tumulus; 5 — Phanagoria barrow 36, 1852 excavations; 6 — burial from a barrow near Phanagoria, 1869 excavations)

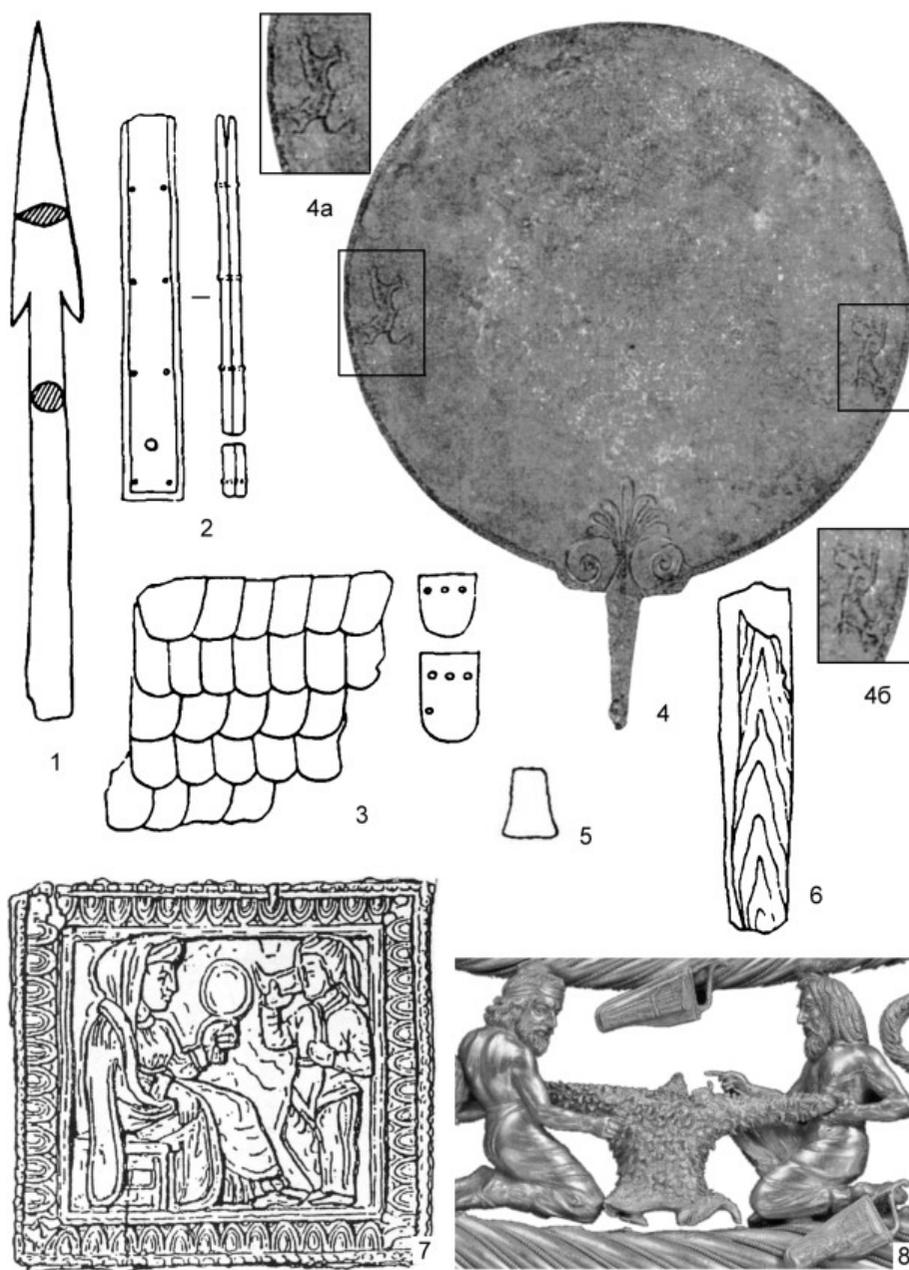

Рис. 3. 1–3, 5, 6 — СК 6, оружие (1 дротик; 2 — рукоять ножа; 3 — панцирные пластинки; 5 — ворворка от панциря; 6 — обломок меча; по Черненко 1973) и 4 — бронзовое зеркало со стержнем для насаживания ручки; 7 — курган Куль-оба, золотая бляшка с изображениями богини с зеркалом и юноши; 8 — курган Толстая Могила, деталь золотой пекторали — скифы, шьющие меховую одежду

Fig. 3. 1–3, 5, 6 — 6th Semibratniy tumulus, weapons (1 — dart; 2 — knife handle; 3 — armor plates; 5 — armor detail ('vorvorka'); 6 — sword fragment; after Черненко 1973) and 4 — bronze mirror with a rod for attaching handle; 7 — Kul-Oba barrow, golden plaque with images of goddess with a mirror and a young man; 8 — Tolstaya Mogila barrow, detail of a gold pectoral — Scythians sewing fur clothes

были обнаружены две золотых спиралевидных подвески с наконечниками в виде пирамидок из зерни варианта II в по Л. Ф. Силантьевой (рис. 2, 5) и 43 круглых золотых бляшки от головного убора: 33 экз. — с изображениями трех вариантов головы горгоны Медузы и 10 экз. — с изображением женской головы. Возможно, головной убор в данном случае имел жесткий кожаный каркас конусовидной формы и соответственно близок к типу 5 по классификации С. А. Яценко, который отмечал, что типологически сходные уборы с височными подвесками известны у восточных соседей скифов (Яценко 2006: 73, рис. 36, 3а; 43, 1).

Во рту погребенной лежал кружок тонкого листового золота с изображением женского профиля на лицевой стороне и меча на оборотной. Возле каждой руки было положено по алабастру. Слева лежали фрагмент деревянного гребня, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, несколько бронзовых булавок, «расписанная венками из листьев» пиксида и, наконец, четыре сосуда в виде статуэток обнаженного молодого Диониса (ритон), крылатой женской фигуры с кроτάлами у алтаря (лекиф) и двух менад (ойнохои) (ДБК 1854: табл. LXX).

В другом женском погребении 1869 г. (Строганов 1871: V–VI; Фармаковский 1921; Ростовцев 1925: 269–270) под большой курганной насыпью первоначальной высотой не менее 5 м находилась перекрытая деревянными брусьями гробница из сырцового кирпича, впущенная в материк, в чем еще В. Ф. Гайдукевич видел соответствие местной туземной традиции (Гайдукевич 1949: 281). В составе погребального инвентаря захоронения находились полихромные арибаллические лекифы в виде статуэток Афродиты, Сфинкса, Сирены, женской фигуры в хитоне и гиматии, танцующего крылатого демона и птицы. Их дополняли 11 терракот, изображающих Деметру и Кору, Афродиту, Аполлона и танцовщиц. Среди найденных украшений — золотые бляшки от головного убора: 30 — с изображением головы горгоны Медузы, 19 — в виде цветка лотоса и несколько — с изображением головы смеющегося сатира. К тому же изделию, видимо, относятся две бронзовые покрытые листовым золотом спиралевидные подвески с пирамидками из зерни варианта II в по Л. Ф. Силантьевой (рис. 2, б). Еще один предмет, сопровождавший погребенную — бронзовое зеркало.

Обращает на себя внимание устойчивость моды в отношении головного убора женщин, захороненных в сырцовых гробницах конца V в. до н. э. с перекрытием из деревянных брусьев. Для них характерны обязательное присутствие набора золотых бляшек и спиралевидных подвесок с пирамидками из зерни, имевших отношение к головному убору (курганы 1852 г. и 1869 г.). Непременным элементом погребального инвентаря являются также сосуды для оливкового масла и бронзовое зеркало. В связи с последней категорией находок стоит обратить внимание на то, что в искусстве иранских народов с зеркалом изображались только богини (Яценко 2006: 52) (рис. 3, 7). Возможно, чтобы усилить магическое назначение

зеркала из СК 6, по краю его диска были выгравированы изображения пантеры и оленя. Отметим также присутствие на подавляющей части бляшек изображений горгоны Медузы, которая могла восприниматься в синдской среде как одна из ипостасей местной Великой богини (Шауб 2013: 79). Как отмечала И. Д. Марченко, обряды, проводившиеся в расположенном неподалеку святилище на грязевом вулкане (Майская гора), «возможно, близки были каким-то догреческим религиозным представлениям, которые в более позднее время» как бы по-новому отредактировали «в свете греческих религиозных понятий» (Марченко 1974: 31). Не исключено, что в этих обрядах участвовали представительницы синдской знати, воспринявшие к концу V в. до н. э. многие элементы греческой культовой практики.

Итак, многие элементы погребального инвентаря предполагаемых жриц присутствуют и среди находок из синхронного СК 6. В то же время размеры кургана (11,4 м) и ряд предметов: серебряные сосуды (в том числе килик) и богатый набор бронзовой посуды для вина, обнаруженные у ног фрагменты чешуйчатого панциря, обломки меча, кинжала и ножей, наконечники копья и дротиков (рис. 3, 1–3, 5, 6), несколько бронзовых наконечников стрел (Черненко 1973: 76–78), плотно уложенные в особом отделении останки семи лошадей с железными удилами и псалиями, — указывают на то, что здесь, как уже отмечалось, около 405 г. до н. э., был погребен мужской представитель «царского» рода, один из правителей Синдики. Конечно, половую принадлежность человеческих останков из СК 6 определить уже невозможно, но против того, что это была своего рода синдская «амазонка», свидетельствуют сравнительные данные по территории Скифии. Из всех выявленных в степной зоне Северного Причерноморья женских погребений с оружием (более 80) комплект из четырех видов вооружения, как в СК 6, присутствует только в одном — погр. 3 кургана 5 могильника Мамай-Гора, да и то меч в данном случае отсутствует (Махортых 2011: 46).

Единственной возможностью в данном отношении примирить эти факты является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»)⁴, согласно которой «заболевшие», переходя в сферу культа богини, которую Геродот называет Афродитой Уранией [Her. I. 105.4], одевались по-женски, делали женскую работу, но получали дар прозрения. В этой связи можно вспомнить мнение А. М. Хазанова о том, что «женская болезнь», являвшаяся одним из проявлений энарейского комплекса, была распространена среди представителей скифского царского дома» (Хазанов 1975: 175)⁵. Сходной точки зрения на эту «болезнь», передававшуюся по наследству в царском поколении, придерживались А. И. Доватур, Д. П. Каллистов и И. А. Шишова, комментируя соответствующее сообщение Аристотеля в «Никомаховой этике» [Arist. Eth. Nicom. VII. 8.1150b.14 sq.] (Доватур и др. 1982: 306, прим. 427). Анализируя сведения античных авторов об энареях, А. М. Хазанов считает обоснованными следующие позиции: 1) энареи — профессиональное жречество, связанное с культом богини Афродиты-Аргимпасы; 2) энареи занимались прорица-

⁴ Подробный историографический обзор на эту тему см. Королькова 2009: 11–26.

⁵ По свидетельству Псевдо-Гиппократа ей подвержены самые могущественные и благородные по происхождению (SC, I: 63).

ниями, получив дар гадания от Афродиты; 3) энарейство имело наследственный характер, а их женоподобие связано с требованиями религиозного культа; 4) энареи происходили из среды скифской знати и, возможно, принадлежали царскому роду; 5) энареи пользовались большим влиянием как причастные к божеству (Хазанов 1975: 168–169). Изображения энареев Д. А. Мачинский видел в центральных персонажах пекторали из Толстой Могилы, которые шьют меховую одежду (рис. 3, 8)⁶ и совершают таким образом обряд, связанный с изменением социального статуса и травестизмом. При этом он отмечал у них в лицах реалистически переданные черты старения (Мачинский 1978: 141–142). Эта деталь заслуживает самого пристального внимания, поскольку в этнографии известны обрядовые действия, связанные с утратой воинских функций в результате старения и последующим принудительным травестизмом (Королькова 2009: 16). Как определяющая возрастная грань мог рассматриваться такой энарейский недуг, как половое бессилие [Ps.-Hipp. De aere. 29], но только в том случае, если человек принадлежал к высшим слоям общества.

«Царь», погребенный в СК 6, явно прожил долгую жизнь, поскольку курган его предшественника (СК 4) был возведен приблизительно 30 годами ранее. Следовательно, он вполне мог за несколько лет до смерти перейти в статус энарея — верховного жреца Великой богини-матери⁷, а реальную власть передать своему наследнику, известному нам как Гекатей. Кстати, этот теоним, вероятно, не случаен и, скорее всего, как и появление на синдских монетах головы коня, отражает связь синдского царского дома с почитанием Великой богини в ее подземной ипостаси [ср.: Нер. IV. 9].

Литература и источники

Артамонов 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия; Советский художник, 1966. 120 с., табл.

Билимович 1976 — *Билимович З. А.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 32–66.

Виноградов 2001 — *Виноградов Ю. А.* Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. 2001. № 4. С. 77–87.

Власова 2001 — *Власова Е. В.* Семибратние курганы // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.: Нестор-История, 2001. С. 127–132.

Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Горончаровский 2009 — *Горончаровский В. А.* 2009. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2008 гг.) // БИ. 2009. Вып. 22. С. 150–187.

Горончаровский 2014 — *Горончаровский В. А.* Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. 30. С. 553–618.

Доватур и др. 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Л.: Наука, 1982. 455 с.

⁶ Отметим, что в СК 6 были найдены остатки меховой шапки и одежды, подбитой светло-коричневым мехом.

⁷ Возможно, у синдов она именовалась Астара (КБН 1965: 583, № 1015).

ДБК 1854 — Древности Босфора Киммерийского. Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1854. 100 с.

КБН 1965 — Корпус боспорских надписей / Струве В. В. (ред.). М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.

Коровина 1957 — *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. 1957. С. 174–187.

Королькова 2009 — *Королькова Е. Ф.* Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации // Фурасьев А. Г. (ред.). Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Изд-во ф-та филол. и искусств СПбГУ, 2009. С. 11–28.

Марченко 1974 — *Марченко И. Д.* Терракоты из святилища на Майской Горе (Блеваке) // Кобылина М. М. (отв. ред.). Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров. М.: Наука, 1974. С. 31–35 (САИ. Вып. Г1-11).

Махортых 2011 — *Махортых С. В.* Вооружение «амазонок» Степной Скифии // Ворошилов А. Н. (отв. ред.). Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 37–53.

Мачинский 1978 — *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Луконин В. Г. (ред.). Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.

Мозолевский 1979 — *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Киев: Наукова думка, 1979. 252 с.

Паромов 2004 — *Паромов Я. М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // Масленников А. А. (гл. ред.). Древности Боспора. М., 2004. Т. 7. С. 309–316.

Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг.: Типогр. I Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 620 с.

Силантьева 1967 — *Силантьева Л. Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // ТД науч. сессии Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ, 1967. С. 46–48.

Силантьева 1976 — *Силантьева Л. Ф.* Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 52–56.

Строганов 1871 — *Строганов С.* Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1869 г. // Отчет Имп. Археологической комиссии за 1869 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1871. С. I–XXII.

Фармаковский 1921 — *Фармаковский Б. В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Петроград: Гос. изд-во, 1921. 44 с.

Хазанов 1975 — *Хазанов А. М.* Социальная история скифов (основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1975. 344 с.

Черненко 1973 — *Черненко Е. В.* Оружие из Семибратних курганов // Тереножкин А. И. (ред.). Скифские древности. Киев: Наукова думка, 1973. С. 64–81.

Шауб 2013 — *Шауб И. Ю.* Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 78–82.

Яценко 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии. М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

SC (Scythica et Caucasica) — *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893–1906. Т. 1 — 946 с.; Т. 2 — 454 с.

НА ИИМК РАН, РО, Р-1, д. 567.

AN ELITE BURIAL FROM THE 6TH SEMIBRATNIY TUMULUS: TO THE INTERPRETATION OF THE COMPLEX

V. A. GORONCHAROVSKY

Keywords: *Sindike, Bosporus, Semibratnie barrows, funerary inventory, enareases.*

Among the finds from the crypt of the 6th Semibratniy Tumulus (end of the 5th century BC) (fig. 1) there are items such as wooden sarcophagus; vessels for oil — an alabastron and red-figure askos; round gold plaques, including plaques with the head of the Gorgon Medusa (fig. 2, 1, 2) and two spiral pendants with granulated pyramids on the ends (fig. 2, 4); bronze mirror (fig. 3, 4). All these finds, in particular mirrors, are characteristic of synchronous female graves on the Taman Peninsula, which were presumably identified as graves of priestesses. Worthy of special note is the fact that in the art of the Iranian peoples it is only goddess that is portrayed with the mirror (fig. 3, 7). At the same time, in the 6th Semibratniy Tumulus such details as the size of the mound (11.4 m) and the quantity of grave goods, including a rich set of silver and bronze vessels for wine, fragments of scale armor, sword and spearheads (fig. 3, 1–3, 5, 6), some bronze arrowheads, as well as skeletons of seven horses with iron bit and check-pieces, seem to indicate that one of the rulers of Sindike might have been buried here. How can we reconcile these facts? It seems that the only possibility is to recognize the existence among the male Sindian elite, as among the Scythians, of the tradition of the so-called «female illness». Because of this illness, the «ill» persons, moving into the cultic sphere of the goddess, whom Herodotus calls Aphrodite Ourania, dressed and worked like women, but had a gift of prophecy. The central figures depicted on the pectoral from Tolstaya Mogila (fig. 3, 8) can probably be considered as images of such «enareases». They possibly sew fur clothes and commit a rite associated with the change of social status and travestism. The king buried in the 6th Semibratniy Tumulus must have lived a long life, since the mound of his predecessor (4th Semibratniy Tumulus) was built about thirty years earlier. Therefore, a few years before his death, he could have acquired the status of enareas — a high priest of the Great Mother Goddess — and passed the real power to his heir.

Literature and archive sources

Артамонов 1966 — *Artamonov M. I. Sokrovisch'a skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo E`rmitaja (Treasures of the Scythian barrows in the collection of the State Hermitage)*. Praga; L.: Artia; Sovetskiy hudojnik, 1966. 120 p. (in Russian).

Билимович 1976 — *Bilimovich Z. A. Grecheskie bronzovy'e zerkala e`rmitajno go sobraniya (Greek bronze mirrors of the Hermitage collection) // Trudy Gosudarstvennogo E`rmitaja (Proceedings of the State Hermitage)*. 1976. Vol. 17. P. 32–66 (in Russian).

Виноградов 2001 — *Vinogradov Yu. A. Kurgany' varvarskoy znati V v. do n. e'. v rayone Bospora Kimmeriyskogo (Burial Mounds of Barbarian Noblemen of the V c. BC in the Area of Cimmerian Bosporus) // Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)*. 2001. No. 4. P. 77–87 (in Russian).

Власова 2001 — *Vlasova E. V. Semibratnie kurgany' (Semibratnie barrows) // Zuev V. Ju. (ed.) Bosporskiy fenomen: kolonizaciya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva (Bosporan Phenomenon: The colonization of the region, formation of polices, emergence of the state)*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2001. Pt. 2. P. 127–132 (in Russian).

Гайдукевич 1949 — *Gajdukevich V. F. Bosporskoe carstvo (Bosporan kingdom)*. М.; L.: AS of the USSR, 1949. 624 p. (in Russian).

Горончаровский 2009 — *Goroncharovskiy V. A. Labris (Semibratnee gorodisch'e) i sindy' (po materialam polevy'h issledovaniy Bosporskoy e`kspedicii IIMK RAN v 2001–2008 gg.)*

(*Labrys [Semibratnee city site] and Sindoi [on materials of field investigations of Bosporan expedition of the IHMC RAS during 2001–2008]*) // *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)*. 2009. Vol. 22. P. 150–187 (in Russian).

Горончаровский 2014 — *Goroncharovskiy V. A. Semibratnie kurgany' v kontekste istorii i drevnostey Severnogo Prichernomor'ya (Semibratnie barrows in the context of the History and Antiquities of the Northern Black Sea Coast)* // *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)*. 2014. Vol. 30. P. 553–618 (in Russian).

Доватур и др. 1982 — *Dovatur A. I., Kallistov D. P., Shishova I. A. Narody' nashey strany' v «Istorii» Gerodota (Peoples of our country in the «History» of Herodotos)*. L.: Nauka, 1982. 455 p.

ДБК 1854 — *Drevnosti Bosfora Kimmeriyskogo: Atlas (Antiquities of the Cimmerian Bosporus: Atlas)*. St. Petersburg: Typography of Imperial AS, 1854. 100 p.

КБН 1965 — *Korpus bosporskih nadpisey (The Corpus of Bosporan Inscriptions)* // *Struve V. V. (ed.)*. M.; L.: Nauka, 1965. 952 p.

Коровина 1957 — *Korovina A. K. K voprosu ob izuchenii Semibratnih kurganov (Au sujet des Tumuli Semibratny)* // *SA*. 1957. No. 2. P. 174–187 (in Russian).

Королькова 2009 — *Korol'kova E. F. Velikaya boginya, bojestvenny'y vsadnik i zagadochny'e enarei: popy'tka interpretacii (The great goddess, the divine horseman and the mysterious enarei: an attempt of interpretation)* // *Furas'ev A. G. (ed.)*. *Gunny', goty' i sarmaty' mejdu Volgoy i Dunaem (The Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube)*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg SU, 2009. P. 11–28 (in Russian).

Марченко 1974 — *Marchenko I. D. Terrakoty' iz svyatilisch'a na Mayskoy Gore (Blevake) (Terracottas from the sanctuary on the May Mountain [Blevaka])* // *Koby'lina M. M. (ed.)*. *Terrakotovy'e statue'tki. Pridon'e i Tamanskiy poluostrov (Terracotta figurines. The Don region and Taman peninsula)*. M.: Nauka, 1974. P. 31–35 (Corpus of Archaeological Records. Vol. G1-11) (in Russian).

Махортых 2011 — *Mahortyh S. V. Voorujenie «amazonok» Stepnoy Skifii (The armament of the «Amazons» of the Steppe Scythia)* // *Voroshilov A. N. (ed.)*. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy e'pohi (East European Antiquities of Scythian epoch)*. Voronej: Nauchnaya kniga, 2011. P. 37–53 (in Russian).

Мачинский 1978 — *Machinskiy D. A. Pektoral' iz Tolstoy Mogily' i velikie jenskie bojestva Skifii (The pectoral from the Tolstaya Tomb and the Great Female Deities of Scythia)* // *Lukonin V. G. (ed.)*. *Kul'tura Vostoka: Drevnost' i rannee srednevekov'e (Culture of the East: Antiquity and Early Dark Ages)*. L.: Avrora, 1978. P. 131–150 (in Russian).

Мозолевський 1979 — *Mozolevs'kiy B. M. Tovsta Mogila (Tolstaya Tomb)*. Kiev: Naukova dumka, 1979. 252 p. (in Ukrainian).

Паромов 2004 — *Paromov Ja. M. Fanagoriyskie kurgany' s figurny'mi polihromny'mi sosudami (Phanagorian barrows with a figured polychrome vessels)* // *Maslennikov A. A. (ed.)*. *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)*. 2004. Vol. 7. P. 309–316 (in Russian).

Ростовцев 1925 — *Rostovtsev M. I. Skifiya i Bospor (Scythia and Bosporus)*. Petrograd: Typography of the 1st Leningrad Labor Cooperative of Printers, 1925. 620 p. (in Russian).

Силантьева 1967 — *Silant'eva L. F. Semibratnie kurgany' i ih znachenie dlya izucheniya kul'tury' sindov (Semibratnie barrows and their significance for the study of the Sindian culture)* // *Tezisy dokladov nauchnoy sessii Gos. Ermitazha (Abstracts of scientific session of the State Hermitage)*. L.: State Hermitage, 1967. P. 46–48 (in Russian).

Силантьева 1976 — *Silant'eva L. F. Spiralevidny'e podveski Bospora (Spiral pendants of the Bosporus)* // *Trudy Gosudarstvennogo Ermitaja (Proceedings of the State Hermitage)*. 1976. Vol. 17. P. 52–56 (in Russian).

Строганов 1871 — *Stroganov S. Doklad o deystviyah Imperatorskoy Arheologicheskoy Komissii za 1869 g. (Paper about actions of the Imperial Archaeological Commission in 1869) // Otchet Imperatorskoy Arheologicheskoy Komissii za 1869 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1869)*. St.-Petersburg: Typography of the Imperial AS, 1871. P. I–XXII (in Russian).

Фармаковский 1921 — *Farmakovskiy B. V. Tri polihromny'e vazy' v forme statue'tok, naydenny'e v Fanagorii (Three polychrome vases in the form of statuettes found in Phanagoria)*. Petrograd: State Publishing, 1921. 44 p. (in Russian).

Хазанов 1975 — *Hazanov A. M. Social'naya istoriya skifov (osnovny'e problemy' razvitiya drevnih kochevnikov evraziyskih stepey) (The social history of Scythians [the basic problems of development of the ancient nomads of the Eurasian steppes])*. M.: Nauka, 1975. 344 p. (in Russian).

Черненко 1973 — *Chernenko E. V. Orujie iz Semibratnih kurganov (Weapons from Semibratnie barrows) // Terenozhkin A. I. (ed.). Skifskie drevnosti (Scythian Antiquities)*. Kiev: Naukova dumka, 1973. P. 64–81 (in Russian).

Шайб 2013 — *Schaub I. Yu. Priobsh'enie k Velikoy bogine kak kul'minaciya zagrobny'h upovaniy bosporskoj e'lity': kul'turno-istoricheskie paralleli (An introduction to the Great Goddess as the culmination of the afterlife hopes of the Bosporan elite: cultural and historical parallels) // Vahtina M. Yu. et al. (eds.). Bosporskiy fenomen: greki i varvary' na Evraziyskom perekrestke (The Bosporan Phenomenon: Greeks and Barbarians on the Crossroads of Eurasia)*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2013. P. 78–82 (in Russian).

Яценко 2006 — *Yatsenko S. A. Kostyum drevney Evrazii (Costume of Ancient Eurasia)*. Moscow: Oriental Literature, 2006. 664 p. (in Russian).

SC (Scythica et Caucasica) — *Latyshev V. V. Izvestiya drevnih pisateley grecheskih i latinskih o Skifii i Kavkaze (Communications of ancient Greek and Latin authors about Scythia and the Caucasus)*. St. Petersburg: Typography of the Imperial AS, 1893–1906. Vol. 1 — 946 p.; Vol. 2 — 454 p. (in Russian).

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, F.-I, doc. 567 (in Russian).

ПЕЧАТЬ С ГОРОДИЩА ДАБИЛЬКУРГАН (СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

Р. В. ТИХОНОВ, А. Н. ГОРИН

Ключевые слова: *Северная Бактрия, Дабилькурган, подражание тетрадрахме Гелиокла I, печать.*

В результате археологических исследований на городище Дабилькурган в 2014 г. была обнаружена уникальная печать (рис. 1). Исходным материалом для изготовления явилось подражание тетрадрахме греко-бактрийского царя Гелиокла I (около 140–130 гг. до н. э.). Она происходит из культурного слоя, который может быть датирован в пределах конца II — первой половины III в. н. э. Находка данной печати не только дополняет наши сведения о развитии сфрагистики в позднекушанской Бактрии, но и является новым примером вторичного использования монеты в среднеазиатском регионе.

Поселение Дабилькурган, жилища которого выстроены на аллювиальном останце конусовидной формы, находится в Пашхурдской долине на юге Узбекистана. Площадь памятника составляет около 4 га. В его северо-восточной части возведена цитадель (30 × 30 м), возвышающаяся на 3,5 м над жилой застройкой. С трех сторон поселение окружено глубокими оврагами, усиливавшими его оборонительные возможности. С северной стороны, где отсутствовала естественная защита, была возведена мощная оборонительная стена.

Дабилькурган был обнаружен в 1970 г. Э. В. Ртвеладзе, возглавлявшим маршрутный отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Собранный на поверхности поселения керамический материал исследователь отнес к позднему и раннему средневековому времени, а также к кушанскому и ахеменидскому периодам (Ртвеладзе 2013: 16).

В 1979 г. раскопки на поселении были проведены археологическим отрядом Сурхандарьинского областного краеведческого музея под руководством В. А. Козловского. Полученный материал позволил датировать верхние слои цитадели XVII–XVIII вв., однако подъемный материал указывает на то, что городище было обжито и в античное время (Соловьев, Шейко 2012: 262).

К дальнейшему исследованию памятника вернулись в начале 2000-х гг., когда сотрудники музея Востока (г. Москва) во главе с С. Б. Болеловым (Международная Тохаристанская экспедиция) заложили здесь несколько раскопов. Их стратиграфия показала, что поселение возникло не позднее середины I тыс. до н. э. и непрерывно обживалось более двух тысяч лет (Болелов, Ильясов 2006). Раскапывались также и раннесредневековые наусы, расположенные к северу от Дабилькургана (Ильясов 2011).

Осенью 2014 г. сотрудники кафедры истории и археологии Елецкого ГУ под руководством профессора В. С. Соловьева (Международная Тохаристанская экспедиция) продолжили изучение памятника, начатое ими в 2010 г. (Соловьев 2013; Тихонов 2013).

При вскрытии нижних культурных слоев на раскопе V на глубине 3,3 м от дневной поверхности удалось зафиксировать часть стены (шириной 1,6 м, прослежена

на протяжении 2,1 м) помещения, которая уходит под восточную бровку раскопа. Стена сложена из сероглиняного сырцового квадратного кирпича ($35 \times 35 \times 12$ см) и сохранилась на высоту двух рядов кирпичей, положенных в перевязку.

С целью дальнейшего выяснения стратиграфии памятника, к югу от расчищенной стены была заложена траншея ($4,35 \times 1,4$ м). На глубину до 0,5 м прослежен однородный культурный слой с многочисленными включениями фрагментов керамических сосудов, алебаstra, ладьевидных зернотерок, угольков и костей животных. Найдены также ткацкие пряслица из мраморовидного известняка, необожженной и слабообожженной глины.

Важной находкой для истории Бактрии является встреченная в слое траншеи медная печать. Она изготовлена из монеты, подражающей тетрадрахмам одного из последних греческих царей Бактрии — Гелиокла I (около 140–130 гг. до н. э.). Для использования ее в качестве печати на лицевой стороне монеты-подражания было припаяно ушко, сохранившееся лишь частично.

Точные годы правления Гелиокла I неизвестны. В литературе можно встретить различные точки зрения на этот счет: около 135–110 гг. до н. э. (Mitchiner 1975: 155); около 145–130 гг. до н. э. (Wpearachchi 1991: 74); 80–40-е гг. II в. до н. э. (Зеймаль 1998: 360–361); около 150–140 гг. до н. э. (Наймарк 2005: 133). Кардинальное омоложение дат правления этого царя предложил Дж. Крибб — около 125–90 гг. до н. э. (Cribb 2005: 214; Errington, Curtis 2007: 55).

Ниже приведено описание монеты, а точнее, печати. Ее вес составляет 13,73 г, диаметры равняются 30,8 и 30,4 мм; оси находятся в положении XII часов. Изображение на каждой стороне предмета коррозировано и потерто (рис. 1).

На лицевой стороне печати представлен погрудный образ правителя в диадеме вправо.

На оборотной стороне изделия показана стоящая фигура Зевса с пучком молний в правой руке, под его ногами изображена горизонтальная черта. Слева в поле, под пучком молний плохо различима монограмма . По сторонам от фигуры божества нанесена трехстрочная, большей частью утраченная и искаженная греческая легенда: ... ΣΙΛΕ ... (слева); ... ΙΑΙΑ ... Υ ... (справа); ΔΠ ΙΥ (в экзерге).

Наиболее подробную классификацию и хронологию этих выпусков подражаний тетрадрахмам разработал Е. В. Зеймаль. На основании иконографического типа и номиналов он разделил имеющийся материал на следующие группы: I) редкие серебряные подражания тетрадрахмам; II) серебряные подражания драхмам; III) медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (на оборотной стороне — стоящий Зевс; наиболее многочисленная группа — 6 серий); IV) медные подражания драхмам Гелиокла (на оборотной стороне — стоящий Зевс); V) медные подражания тетрадрахмам Гелиокла (на оборотной стороне — шагающий конь влево); VI) медные подражания драхмам Гелиокла (на оборотной стороне — шагающий конь влево).

Весь чекан этих подражаний Е. В. Зеймаль разбил на восемь хронологических периодов, каждому из которых соответствует выпуск определенной группы или серии внутри нее: первый период — группы I и II; второй — группа III, серия 1; третий — группа III, серия 2; четвертый — группа III, серия 3; пятый — группа III, серия 4; шестой — группа III, серия 5; седьмой — группа III, серия 6; восьмой — группы IV, V, VI (Зеймаль 1983: 111–116).

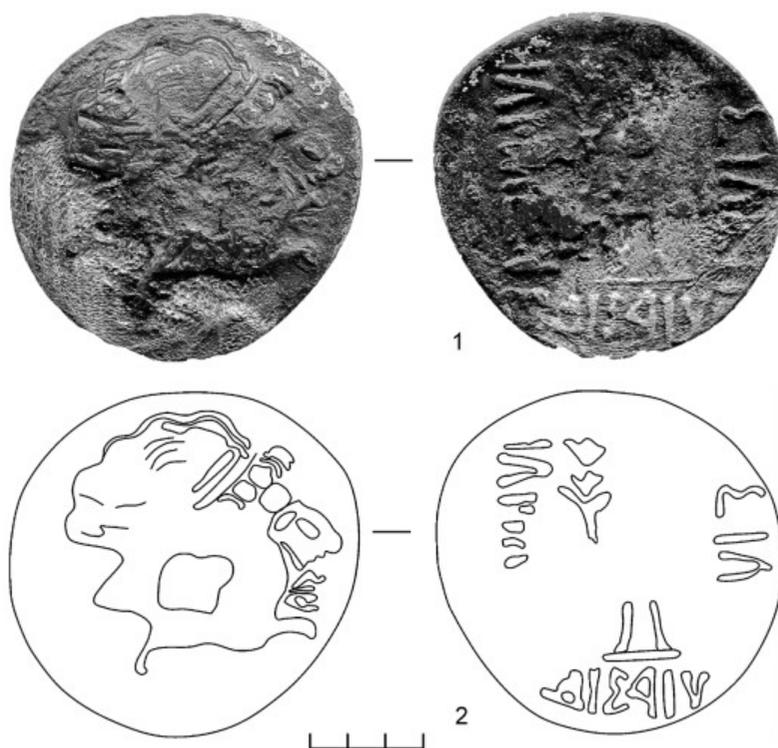

Рис. 1. Печать с городища Дабилькурган в Северной Бактрии

Fig. 1. Seal from the settlement of Dabilkurgan in Northern Bactria

Дабилькурганский экземпляр относится к наиболее распространенной III группе подражаний тетрадрахам и характеризуется рядом особенностей: монограмма аналогична монограмме на монетах прототипов, каппа изображена в виде вертикальной черты, сигма изображена еще без искажений. Все эти признаки характерны для серии III/2 (Там же: 113).

«Варварские» подражания монетам Гелиокла чаще всего находят во время исследований поселений, расположенных в долине реки Сурхандарья и ее притоков, а также в Кафирниганской и отчасти Вахшской долинах. В настоящее время, судя по опубликованным данным, известны 23 пункта находок таких подражаний в Сурхандарьинском вилояте Узбекистана (109 экз.) и 10 пунктов в Южном Таджикистане (22 экз.) (Горин 2014: 88–89). К югу от Амударьи, в землях коренной Бактрии их находки не столь распространены. Данная ситуация отражает лишь существующее положение вещей, когда паспортизированные и стратифицированные находки обнаружены только в небольшой, но археологически наиболее изученной части региона — Северной Бактрии. К югу от Амударьи археологические работы проводились эпизодически и, как правило, на небольших площадях. Однако подражания монетам Гелиокла встречаются и гораздо южнее, в соседних историко-культурных регионах — Каписе, Арахосии и Таксиле (Там же: 82–83).

Одно из первых исследований, посвященных датировке монет, подражающих тетрадрахмам Гелиокла, было проведено В. М. Массоном. Исследователь отнес обращение подражаний к концу II — первой половине I в. до н. э. Одним из главных аргументов в пользу предложенной хронологической шкалы явились палеографические соображения и метрологические показатели (Массон 1956: 74).

Широкомасштабные археологические исследования, развернувшиеся на территории Бактрии во второй половине XX в., позволили несколько по-другому взглянуть на время обращения данных подражаний. В принципе не вызывает особых сомнений тезис о том, что они появляются в связи с завоеванием Бактрии кочевниками. Новые данные, полученные в ходе раскопок, главным образом, памятников Сурхандарьинской долины Узбекистана, привели Г. А. Пугаченкову и Э. В. Ртвеладзе к следующему заключению: «Выпуск и обращение “варварских” подражаний Гелиоклу локализуется в основном в области Северной Бактрии и охватывает период, начинающийся спустя некоторое время после удара сакских племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство, и заканчивается с началом формирования державы Великих Кушан при Кадфизе I — т. е. с конца II в. до н. э. и примерно до рубежа нашей эры» (Пугаченкова, Ртвеладзе 1971: 103).

Анализ археологических комплексов Мирзакултепа и Кампыртепа, проведенный А. Н. Гориним, показал, что «варварские» подражания Гелиокла обращались в Северной Бактрии вплоть до монетной реформы, проведенной кушанским царем Вимой Кадфизом (Горин 2014: 83).

Изучение археологического материала, полученного из слоя траншеи на поселение Дабилькуртан, позволяет датировать печать в пределах конца II — первой половины III в. н. э. Именно для этого хронологического периода характерны постройки из квадратного сырца указанного выше размера (Литвинский, Седов 1983: 13; Пугаченкова 1979: 72–73; Пугаченкова и др. 1978: 63).

Сфрагистика позднекушанской Бактрии достаточно хорошо известна, несмотря на отсутствие специальных работ. Печати, как правило, изготовляли из различных пород камня (Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 115). Самое большое распространение получили так называемые геммы-инталии. Так, например, среди новых находок, выявленных на городище Старый Термез, имеются как сами геммы, выполненные из полудрагоценных камней (лазурит, сердолик, халцедон, обсидиан), так и их оттиски на керамических сосудах (хумы, кувшины). На геммах преобладают антропоморфные и зооморфные изображения, а растительный орнамент редок. На основе изучения стратиграфии памятника и иконографического анализа представленных изображений Ш. Р. Пидаев датировал упомянутые геммы III–V вв. н. э. (Пидаев 2013).

Изготавливали также и глиняные печати. Из храма, выявленного в квартале керамистов на Дальверзинтепа, происходит терракотовая печать с рельефным изображением копытного животного и всадницы (пом. 6). По мнению Г. А. Пугаченковой, здесь представлена фигура богини Наны, что свидетельствует о ее популярности в ремесленной среде города (Пугаченкова и др. 1978: 141).

В древности в качестве печатей использовали также и определенные виды перстней, найденные в историко-культурных областях Средней Азии и сопредельных странах (Распопова 1980: 116).

Следует указать на то, что в кушанский и кушано-сасанидский периоды известны случаи использования монет не по прямому их назначению, а в качестве элемента женского украшения. В таком случае монета, как правило, имеет по середине отверстие для подвешивания. Монеты использовали также как амулет. Нередко среднеазиатские украшения, состоящие из большого количества монет, выполняли функцию оберега (Лунева 2001: 113). В состав женских украшений, обнаруженных в Фергане, входили медные китайские монеты «у-шу». Их находки являются неотъемлемой частью выявленных здесь курганных погребальных комплексов (Литвинский 1972: 211; Горбунова 1983: 33).

Приведенные выше примеры, отнюдь не исчерпывающие всей полноты аналогий, свидетельствуют о том, что в Дабилькургане найдена уникальная печать. В то же время сложно судить о ее семантике, поскольку в качестве исходного материала для изготовления вещицы послужила монета, обращавшаяся задолго до конца II — первой половины III в. н. э.

Как уже было отмечено выше, на оборотной стороне печати изображен Зевс и легенда на древнегреческом языке. Бактрийцы почитали Зевса, как правило, в эллинистический период. Образ этого божественного покровителя представлен как на монетах греко-бактрийских правителей, так и в скульптуре (Bernard 1969: 338–341; Vorearachchi 1991: 41). Греческий язык продолжал использоваться в среде местного населения, но уже теряет статус официального, а на его основе создается бактрийская письменность не позднее правления Канишки I (Лившиц 1976: 165–166; Симс-Вильямс 1997: 3–5; Fussman 1974: 38–50).

Возможно, что дабилькурганская печать могла служить в качестве отличительного знака владельца, которым он, например, метил гончарные сосуды, тем более что оттиски печатей представлены в керамическом комплексе позднекушанской Бактрии. Данная традиция сохранялась и позднее. В эпоху раннего средневековья на стенках крупных тарных сосудов имеются знаки, нанесенные с помощью штампа, клейма или печати. На оттисках преобладают изображения таких животных, как олень, горный козел, лошадь, верблюд. По этому поводу В. С. Соловьев отметил, что в раннем средневековье «тохаристанцы исповедовали буддизм, христианство, видимо, зороастризм. Вместе с тем в их сознании сохранились идушие из глубокой древности представления, связанные с фарном. Отражением этих представлений и являются, на наш взгляд, изображения животных на венчиках хумов, которые были призваны оберегать владельцев сосудов от несчастий» (Соловьев 1996: 70–72). Нельзя исключать и того, что некоторые оттиски являлись своеобразными метками, которые были распространены среди знати (Беленицкий 1958: 124–128).

Таким образом, перед нами совершенно новый пример вторичного использования монеты в истории Средней Азии, пример, который, в свою очередь, дополняет наши знания о сфрагистике позднекушанского времени.

Литература

Беленицкий 1958 — *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.) // Беленицкий А. М. (ред.). Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Института истории археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. III (1951–1953 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 101–154 (МИА. № 66).

Болелов, Ильясов 2006 — *Болелов С. Б., Ильясов Дж. Я.* Археологические исследования в Пашхурдской котловине // АИУз. Ташкент: Фан, 2006. Вып. 5. С. 89–94.

Горин 2014 — *Горин А. Н.* Подражания оболам Евкратиды из Южного Узбекистана // Синицын А. А., Холод М. М. (ред.). KOINON ΔΩΡON: Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея В. П. Никонорова от друзей и коллег. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2014. С. 80–89.

Горбунова 1983 — *Горбунова Н. Г.* Кургайско-Карабулакская культура Западной Ферганы // СА. 1983. № 3. С. 23–46.

Зеймаль 1983 — *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983. 344 с.

Зеймаль 1998 — *Зеймаль Е. В.* Греко-Бактрия. Парфия (III–II вв. до н. э.). Политическая история. Социальные отношения // Литвинский Б. А., Ранов В. А. (ред.). История Таджикского народа. Душанбе: Дониш, 1998. Т. 1. С. 338–376.

Ильясов 2011 — *Ильясов Дж. Я.* Раскопки на северном некрополе Дабиль-Кургана // МТЭ. Елец: Изд-во Елецкого ГУ, 2011. Вып. 8. С. 122–152.

Лившиц 1976 — *Лившиц В. А.* Надписи из Дильберджина // Кругликова И. Т. (ред.). Древняя Бактрия: Мат-лы Советско-Афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1976. Вып. 1. С. 163–169.

Литвинский 1972 — *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии. М.: Наука, 1972. 258 с.

Литвинский, Седов 1983 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах (культура и связи кушанской Бактрии). М.: Наука, 1983. 239 с.

Лунева 2001 — *Лунева В. В.* Ювелирные украшения из Кампыртепа // МТЭ. Ташкент: SAN'AT, 2001. Вып. 2. С. 113–128.

Массон 1956 — *Массон В. М.* Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла // Эпиграфика Востока. 1956. Вып. 11. С. 63–75.

Наймарк 2005 — *Наймарк А. И.* Находки греческих монет в Согдиане // Нумизматика и эпиграфика. 2005. Вып. 17. С. 116–138.

Пидаев 2013 — *Пидаев Ш. Р.* Новые находки гемм и их оттисков с городища Старый Термез // РА. 2013. № 3. С. 57–65.

Пугаченкова 1979 — *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Кругликова И. Т. (ред.). Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 63–94.

Пугаченкова, Ртвеладзе 1971 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Новые монетные находки из правобережной Бактрии // ВДИ. 1971. № 4. С. 101–113.

Пугаченкова, Ртвеладзе 1990 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент: Фан, 1990. 218 с.

Пугаченкова и др. 1978 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В., Беляева Т. В., Ремпель Л. И.* Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978. 238 с.

Распопова 1980 — *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.

Ртвеладзе 2013 — *Ртвеладзе Э. В.* Историко-географический и археологический обзор Пашхурдской долины // МТЭ. Елец: Изд-во Елецкого ГУ, 2013. Вып. 9. С. 5–32.

Симс-Вильямс 1997 — *Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ. 1997. № 3. С. 3–10.

Соловьев 1996 — *Соловьев В. С.* Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. Елец: Изд-во Елецкого гос. педагогического института, 1996. 82 с.

Соловьев 2013 — *Соловьев В. С.* Раскопки на объекте V Дабилькургона в 2010–2013 гг. // МТЭ. Елец: Изд-во Елецкого ГУ, 2013. Вып. 9. С. 33–82.

Соловьев, Шейко 2012 — *Соловьев В. С., Шейко К. А.* Археологические исследования на Дабиль-Кургане в 2010 г. // АИУз. (2010–2011 гг.). Самарканд: ИА АН Республики Узбекистан, 2010. Вып. 8. С. 262–269.

Тихонов 2013 — *Тихонов П. В.* Археологический комплекс кушано-сасанидского периода по материалам объекта V // МТЭ. Елец: Изд-во Елецкого ГУ, 2013. Вып. 9. С. 83–118.

Bernard 1969 — *Bernard P.* Quatrième campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan) // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1969. No. 3. P. 313–355.

Bopearachchi 1991 — *Bopearachchi O.* Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

Cribb 2005 — *Cribb J.* The Greek kingdom of Bactria, its coinage and its collapse // Bopearachchi O., Boussac M.-F. (eds.). Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003. Turnhout: Brepolis, 2005. P. 207–225.

Errington, Curtis 2007 — *Errington E., Curtis V. S.* From Persepolis to Punjab: Exploring Ancient Iran, Afghanistan and Pakistan. London: The British Museum Press, 2007. 268 p.

Fussman 1974 — *Fussman G.* Documents épigraphiques kouchans // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. 1974. T. 61. P. 1–76.

Mitchiner 1975 — *Mitchiner M.* Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. 2. The Apogee of the Indo-Greek circa 160 to 120 BC. London: Spink, 1975. 181 p.

A SEAL FROM THE DABILKURGAN SETTLEMENT (NORTHERN BACTRIA)

R. V. TIKHONOV, A. N. GORIN

Keywords: *Northern Bactria, Dabilkurgan, imitation of the tetradrachm of Heliocles I, seal.*

A unique seal was found in the course of archaeological works at the Dabilkurgan settlement in 2014 (Fig. 1). It imitates the tetradrachm of the Greek-Bactrian king Heliocles I (ca. 140–130 B. C.). The seal comes from the layer which can be dated within the limits of the late II — the first half of the 3rd c. A. D. This find not only adds to our knowledge of the development of sphragistics in the late Kushan Bactria, but also represents a new example of the secondary use of coins in Central Asia.

Literature

Беленицкий 1958 — *Belenitsky A. M. Obsch'ie rezul'taty' raskopok gorodisch'a drevnego Pendjikenta (1951–1953 gg.) (General results of excavations at the ancient settlement of Penjikent [1951–1953])* // Belenitsky A. M. (ed.). *Trudy' Tadjikskoy arheologicheskoy e'kspedicii (Proceedings of the Tajik Archaeological Expedition)*. M.; L.: AS of the USSR, 1958. Vol. 3. P. 101–154 (MSA. No. 66) (in Russian).

Болелов, Ильясов 2006 — *Bolelov S. B., Ilyasov Dj. Ya. Arheologicheskie issledovaniya v Pashhurdskey kotlovine (Archaeological explorations in the Pashkhurd depression) // Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archaeological explorations in Uzbekistan)*. Tashkent: Fan, 2006. Vol. 5. P. 89–94 (in Russian).

Горин 2014 — *Gorin A. N. Podrajaniya obolam Evkratida iz Yujnogo Uzbekistana (Imitations of the obols of Euclid from South Uzbekistan) // Sinitsyn A. A., Kholod M. M. (eds.). KOINON ΔΡΟΝ: (Studies and essays in honor of the 60th jubilee of V. P. Nikanorov from his friends and colleagues)*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg SU, 2014. P. 80–89 (in Russian).

Горбунова 1983 — *Gorbunova N. G. Kurgaysko-Karabulakskaya kul'tura Zapadnoy Fergany' (Kurgai-Karabulak culture of Western Fergana) // SA. 1983. No. 3. P. 23–46 (in Russian)*.

Зеймаль 1983 — *Zeimal E. V. Drevnie monety' Tadjikistana (Ancient coins of Tajikistan)*. Dushanbe: Donish, 1983. 344 p. (in Russian).

Зеймаль 1998 — *Zeimal E. V. Greko-Baktriya. Parfiya (III–II vv. do n. e.). Politicheskaya istoriya. Social'ny'e otnosheniya (Greek Bactria. Parthia [III–II cc. B. C.]. Political history. Social relations) // Litvinsky B. A., Ranov V. A. (ed.). Istoriya Tadjikskogo naroda (History of the Tajik people)*. Dushanbe: Donish, 1998. Vol. 1. P. 338–376 (in Russian).

Ильясов 2011 — *Ilyasov Dj. Ya. Raskopki na severnom nekropole Dabil'-Kurgana (Excavations at the northern necropolis of Dabil-Kurgan) // MTE. Elets: Elets SU, 2011. Vol. 8. P. 122–152 (in Russian)*.

Лившиц 1976 — *Livshits V. A. Nadpisi iz Dil'berdjina (Inscriptions from Dilberdjina) // Kruglikova I. T. (ed.). Drevnyaya Baktriya: Mat-ly' Sovetsko-Afganskoy arheologicheskoy e'kspedicii (Ancient Bactria: Materials of the Soviet-Afghan Archaeological Expedition)*. M.: Nauka, 1976. Vol. 1. P. 163–169 (in Russian).

Литвинский 1972 — *Litvinsky B. A. Kurgany' i kurumy' Zapadnoy Fergany'. Raskopki. Pogrebal'ny' obryad v svete e'tnografii (Barrows and coombe rocks of West Fergana. Excavations. Burial rite in the light of ethnography)*. M.: Nauka, 1972. 258 p. (in Russian).

Литвинский, Седов 1983 — *Litvinsky B. A., Sedov A. V. Tepai-shah (kul'tura i svyazi kushanskoj Baktrii) (Tepai-shakh [culture and connections of Kushan Bactria])*. M.: Nauka, 1983. 239 p. (in Russian).

Лунева 2001 — *Luneva V. V. Yuvelirny'e ukrasheniya iz Kampy'rtepa (Jewelry from Kampyrtepa) // MTE. Tashkent: SAN'AT, 2001 Vol. 2. P. 113–128 (in Russian)*.

Массон 1956 — *Masson V. M. Drevnebaktriyskie monety', chekanenny'e po tipu tetradrahm Geliokla (Ancient Bactrian coins, minted in the form the tetradrachms of Heliclos) // E'pigrafika Vostoka (Epigraphics of the Orient)*. 1956. Vol. 11. P. 63–75 (in Russian).

Наймарк 2005 — *Naimark A. I. Nahodki grecheskih monet v Sogdiane (Finds of Greek coins in Sogdiana) // Numizmatika i e'pigrafika (Numismatics and epigraphics)*. 2005. Vol. 17. P. 116–138 (in Russian).

Пидаев 2013 — *Pidaev Sh. R. Novy'e nahodki gemm i ih ottiskov s gorodisch'a Stary'y Termez (New finds of gems and their imprints from the Old Termez settlement) // RA. 2013. No. 3. P. 57–65 (in Russian)*.

Пугаченкова 1979 — *Pugachenkova G. A. Jiga-tepe (raskopki 1974 g.) (Zhiga-tepe [1974 excavations]) // Kruglikova I. T. (ed.). Drevnyaya Baktriya: Materialy' Sovetsko-Afganskoy*

arheologicheskoy ekspeditsii (*Ancient Bactria: Materials of the Soviet-Afghan Archaeological Expedition*). M.: Nauka, 1979. Vol. 2. P. 63–94 (in Russian).

Пугаченкова, Ртвеладзе 1971 — *Pugachenkova G. A., Rtveladze E. V. Novy'e monetny'e nahodki iz pravoberejnoj Baktrii (New finds of coins from the right-bank Bactria)* // *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)*. 1971. No. 4. P. 101–113 (in Russian).

Пугаченкова, Ртвеладзе 1990 — *Pugachenkova G. A., Rtveladze E. V. Severnaya Baktriya-Toharistan (Northern Bactria-Tokharistan)*. Tashkent: Fan, 1990. 218 p. (in Russian).

Пугаченкова и др. 1978 — *Pugachenkova G. A., Rtveladze E. V., Belyaeva T. V., Rempel L. I. Dal'verzintep'e — kushanskiy gorod na yuge Uzbekistana (Dalverzin-tepe — a Kushan town in the south of Uzbekistan)*. Tashkent: Fan, 1978. 238 p. (in Russian).

Распопова 1980 — *Raspopova V. I. Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda (Metal articles of the Early Medieval Sogd)*. L.: Nauka, 1980. 138 p. (in Russian).

Ртвеладзе 2013 — *Rtveladze E. V. Istoriko-geograficheskiy i arheologicheskiy obzor Pashhurdskey doliny' (Historical-geographical and archaeological survey of the Pashkhurd valley)* // МТЕ. Elets: Elets SU, 2013. Vol. 9. P. 5–32 (in Russian).

Симс-Вильямс 1997 — *Sims-Williams N. Novy'e baktriyskie dokumenty' (New Bactrian documents)* // *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)*. 1997. No. 3. P. 3–10 (in Russian).

Соловьев 1996 — *Soloviyov V. S. Rannesrednevekovaya keramika Severnogo Toharistana (Early Medieval pottery of Northern Tokharistan)*. Elets: Elets State Pedagogical Institute, 1996. 82 p. (in Russian).

Соловьев 2013 — *Soloviyov V. S. Raskopki na ob'ekte V Dabil'kurgana v 2010–2013 gg. (Excavations of object V at Dabilkurgan in 2010–2013)* // МТЕ. Elets: Elets SU, 2013. Vol. 9. P. 33–82 (in Russian).

Соловьев, Шейко 2010 — *Soloviyov V. S., Sheiko K. A. Arheologicheskie issledovaniya na Dabil'-Kurgane v 2010 g. (Archaeological studies of Dabil-Kurgan in 2010)* // *Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (2010–2012) (Archaeological explorations in Uzbekistan [2010–2012])*. Samarkand: IA of the Uzbek AS, 2010. Vol. 8. P. 262–269 (in Russian).

Тихонов 2013 — *Tikhonov R. V. Arheologicheskiy kompleks kushano-sasanidskogo perioda po materialam ob'ekta V (Archaeological complex of the Kushan-Sasanid period as reflected in the materials of object V)* // МТЕ. Elets: Elets SU, 2013. Vol. 9. P. 83–118 (in Russian).

Bernard 1969 — *Bernard P. Quatrième campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan) // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1969. No. 3. P. 313–355.

Bopearachchi 1991 — *Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1991. 459 p.

Cribb 2005 — *Cribb J. The Greek kingdom of Bactria, its coinage and its collapse* // *Bopearachchi O., Boussac M.-F. (eds.). Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest: actes du colloque international au Musée archéologique Henri-Prades-Lattes du 5 au 7 mai 2003*. Turnhout: Brepolis, 2005. P. 207–225.

Errington, Curtis 2007 — *Errington E., Curtis V. S. From Persepolis to Punjab: Exploring Ancient Iran, Afghanistan and Pakistan*. London: The British Museum Press, 2007. 268 p.

Fussman 1974 — *Fussman G. Documents épigraphiques kouchans* // *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1974. T. 61. P. 1–76.

Mitchiner 1975 — *Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage*. Vol. 2. *The Apogee of the Indo-Greek circa 160 to 120 BC*. London: Spink, 1975. 181 p.

О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ «РОГАТЫХ КИРПИЧЕЙ» И ГРУЗИКОВ «ДЬЯКОВА ТИПА»

М. М. САВЕНКОВА

Ключевые слова: *Восточная Европа, ранний железный век, дьяковская культура, «рогатые кирпичи», грузики «дьякова типа», горизонтальный ткацкий станок.*

На городищах раннего железного века дьяковской культуры (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.) частой находкой являются «рогатые кирпичи». Они представляют собой блок из глины квадратной или подтрапцевидной формы с расширенным нижним основанием, служащим для придания устойчивости, и вогнутостью сверху. Вопрос о назначении этих предметов является дискуссионным: предполагается как культовое, так и утилитарное назначение. Преобладает мнение, что подобные предметы могли использоваться в очагах в качестве подставок для горшков или для крепления вертелов.

Для рассмотрения вопроса о функциональном назначении «рогатых кирпичей» был использован метод экспериментального моделирования древних технологий. Находки необожженных экземпляров и изделий без следов вторичного обжига позволяют высказаться в пользу отнесения этих предметов к деталям ткацкого станка. Реконструкция текстильных приспособлений основывается на анализе формы «рогатых кирпичей». Так как кирпичи стоят на горизонтальной плоскости, то и конструкция станка, для которой была использована форма простейшей рамы для плетения, была размещена параллельно плоскости земли. Кирпичи используются в качестве стоек, на которые укладывается нитеразделитель и нитчѐнка в процессе смены зева.

Еще одной часто встречающейся археологической находкой на территории Восточной Европы в раннем железном веке, вызывающей различные предположения о назначении, являются глиняные грузики «дьякова типа» с зубчиками. По следам потертостей от нитей на некоторых экземплярах экспериментальным путем был реконструирован технологический процесс изготовления кругового текстиля: шнуров и сеток. На основе проведенного исследования об использовании грузиков «дьякова типа» в качестве приспособлений для плетения шнуров был выполнен вариант ткацкого станка с включением их в конструкцию вместе с «рогатыми кирпичами».

Повсеместные находки «рогатых кирпичей» на дьяковских и юхновских городищах, скифских поселениях позволяют выдвинуть предположение о наличии у народов, населяющих Восточную Европу в раннем железном веке, горизонтального ткацкого станка как преобладающего вида.

«Рогатые кирпичи» являются частой находкой на городищах дьяковской культуры раннего железного века (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.). «Рогатый кирпич» — это блок из глины квадратной или подтрапцевидной формы с расширенным нижним основанием, служащим для придания устойчивости, и вогнутостью сверху (рис. 1, 1–5). Вопрос о назначении этих предметов является дискуссионным: предполагается как культовое (Пузикова 1978; 1981), так и утилитарное (Падин 2004; Сыроватко 2003) назначение изделий. Можно согласиться с мнением, что, наряду с определенным функциональным употреблением в быту, в отдельных случаях их могли использовать для совершения ритуалов (Воропаева 2005).

Наиболее распространена точка зрения, что подобные предметы применяли в очагах в качестве подставок для горшков или для крепления вертелов (Кренке 2011; Падин 2004; Сыроватко 2003). Однако технологические эксперименты

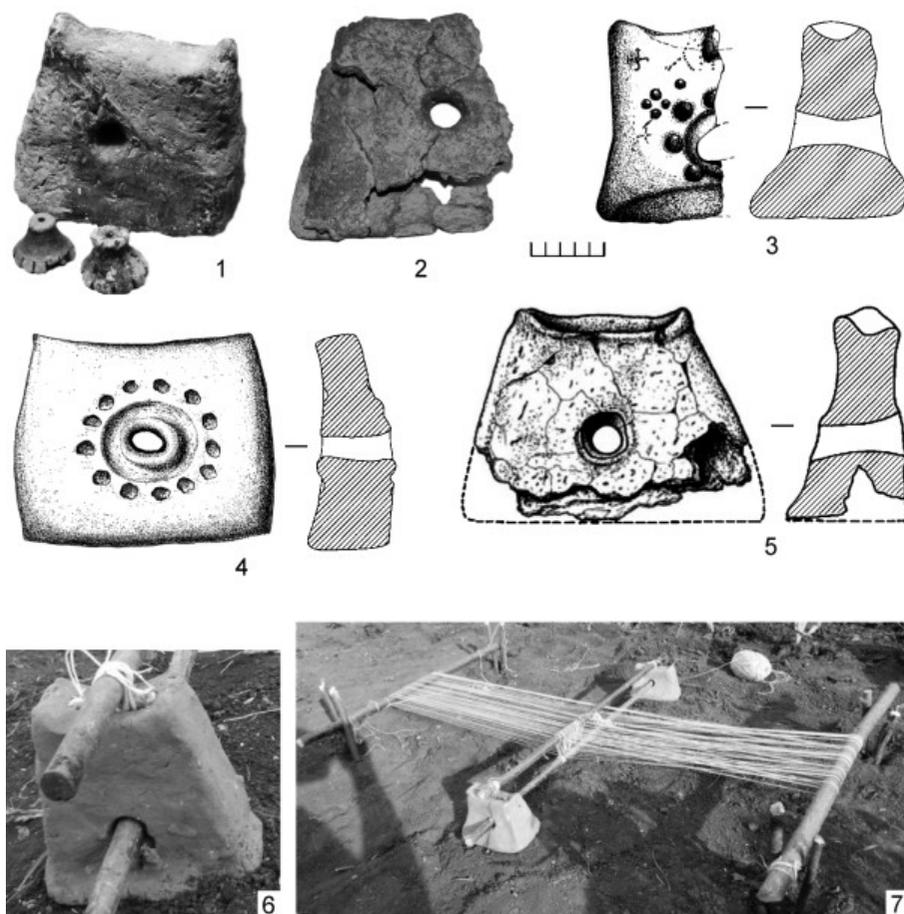

Рис. 1. Дьяковская культура, «рогатые кирпичи»: 1 — Огубское городище; 2 — Ростиславль; 3 и 4 — городища Круглица и Мамоново (по Сыроватко 2003); 5 — Дьяково городище (по Кренке 2011); 6 — вариант крепления нитчѐнки на рогом кирпиче; 7 — горизонтальный станок с использованием рогатых кирпичей (реконструкция)

Fig. 1. Dyakovo culture, «horned bricks»: 1 — Ogubskoe settlement; 2 — Rostislavl; 3 and 4 — Kruglitsa and Mamonovo (after Сыроватко 2003); 5 — Dyakovo settlement (after Кренке 2011); 6 — variant of fastening the thread loop to horned bricks; 7 — horizontal weaving loom with the use of horned bricks (reconstruction)

по использованию изделий в этом качестве, как и анализ формы оснований горшков на соответствие их конфигурации верхней площадке кирпичей, не проводились. Целесообразность применения шампуров, исходя из конструкции кирпичей, также остается под вопросом.

Находки необожженных экземпляров (РАЭ — рис. 1, 2) или изделий без следов вторичного обжига (Сыроватко 2003: 76), при том что обжиг неизбежно

произошел бы при использовании их в качестве очажных подставок, позволяют выдвинуть альтернативное предположение о функциональном назначении «рогатых кирпичей». Для рассмотрения этого вопроса был использован метод экспериментального моделирования древних технологий. В данной работе ставится задача идентификации этих предметов с деталями ткацкого станка.

Форма «рогатых кирпичей» позволяет предположить их использование при создании устройств для изготовления текстиля. Несмотря на отличия по пропорциям и конфигурации, конструкция изделий остается неизменной на протяжении веков (Кренке 2011: 73). Из особенности формы кирпичей следует, что их устанавливали на широкое основание. Высота кирпича приблизительно равна его ширине или может быть чуть меньше. По краям площадки в верхней части расположены выступы, напоминающие рога, что и дало название предметам. В середине изделия находится отверстие, которое явно имеет конструктивное значение. Наличие отверстия могло быть вызвано технологической необходимостью, например оно могло служить для избегания растрескивания при обжиге керамического изделия большого размера. Однако вокруг отверстий на некоторых изделиях имеется орнаментация, что подчеркивало их сакральное значение (рис 1, 3, 4).

Для реконструкции ткацкого станка была использована форма простейшей рамы для плетения, состоящей из двух параллельных палок, между которыми натягивались нити основы. Толщина палок делит нити на две группы — четные и нечетные. Раму простейшей конструкции можно было использовать как в вертикальном положении, подвесив к концам нижней палки по грузу, так и в горизонтальном, закрепив палки кольями, вбитыми в землю. Ее можно было применить и в качестве поясного приспособления, привязав к поясу ткача. Использование того или иного варианта крепления основы зависело от социокультурных, природных, исторически сложившихся традиций, а также от вида и назначения текстиля. Способ ткачества на раме с круговой основой использовали все народы на примитивной стадии развития.

Путем экспериментального моделирования из нескольких типов ткацких приспособлений был выбран вариант горизонтального станка, как наиболее рациональный по конструкции. Так как кирпичи стоят на горизонтальной плоскости, то и предполагаемая конструкция станка была размещена параллельно плоскости земли.

Основным фактором, влияющим на конструкцию станка, является способ образования зева. Можно предположить, что кирпичи применялись для образования ткацкого зева, служили подставками для нитченок. Между двумя горизонтальными палками, закрепленными кольшками на земле, натягиваются нити основы, в образовавшийся зев прокладывается нитеразделитель — доска или палка. Снование с помощью кольшков, забитых в землю, использовалось в Древнем Египте и до сих пор применяется некоторыми народами (Гватемала) в ручном ткачестве. Справа и слева от натянутой основы устанавливаются кирпичи. Они соединяются между собой в единую конструкцию деревянной палкой, которая пропущена под нитями и закреплена в центральные сквозные отверстия. При опускании нитеразделителя вниз палка, соединяющая два кирпича, не дает основе провисать до земли и пачкаться, что происходило бы при большой длине нитей (рис. 1, 7).

Кирпичи используются также в качестве стоек, на которые укладывается нитеразделитель. Нитеразделитель-доска поднимается вверх и укладывается в углубление верхней части между рогами. Таким образом, открывается зев, в который прокидывается уток. Второй зев открывается следующим образом. Нитеразделитель вынимается и укладывается вниз за кирпичи, в результате четные нити основы опускаются на поперечную перекладину. Нитчѐнка, к которой подвязаны нечетные нити, поднимается вверх и размещается между рожками на кирпичах.

Рога имеют наклон, который способствует достаточно легкому извлечению нитчѐнки из углубления при сильном натяжении нитей основы. Незначительное повышение по углам не только фиксирует нитчѐнку, но и дает возможность, приложив небольшое усилие, снять ее. Пространство между рожками обработано лучше остальных поверхностей кирпичей — такая зашлифованность могла возникнуть на рабочей поверхности приспособления. Площадка большого размера, расположенная между рожками на некоторых изделиях, возможно, служила для одновременного поднятия нескольких нитчѐнок, требующихся при изготовлении более сложных саржевых переплетений. На некоторых кирпичах, которые преобладают в ранних археологических слоях (Кренке 2011: 53), рога не сильно выражены, а вдоль углубления между ними расположена канавка. Можно предположить, что в данном случае нитеразделитель имел более сложную конструкцию с горизонтально закрепленными перекладинами, служащими для более прочной его фиксации (рис 1, б).

В вертикальном ткацком станке для размещения нитчѐнки в процессе разделения нитей на четные и нечетные использовались деревянные подставки в виде рогулек, которые закреплялись на вертикальных опорах. Применение рогулек на горизонтальном станке нецелесообразно, так как укрепить их в земле надежно не представляется возможным. При сильном натяжении нитей основы сложно достичь устойчивости всей конструкции.

На представленном станке мобильной и простой конструкции можно выполнить ткани высокой плотности различных переплетений. При наличии земляного пола на нем можно работать также в жилище. Единственный недостаток конструкции — небольшая длина нитей основы, ограниченная расстоянием между двумя палками. Но простота снования и заправки станка это компенсирует. Многие исследователи относят текстиль с петлями в начале кромки к выработанному на вертикальном станке, но и на горизонтальном станке данной конструкции также образуются начальные петли. Достаточно после окончания ткачества вынуть каркасные палки, не разрезая нити основы.

Еще одной часто встречающейся находкой на территории Восточной Европы в раннем железном веке, о которой имеются различные суждения о ее назначении (Крис 1982; Смирнов 1971), являются глиняные грузики «дьякова типа» с зубчиками (рис. 1, л). На основе следов потертостей от нитей на некоторых экземплярах автор проанализировала конструкции грузиков на предмет использования их для производства текстиля разных видов. Экспериментальным путем был реконструирован технологический процесс плетения на них (Савенкова 2013).

Основным определяющим признаком этих конусообразных изделий является наличие углублений, расположенных по периметру широкого диска. Форма

грузиков, представляющая собой тело вращения, предполагает использование их для изготовления кругового текстиля. Структура переплетения ткани могла образовываться путем соединения нитей способом перевивки или перекладывания из одной насечки в другую. В этом случае образуется ткань плетеной структуры, имеющая одну вертикальную систему нитей.

Впервые предположение об использовании грузиков для выработки кругового текстиля при помощи перевивания нитей было высказано И. Л. Чернаем (Черная 1981: 77). Однако с предложенными им реконструкциями ткацких станков при использовании одновременно большого числа грузиков в одном приспособлении (Там же: 75, рис. 3, 8, 10, 11) нельзя согласиться. Хотя грузики «дьякова типа» имеют одинаковую конструкцию (т. е. зубчики), они различаются по форме, высоте, размеру и, главное, по количеству зубчиков, поэтому не могут являться частью одного ткацкого станка. Технологический эксперимент показал, что перекладывание нитей с одного предмета на другой физически осуществить невозможно.

Грузики «дьякова типа» можно отнести к классу неподвижных текстильных приспособлений. Единая нерасчлененная форма, устойчивая конструкция, использовавшаяся на протяжении веков, минимальные конструктивные составляющие (т. е. зубчики) указывают на то, что каждый грузик — это отдельное самостоятельное орудие. Следы потертостей внутри центрального канала предметов указывают на способ крепления приспособления путем подвешивания на центральную направляющую нить. В центральный канал заправляется нить или пучок нитей, при помощи которых осуществляется крепление всего приспособления. Нити, задействованные в производстве текстиля, размещаются в углублениях широкого диска. Чем большее количество зубчиков имеет пряслице, тем большее количество нитей участвует в работе и тем шире получается диаметр готового изделия. На грузиках с небольшим количеством насечек можно изготовить шнуры, на грузиках с большим количеством насечек при более слабом натяжении нитей — круглые сетки (рис. 2, 4).

Второй способ заправки реконструирован О. Н. Бадером на основе данных, полученных при анализе грузиков Ивановского городища. На грузиках исследователь отметил расходящиеся от центрального отверстия по радиусам тонкие желобки, которые были протерты выходящими из отверстия нитями, преломлявшимися под прямым углом. На некоторых грузиках имеются желобки между зубчиками края, которые направляются всегда к центру и составляют продолжение радиально расходящихся желобков у отверстия (Бадер 1950: 96, 103). Следы потертостей явно указывают на способ заправки нитей в грузик (рис. 2, 1).

Нити протаскиваются через центральный канал в количестве, равном количеству углублений на грузике. От центрального отверстия они расходятся радиально по периметру грузика и заправляются в углубления большого диска (рис. 2, 2). При этом способе заправки грузик удерживается левой рукой, правой рукой производится перевивание или перекладывание нитей в определенной последовательности. Готовое изделие с плоскости большого диска втягивается внутрь канала. Последовательность действий повторяется до тех пор, пока все нити не перевиются. Переплетая ряды, готовое изделие каждый раз втягивается внутрь центрального канала.

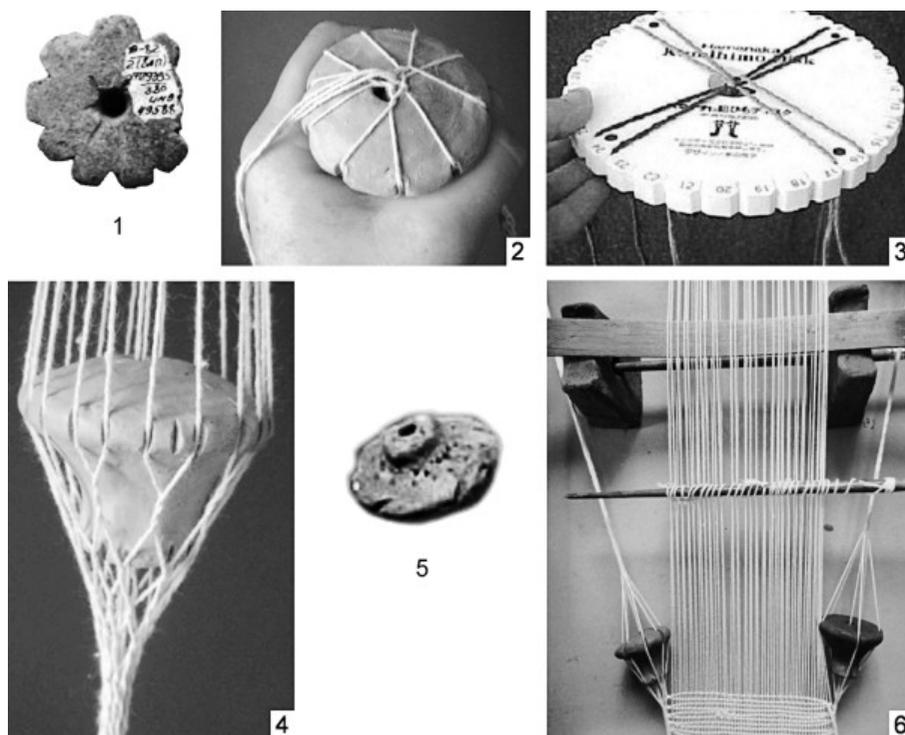

Рис. 2. Грузики «дыякова типа»: 1 — Дьяково городище (по Кренке 2011); 2, 4 — плетение круглых шнуров на грузиках «дыякова типа»; 3 — плетение шнура на японском станке кумихимо; 5 — грузик «дыякова типа» с косою насечкой; 6 — горизонтальный ткацкий станок с использованием «рогатых кирпичей» и грузиков «дыякова типа» (реконструкция)

Fig. 2. Weights of the «Dyakovo type»: 1 — Dyakovo settlement (after Кренке 2011); 2, 4 — cord weaving with the use of weights of the «Dyakovo type»; 3 — cord weaving on the Japanese loom (Kumihimo); 5 — weight of the «Dyakovo type» with oblique incisions; 6 — horizontal weaving loom with the use of «horned bricks» and weights of the «Dyakovo type» (reconstruction)

В Японии до настоящего времени популярно плетение шнуров — кумихимо. Шнуры, изготовленные в технике кумихимо, обладали большой прочностью, их использовали для сбруи лошадей, скрепления частей доспехов воинов, завязывания женских поясов кимоно — оби (Кери 1997). Прimitивный станок для кумихимо представляет собой диск с насечкой по периметру (рис. 2, 3). Отличительная особенность заправки — нитями заполняются не все прорези. Текстиль образуется путем перекалывания нитей в пустые прорези. Готовый шнурок выводится в центральное отверстие и подтягивается по мере изготовления снизу.

На грузиках «дыякова типа» можно вырабатывать шнуры путем перекалывания нитей в свободные прорези аналогично японскому плетению кумихимо. Грузик заправляется вторым способом и удерживается в левой руке.левой рукой нити прижимаются к тулову грузика, и подтягивается готовый шнурок, выхо-

дящий из центрального канала. Правой рукой осуществляется переключивание нитей. В отличие от японского станка нити на грузике не фиксируются жестко, поэтому, чтобы исключить их выскальзывание из насечек, переключивание возможно только на одной стороне грузика, который приходится постоянно поворачивать. Возможно, нити все же выскакивали при плетении, и поэтому появилась модификация грузиков с кривой насечкой, призванная ликвидировать этот недостаток (рис. 2, 5). Плетение проводится под насечками большого диска. Место соединения нитей фиксируется зубчиком. Выполнив плетение по кругу, надо тянуть за пучок нитей, выходящих из центрального канала нижней части грузика, вытягивая готовое изделие из отверстия.

На основе ранее проведенного автором исследования об использовании грузиков «дьякова типа» в качестве приспособлений для плетения шнуров был создан вариант ткацкого станка с включением их в конструкцию вместе с «рогатыми кирпичами». Для заправки был выбран первый способ подвески грузиков на одну направляющую нить. В экспериментальном станке по краям текстиля полотняного переплетения были закреплены нити с заправленными на них грузиками. Одновременно ведется плетение круглых кромок и ткачество полотна, в процессе которого шнуры прикрепляются к ткани утком. Круглые кромки выполняют еще одну функцию — растягивают ткань в стороны, так как на станке без берда нити основы обладают способностью сбегаться, от чего ширина ткани сужается (рис. 2, 6). Использование круглой кромки было оправдано целесообразностью придания прочности изделию, так как край одежды наиболее подвержен износу.

К реконструкции этого вида станка автора подтолкнули материалы археологических раскопок средневекового могильника X–XI вв. в Залахтове. Культура населения, которое его оставило, имеет прибалтийско-финский характер. Средневековый финский костюм был украшен большим количеством плетеных украшений. На краях изделий в качестве кромки часто использовался плетеный круглый жгут, играющий роль круглой кромки (Хвоцинская 2004: 111). Такое переплетение можно изготовить различными способами, в том числе на грузиках «дьякова типа». Повсеместные находки на городищах раннего железного века «рогатых кирпичей» и грузиков «дьякова типа» дают возможность предположить, что у предков финно-угорских народов в это время уже существовал обычай украшения одежды плетеными шнурами.

Обращение к текстильным находкам могильника Залахтове, обильно декорированным плетениями из шнуров круглой и плоской в сечении формы с нанизанными бронзовыми спиральками, показывает достаточно трудоемкий способ изготовления обрядового средневекового костюма. Реконструкция изготовления шнура толщиной 2 мм, плоской в сечении формы, ограниченной с двух сторон плетением, аналогичным косе в три пряжи, демонстрирует уникальную технику, не имеющую аналогов в этнографии (находка 731/132)¹.

Перед началом работы нити распределяются следующим образом: пять рабочих нитей (а, б, в, г, д) располагаются по обе стороны от центральных, создающих

¹ Выражаю благодарность Н. В. Хвоцинской за возможность ознакомиться с материалами могильника Залахтове.

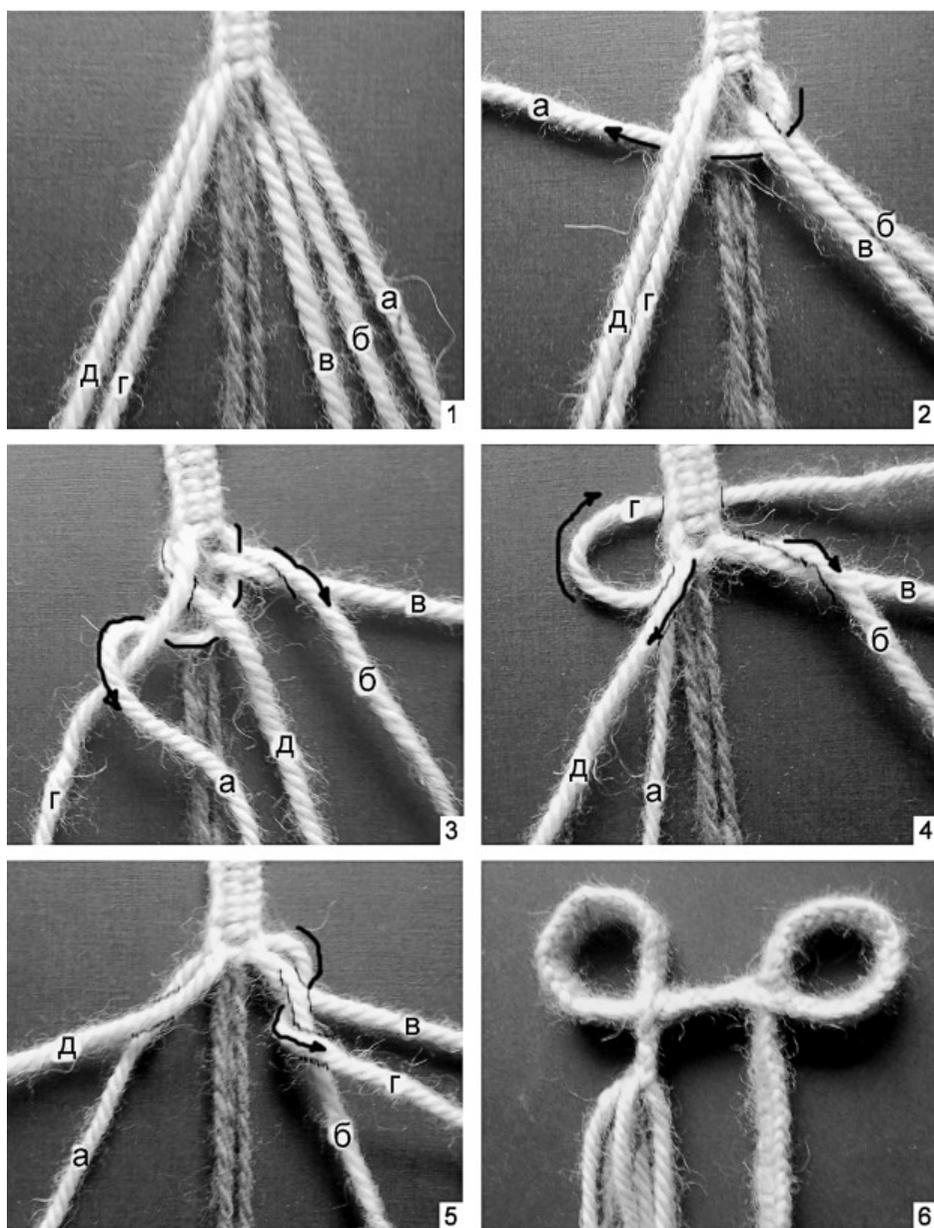

Рис. 3. Реконструкция изготовления шнура для декорирования одежды из финского могильника Залахтовье (X–XI вв.)

Fig. 3. Weaving of cords used for decorating clothes from the Finnish cemetery of Zalakhovie (X–XI cc.), reconstruction

основу изделия (рис. 3, 1). Нить «а» переплетается с нитями «б», «в», образуя плетение первой косы в три нити, и перекидывается под нити «г», «д», формируя лицевую часть шнура (рис. 3, 2). Нить «б» переплетается с нитью «в», нить «г» — с нитью «д». Нить «а» выводится наверх и вступает в переплетение с нитью «г», продолжая плетение второй косы в три нити (рис. 3, 3). Рабочая нить «д» перекалывается к нитям «б», «в», формируя заднюю сторону шнура (рис. 3, 4), прокидывается под ними и выводится наверх, переплетаясь с нитью «б», возвращаясь к этапу плетения первой косы (рис. 3, 5). Для создания плетеного орнамента все нити делятся на две части, готовая часть шнура пропускается между ними, затем выполняется следующий участок изделия до второго соединительного узла (рис. 3, 6).

Этот пример демонстрирует сложность технического исполнения средневекового ручного переплетения, имеющего ритуальное значение. Декорированная красивейшим кружевом из тончайших нитей обрядовая одежда украшалась особенно тщательно. Как отдельные нити и узлы, так и все плетение целиком имели магическое значение оберегов, которые должны были сопровождать человека в загробный мир. Сложный способ изготовления плетений, как и сама текстильная технология, возможно, были своеобразным ритуалом, отвечающим древнему мировоззрению.

Можно заключить, что повсеместные находки и широкое распространение «рогатых кирпичей» на городищах дьяковской, юхновской культур и скифских поселениях подтверждают предположение о том, что у народов, населяющих Восточную Европу в раннем железном веке, горизонтальный ткацкий станок использовался как преобладающая форма. Возможно, в процессе эволюции текстильного ремесла происходила не последовательная смена одного вида устройства другим, а вертикальный и горизонтальный ткацкие станки использовались параллельно, и на каждом определенном этапе развития общества один из них занимал лидирующее положение. Солярная символика в декоре некоторых «рогатых кирпичей» не противоречит изложенной гипотезе, так как подобными знаками у многих народов традиционно украшались инструменты для прядения и ткачества.

Литература и источники

Бадер 1950 — *Бадер О. Н.* Древние городища на Верхней Волге // Третьяков П. Н. (ред.). Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 90–132 (МИА. № 13).

Воропаева 2005 — *Воропаева Н. Н.* Жертвенники и жертвоприношения оседлого населения скифского времени в лесостепном Подонье // Новик: Сб. науч. работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского ГУ. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2005. Вып. 10. С. 6–13.

Кери 1997 — *Кери Дж.* Руководство для начинающих по плетению шнуров. Искусство Кумихимо. Search Press Ltd., 1997. 64 с.

Крис 1982 — *Крис Х. И.* Грузики дьякова типа из Боршевы // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 40–47.

Кренке 2011 — *Кренке Н. А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Падин 2004 — *Падин В. А.* Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н. э. — X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований. Брянск, 2004. 152 с. (Очерки по истории археологии Брянской области. Вып. 2).

Пузикова 1978 — *Пузикова А. И.* Городище у д. Нартово под Курском // Козенкова В. И. (ред.). Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 49–55.

Пузикова 1981 — *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье (VI–V вв. до н. э.). М.: Наука, 1981. 119 с.

Савенкова 2013 — *Савенкова М. М.* Реконструкция технологии выработки текстиля на грузиках «дьякова типа» // Черных И. Н. (отв. ред.). Мат-лы 13–15-го заседаний науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2013. С. 409–417 (Тверской археологический сборник. Вып. 9).

Смирнов 1971 — *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Краснов Ю. А. (ред.). Древнее поселение в Подмоскovie (Троицкое городище). М.: Наука, 1971. С. 80–98 (МИА. № 184).

Сыроватко 2003 — *Сыроватко А. С.* Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Москворечья // РА. 2003. № 2. С. 72–79.

Хвоцинская 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтове). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. 6).

Чернай 1981 — *Чернай И. Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) (Chernai I. L. Textile production among the Dyakova culture tribes [on the materials of the Seletskoye settlement]) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

РАЭ — Ростиславльская археологическая экспедиция. <http://www.option.ru/company/society/rostislavl>.

ON THE FUNCTIONS OF «HORNED BRICKS» AND WEIGHTS OF THE «DYAKOVO TYPE»

M. M. SAVENKOVA

Keywords: *East Europe, Early Iron Age, Dyakovo culture, «horned bricks», weights of the «Dyakovo type», horizontal weaving loom.*

The Early Iron Age settlements of the Dyakovo culture (I mil. B. C. — first half of the I mil. A. D.) yielded numerous finds of «horned bricks». They represent quadrangular or sub-trapezoid blocks of clay with widened basal part and concave upper surface. The question of their function remains unresolved: both cultic and utilitarian purposes have been suggested. The prevailing view is that such objects could have been used in hearths as stands for pots or for fixing roaster jacks. The present paper tackles the problem by using the method of experimental modeling of ancient technologies. The finds of unfired «bricks» make it possible to attribute these objects to

the number of weaving loom details. The proposed reconstruction is based on the analysis of the form of «horned bricks». As the bricks stay on a horizontal surface, the reconstruction of the weaving loom was placed parallel to the earth's surface. The bricks are used as supports for the thread separator. Another frequent find in the Iron Age of East Europe are clay weights of the «Dyakovo type». Their function remains unclear too. The signs of attrition left by threads on some of the objects make it possible to reconstruct the technological process of manufacturing cords and nets. The results of this study served as the basis for reconstructing a version of a weaving loom the construction of which included both «horned bricks» and weights of the «Dyakovo type». The ubiquity of «horned bricks» on the Dyakovo, Yukhnovo and Scythian settlements gives grounds to suggest, that the horizontal weaving loom was a predominant type of weaving equipment in the Early Iron Age of East Europe.

Literature and archive sources

Бадер 1950 — *Bader O. N. Drevnie gorodisch'ana Verhney Volge (Ancient settlements on the Upper Volga)* // Tretiyakov P. N. (ed.). *Materialy' po arheologii Verhnego Povolj'ya (Materials on the archaeology of the Upper Volga region)*. M.; L.: AS of the USSR, 1950. P. 90–132 (MSA. No. 13) (in Russian).

Воропаева 2005 — *Voropaeva N. N. Jertvenniki i jertvoprinosheniya osedlogo naseleniya skifskogo vremeni v lesostepnom Podon'e (Altars and sacrifices of the sedentary population of the Scythian time in the forest-steppe part of the Don region)* // Novik (Collection of research papers of students and post-graduate students of the Historical Faculty, Voronezh State University). Voronezh: Voronezh SU, 2005. Vol. 10. P. 6–13 (in Russian).

Кери 1997 — *Carey J. Rukovodstvo dlya nachinayusch'ih po pleteniyu shnurov. Iskusstvo Kumihimo (Beginners guide in cord weaving. The art of Kumihimo)*. Search Press Ltd., 1997. 64 p. (in Russian).

Крис 1982 — *Kris H. I. Gruziki d'yakova tipa iz Borshevy' (Weights of the Dyakovo type from Borsheva)* // Brief communications of the IA. 1982. Vol. 170. P. 40–47 (in Russian).

Кренке 2011 — *Krenke N. A. D'yakovo gorodisch'e: kul'tura naseleniya basseyna Moskvyy'-reki v I ty's. do n. e'. — I ty's. n. e'. (Dyakovo settlement: culture of the inhabitants of the Moscow river basin in the I mil. B. C. — I mil. A. D.)*. Moscow: IA RAS, 2011. 548 p. (in Russian).

Падин 2004 — *Padin V. A. Srednee Podesen'e (Trubchevskaya okruga) v VI–V vv. do n. e'. — X–XII vv. n. e'. po materialam arheologicheskikh issledovaniy (Middle Desna region [Trubchevsk area] in the VI–V cc. B. C. — X–XII cc. A. D. in the light of archaeological studies)*. Bryansk, 2004. 152 p. (in Russian).

Пузикова 1978 — *Puzikova A. I. Gorodisch'e u d. Nartovo pod Kurskom (Settlement at the village of Nartovo near Kursk)* // Kozenkova V. I. (ed.). *Voprosy' drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy' (Questions of ancient and medieval archaeology of East Europe)*. M.: Nauka, 1978. P. 49–55 (in Russian).

Пузикова 1981 — *Puzikova A. I. Marickoe gorodisch'e v Poseym'e (VI–V vv. do n. e') (Maritskoe settlement in the Seim region [VI–V cc. B. C.])*. M.: Nauka, 1981. 119 p. (in Russian).

Савенкова 2013 — *Savenkova M. M. Rekonstrukciya tehnologii vy'rabotki tekstilya naрузикah «d'yakova tipa» (The reconstruction of the textile technology with weights of Dyakovo type)* // Chernykh I. N. (ed.). «Tverskaya zemlya i sopredel'ny'e territorii v drevnosti» (*Materials of the 13–15 sessions of the science-methodological seminar «The Tver' land and neighboring*

regions in ancient times). Tver': Triada, 2013. P. 409–417 (Tver' archaeological collection. Vol. 9) (in Russian).

Смирнов 1971 — *Smirnov K. A.* К вопросу о систематизации грузиков «d'yakova tipa» s Troickogo gorodisch'a (*To the question of systematization of the Dyakovo type weights from the Troitskoe settlement*) // Krasnov Yu. A. (ed.). Drevnee poselenie v Podmoskov'e (Troickoe gorodisch'e) (*Ancient inhabitants of the Moscow region [Troitskoe settlement]*). M.: Nauka, 1971. P. 80–98 (MSA. No. 184) (in Russian).

Сыроватко 2003 — *Syrovatko A. S.* Ornamentirovanny'e «rogaty'e kirpichi» s d'yakovskih gorodisch' Moskvorech'ya (*The ornamented «horned bricks» at Dyakovo hillforts in the Moskva basin*) // RA. 2003. No. 2. P. 72–79 (in Russian).

Хвощинская 2004 — *Khvoshchinskaya N. V.* Finny' na zapade Novgorodskoy zemli (Po materialam mogil'nika Zalahtov'e) (*Finns in the west of Novgorod land [on the materials of the Zalakhtovie cemetery]*). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. 428 p. (in Russian).

Чернай 1981 — *Chernai I. L.* Vy'rabotka tekstilya u plemen d'yakovskoy kul'tury' (po materialam Seleckogo gorodisch'a) (*Textile production among the Dyakova culture tribes [on the materials of the Seletskoye settlement]*) // SA. 1981. No. 4. P. 70–86.

РАЭ — Roslislavl Archaeological expedition. <http://www.option.ru/company/society/rostislavl>.

О ПЕЧАТИ № 2 КОРПУСА ПЕЧАТЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

К 60-летию первой публикации

Ключевые слова: древняя Русь, Новгород, печать, датировка, надпись, трезубец.

В 1953 г. в Неревском раскопе Новгорода была найдена печать, включенная в Корпус актовых печатей древней Руси под № 2 (рис. 1). В. Л. Янин датировал печать X в. и атрибуировал ее Изяславу Владимировичу, сыну Владимира Святого и родоначальнику полоцкой ветви русских князей. Эта атрибуция была принята всеми исследователями.

В 2014 г. С. М. Михеев предпринял попытку пересмотреть датировку и персональную принадлежность печати. Исследователь утверждал, что выводы В. Л. Янина *не выдерживают критики*, предложил новое прочтение надписи на печати и датировал ее второй четвертью XII в.

В статье последовательно рассмотрены аргументы как традиционного, так и нового истолкования печати. Установлено, что предпринятые С. М. Михеевым попытки пересмотреть датировку и персональную принадлежность печати № 2 *не выдерживают критики*. Таким образом, традиционная атрибуция печати, предложенная В. Л. Яниным шесть десятилетий назад, выдержала проверку временем.

Введение

Печать, включенная в Корпус актовых печатей древней Руси под № 2, оттиснута по массивному свинцовому бруску (рис. 1). Размеры бруска: 24–30 мм вдоль канала, 38 мм перпендикулярно каналу, толщина — 8–11 мм. В щелевидном канале видны остатки кожаного ремешка (Янин 1955: 39, рис. 11). Булла найдена в Неревском раскопе Новгорода в 1953 г. В. Л. Янин прочитал круговую надпись на лицевой стороне печати как имя «Изяслав». Он отметил, что трезубец на печати является усложнением знака Владимира Святославича (†1015) и близок знаку Ярослава Владимировича (†1054). «Единственный Изяслав, с которым можно связать публикуемую печать, — заключил исследователь, — это старший сын Владимира Святославича, родоначальник ветви полоцких князей — Изяслав Владимирович» (Янин 1955: 40–42; см. также: 1956: 157–158; 1970, т. 1: 41). Такая персонификация владельца печати была принята большинством исследователей.

В самое недавнее время датировку и принадлежность печати № 2 попытался пересмотреть С. М. Михеев. Он предложил новое прочтение легенды и полагал, что печать «была оттиснута примерно во второй четверти XII в.» (Михеев 2014: 55). Исследователь так мотивировал свою датировку печати: «Ранняя датировка буллы В. Л. Яниным была вызвана следующими четырьмя причинами: (1) ошибочным прочтением имени Изяслава в надписи на печати; (2) ошибочной предварительной датировкой рубежом XI–XII в. того слоя, где была найдена булла; (3) наличием на печати княжеского знака и (4) наличием на ней круговых надписей» (Там же: 54–55).

Таким образом, вопрос о датировке и принадлежности печати № 2 требует нового рассмотрения.

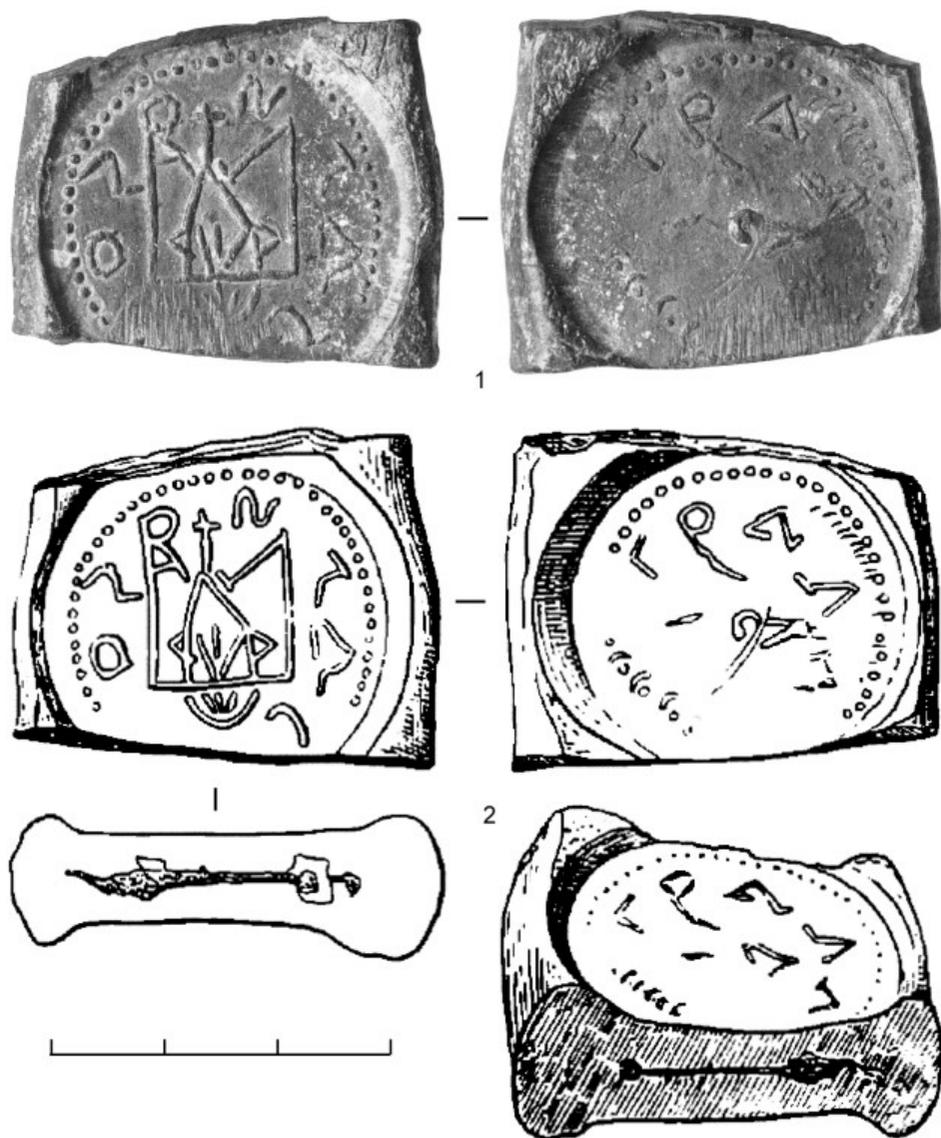

Рис. 1. Печать № 2 Корпуса актовых печатей древней Руси: 1 — фото (по Молчанов 2012; увеличено); 2 — прорисовка (по Янин 1955)

Fig. 1. Seal No. 2 from the Corpus of Old Russian seals: 1 — photograph (after Молчанов 2012; enlarged); 2 — drawing (after Янин 1955)

Обстоятельства находки

Сведения об обстоятельствах обнаружения печати № 2, приведенные в разных публикациях находки, повторяют друг друга. В статье 1955 г. В. Л. Янин отмечал, что «точные условия ее залегания (в слое. — С. Б.) неизвестны. <...> Печать, вымытая дождями из заполнения сруба 19 строительного яруса (рубеж XI–XII вв.), поднята уже по окончании археологических работ» (Янин 1955: 39). Те же сведения приведены в статье 1956 г. (Янин 1956: 157). В каталоге Корпуса информация приведена в более сжатом виде с уточнением датировки яруса: «в слое 19 яруса (выброс); дендрохронологическая дата яруса 1134–1161 гг.» (Янин 1970, т. 1: 166).

Полемизируя с мнением В. Л. Янина, С. М. Михеев подчеркивал, что ранняя датировка буллы объясняется, среди прочего, «ошибочной предварительной датировкой рубежом XI–XII в. того слоя, где была найдена булла» (Михеев 2014: 54). Исследователь счел дендродату 19-го яруса Неревского раскопа одним из оснований для датировки печати и полагал, что «булла № 2 <...> была оттиснута примерно во второй четверти XII в.» (Там же: 52, 55).

Дендрохронологическая шкала Неревского раскопа (Колчин 1963: 90–91) является в настоящее время основой для изучения хронологии средневековых русских древностей. Тем не менее, прямое отождествление датировки слоя с датировкой конкретной находки представляется мне методически некорректным. Напомню, что дата слоя, накопившегося в период функционирования мостовых 19-го яруса, определена интервалом между серией порубочных дат от плах и лаг 19-го яруса до плах и лаг 18-го яруса, причем все датированные образцы взяты с настилов Кузьмодемьянской улицы (Там же: 86), открытых в южной части Неревского раскопа и исследовавшихся в 1959–1960 гг. Печать № 2 была найдена в 1953 г. в северной части раскопа, в районе перекрестка Великой и Холопьевой улиц (Колчин 1956: 44–45). Здесь спилы не брались вообще, так что абсолютные даты слоя, накопившегося между уличными мостовыми, только с большой долей условности могут быть распространены на напластования, сформировавшиеся в процессе функционирования построек в противоположном конце огромного раскопа.

С. М. Михеев, к сожалению, не придавал значения тому обстоятельству, что печать № 2 «обнаружена <...> не при систематических раскопках, а после их окончания» (Янин 1956: 157), т. е. — не *in situ*. А характеристика обстоятельств залегания находки в слое — «вымыта дождями из заполнения сруба 19-го строительного яруса» (Янин 1955: 39; 1956: 157) — представляет собой не констатацию факта, а лишь предположение автора публикаций. Не случайно, наверное, в каталожном описании печати в Корпусе актовых печатей древней Руси В. Л. Янин ограничился краткой характеристикой обстоятельств находки — «в слое 19 яруса (выброс)» (Янин 1970, т. 1: 166). Таким образом, печать могла попасть в то место, где она была обнаружена, при самых разных обстоятельствах: и «из заполнения сруба», и при локальном точечном перекопе из более ранних отложений, и из более поздних отложений при осыпи стенки раскопа, и, наконец, из отвала при консервации раскопа на зиму. В любом случае, мы не располагаем надежными сведениями о стратиграфическом положении находки, и, следовательно, нет никаких оснований датировать печать № 2 именно временем отложения слоя 19-го яруса.

Замечу, что В. Л. Янин, датируя печать концом X в., ни в одной из публикаций не опирался на датировку слоя, с которым он связывал находку. И это совершенно справедливо. Вне зависимости от того, как датировать слой, с которым исследователь связывал находку — «рубежом XI–XII вв.», «первой четвертью XII в.» или же «1134–1161 гг.» — эта датировка не подкрепляет и не опровергает раннюю дату печати. Таким образом, отсылка С. М. Михеева к якобы «ошибочной предварительной датировке» слоя не может быть аргументом при пересмотре датировки печати.

Надпись на лицевой стороне и проблема круговых надписей на печатях

На лицевой стороне печати оттиснуто изображение трезубца, вокруг которого размещены буквы круговой надписи (утрачено не менее двух букв в нижней части) в окружении точечного ободка. В. Л. Янин, опубликовавший печать, первоначально прочитал надпись как ИЗАС(Л)АОЗО, т. е. написанное кириллицей имя «Изяслав» (Янин 1955: 41; 1956: 157), и атрибуировал печать князю Изяславу Владимировичу (†1001). Позднее исследователь интерпретировал завершающую надпись букву «о» как кружок на вершине левого зубца трезубца, а надпись читал как ИЗАС(Л)АВ)ОС (Янин 1970, т. 1: 41, 166). Персонификация печати при этом осталась прежней и была принята большинством исследователей.

С. М. Михеев убежден в том, что оба чтения, предложенные В. Л. Яниным, «не выдерживают критики», поскольку надпись «читается по часовой стрелке, но начинается не наверху, а внизу, под княжеским знаком» (Михеев 2014: 53). Он предположил, что после «поврежденного участка, где могла находиться первая буква надписи, читаются буквы OZONTAC <...>, где буква O между Z и N <...> вырезана резчиком вплотную к княжескому знаку, а буквы T и A <...> идентифицируются не вполне уверенно. Судя по всему, в надписи присутствовало греческое имя Σώζων, первая буква которого уничтожена утратой в нижней левой части печати. Смысл трех последних букв надписи не вполне ясен» (Там же: 53).

С тем, что круговая надпись на аверсе печати № 2 начинается не наверху (от вершины центрального зубца трезубца), а «внизу, под княжеским знаком», я никак не могу согласиться. Такое размещение круговых надписей не известно ни в русской, ни в византийской сфрагистике. К домонгольскому времени относятся, кроме печати № 2, всего две печати, на которых имеется круговая легенда, и в обоих случаях надпись начинается в верхней части буллы. На печати № 3 легенда на реверсе содержит благопожелательную греческую формулу, причем надпись начинается от крестика, помещенного над центральным зубцом якоревидного знака (трезубца?), и читается по часовой стрелке (Янин 1970, т. 1: 35, 166). На печати № 1 круговая легенда на лицевой стороне, судя по местоположению и взаиморасположению букв «+[...].ζτλα[...]»¹, начинается от крестика, размещенного над зубцами двузубца, и читается по часовой стрелке². Аналогичным обра-

¹ Чтение «[...]ζτλα[...]» предложил Н. П. Лихачев (ЛСА: 506, табл. LIII, 14).

² «+[Σφενδο]ζτλα[βος]», по А. А. Молчанову (Молчанов 1988; 1994); С. М. Михеев согласен с тем, что надпись «на аверсе буллы, судя по всему, начинается крестом, находя-

зом размещаются круговые надписи и на византийских печатях VII–XI вв. (ЛСА: табл. LVIII, 1, 4, 7Rv; LX, 6; LXIV, 13, 15; LXVIII, 5; LXX, 9, 14; LXXII, 3; LXXIII, 10, 11–13; LXXIV, 2–4, 7, 9; LXXX, 13).

Круговые надписи на русских печатях XIV–XV вв. также начинаются в верхней части поля буллы и размещаются по часовой стрелке, причем перед надписью нередко помещен крестик (Янин 1970, т. 2: № 422, 427, 434, 443, 448, 474, 477, 579, 591–593, 608–612, 614, 668, 702, 755, 756, 759–761; Янин, Гайдуков 1998: 436а, 436з, 443а, 447а, 522а–522д, 570а, 595б, 607а, 609а, 613б, 668а, 684г, 756а, 760а).

На русских домонгольских печатях № 4 и 5, вопреки общему мнению, круговых надписей нет. По сторонам от изображения воина здесь читается имя Διϋτ[ре]ως, разделенное на две части, представляющие собой надписи типа колончатых, но размещенные не вертикальными колонками, а параллельно ободку (Янин 1970, т. 1: 167). Подобное размещение букв надписи известно на целом ряде печатей. Так, на печати № 208 на лицевой стороне параллельно ободку размещено имя св. Павла справа от изображения, а на оборотной стороне той же печати — нечитаемое имя (?) слева от св. воина (Там же: 207). Точно также на печати № 348 параллельно ободку размещено имя архангела Гавриила, вырезанное на матрице без учета на оттиск (Там же: 227; см. также: Янин, Гайдуков 1998: 159). На аверсе печати № 137 над композицией «Благовещение» вдоль ободка размещена надпись «Радуйся» (Янин 1970, т. 1: 194). На аверсе печати № 590 первое слово легенды «Посадника руског[о]» размещено вдоль края печати, а второе слово — вдоль копья в руке воина (Янин 1970, т. 2: 199). На аверсе печати № 716 над изображением фантастического животного вдоль ободка размещена надпись «А се люты зверь» (Там же: 222). Во всех перечисленных случаях говорить о наличии на печати круговой надписи не приходится.

Не является круговой надписью и легенда на реверсе печати № 121д, поскольку эта легенда не составляет замкнутого круга — надпись начинается от правого плеча святой и завершается у левого ее плеча (Янин 1970, т. 1: 231, 234 под № 121а; Янин, Гайдуков 1998: 127). Аналогичным образом — от плеча до плеча, от правой ноги до левой ноги, от правого края Голгофы до левого края Голгофы — размещались надписи на многих византийских печатях VII–XI вв., причем перед надписью нередко помещался крестик (ЛСА: табл. LVIII, 6, 7Av, 8–13; LX, 10; LXVIII, 2, 6, 7, 10; LXIX, 12; LXX, 15, 18; LXXVI, 5, 10, 12–15; LXXVII, 1–6, 10–12; LXXVIII, 1–7, 10). Точно так же оформлены и размещенные вдоль ободка легенды на златниках и сребрениках Владимира Святославича (Сотникова, Спасский 1983: 114–179) и на сребрениках Святополка Ярополчича (Там же: 180–191). На монетах Святополка с именами «Петрос» и «Петор» легенды имеют вид колончатых надписей (Там же: 191–196). Собственно круговые надписи зафиксированы только на «Ярославле серебре»: легенда начинается от крестика, помещенного над центральным зубцом трезубца, и размещена по часовой стрелке (Там же: 196–201).

щимся над княжеским знаком». Исследователь полагает, что «гипотетическое чтение букв стла исключать нельзя, однако утверждать на его основании, что печать № 1 принадлежала Святославу Игоревичу, не представляется возможным» (Михеев 2014: 52). Альтернативную реконструкцию надписи Михеев, однако, не предложил, отметив: «Перед нами текст, скопированный малограмотным резчиком, что не позволяет предложить его прочтения» (Там же).

Таким образом, утверждение С. М. Михеева о том, что надпись на лицевой стороне печати № 2 «читается по часовой стрелке, но начинается не наверху, а внизу» (Михеев 2014: 53), представляется неприемлемым. Очевидно, что надпись на лицевой стороне печати № 2 начиналась, как и считал В. Л. Янин, от крестовидного завершения центрального зубца трезубца и читалась слева направо (по часовой стрелке). При таком размещении надписи чтение, предложенное С. М. Михеевым, приобретает вид NTAC[...]OZO, т. е. является бессмысленным набором букв вне зависимости от того, кириллическая надпись или греческая. Полагаю, поэтому, что чтением, предложенным С. М. Михеевым, можно пренебречь. В действительности надпись, как и предполагал В. Л. Янин, читается ИЗАС(Л)А)OSO, т. е. содержит имя «Изяслав», написанное кириллицей.

Изображение на лицевой стороне

На лицевой стороне печати № 2 изображен трезубец с широкими боковыми зубцами, тонким центральным зубцом, увенчанным крестиком и опирающимся на каплевидное основание, нижняя часть которого является ножкой трезубца. Комментируя знак, С. М. Михеев отметил, что «полным изображением княжеского знака мы не располагаем, и его ножка могла иметь любое завершение: неизменное, крестообразное или какое-то иное» (Там же: 54). Однако на фотографии хорошо видна округлая ножка трезубца, сохранившая две трети контура, а под царапинами повреждения просвечивает ее недостающий фрагмент и свободное от изображений пространство под ножкой. Очевидно, что ножка трезубца на печати № 2 не имела никакого дополнительного завершения.

Изображение на лицевой стороне печати № 2 неоднократно привлекало внимание исследователей. Первым прокомментировал знак на печати В. Л. Янин. Исследователь подчеркнул, что трезубец представлен в парадном варианте и является «простейшим усложнением хорошо известного знака Владимира Святославича», отличаясь от знака Владимира крестообразным завершением центрального зубца. По мнению Янина, очень близок трезубцу на печати знак Ярослава Владимировича, имевший на вершине центрального зубца не крестик, а кружок (Янин 1955: 40–41). «Единственный Изяслав, с которым можно связать публикуемую печать, это старший сын Владимира Святославича, родоначальник ветви полоцких князей — Изяслав Владимирович», — заключил исследователь (Там же: 42). Эти же соображения Янин повторил и в более поздних работах (Янин 1956: 157–158; 1970, т. 1: 41). Персонификацию знака, предложенную В. Л. Яниным, поддержали И. Г. Спасский и М. П. Сотникова (Сотникова, Спасский 1983: 84). А. А. Молчанов полагал, что на печати № 2 помещено изображение трезубца Владимира Святославича (Молчанов 1982: 225–226; 1985: 68).

С. М. Михеев не согласился с предлагавшимися персонификациями трезубца. Комментируя знак на печати, он отмечал: «Княжеские знаки имеются <...> на большой группе печатей с тамгой на одной стороне и изображением святого на другой (печати № 283–309, по В. Л. Янину). Печати с тамгой и святым относятся ко времени между серединой XII и первой третью XIII в. Наличие княжеского знака и имени святого на печати № 2 сближает ее с указанной группой печатей середины XII — первой трети XIII в.» (Михеев 2014: 54).

Печати с изображениями княжеского знака и святого действительно являются представительным сфрагистическим разрядом в домонгольской Руси (Янин 1970, т. 1: 132–146). Однако на печати № 2 нет ни изображения святого, ни даже его имени, так что единственный аргумент С. М. Михеева для сближения этой печати с печатями, несущими изображения княжеского знака и святого, снимается. Но дело даже не в этом. Изображения княжеских знаков на печатях с изображениями святых (Там же: 134, 136, 137, рис. 7–9) стилистически отличаются от знака на печати № 2, но зато находят себе и стилистические соответствия, и прямые аналогии среди изображений княжеских знаков на пломбах, печатях и перстнях XII–XIII вв. (Белецкий 2002: 113–185), а также в клеймах на гончарных сосудах XII–XIII вв. (Белецкий 2014: 357–378) и на строительной керамике того же времени (Белецкий 2016). В то же время изображение княжеского знака на печати № 2 стилистически близко изображениям княжеских знаков на геральдических подвесках (Белецкий 2004) и на древнейших русских монетах (Сотникова, Спасский 1983). И если датировка подвесок и принадлежность знаков на них могут быть предметом дискуссии, то датировка монет X — первой четвертью XI в. сомнений не вызывает. Таким образом, княжеский знак на печати № 2 следует рассматривать, прежде всего, в контексте известных древнерусских княжеских знаков X–XI вв., как это и предлагал В. Л. Янин.

Надпись и изображение на оборотной стороне

На оборотной стороне печати № 2 прослежено невятное изображение и четыре буквы. В. Л. Янин никак не комментировал эту надпись. По мнению С. М. Михеева, здесь «уверенно читаются буквы $\gamma\rho\alpha$. Кроме того, видны фрагменты неясного изображения (орнаментального?) и, возможно, еще одной буквы. Вероятно, перед нами сокращение от какой-то формы одного из следующих слов: $\gamma\rho\acute{\alpha}\mu\iota\alpha$ “письмо”, $\gamma\rho\alpha\kappa\iota\alpha\tau\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ или $\gamma\rho\alpha\kappa\iota\alpha\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$ “секретарь”. Возможно, Созонт был секретарем князя, чья тамга находится на аверсе печати» (Михеев 2014: 54).

С учетом того, что надпись на лицевой стороне была кириллической, а не греческой, чтение надписи на оборотной стороне по-гречески представляется, как минимум, сомнительным. Но дело даже не в этом. Русская средневековая сфрагистика, как известно, не знает сфрагистических регалий, принадлежавших княжеским секретарям, а сама должность секретаря в аппарате древнерусских князей в письменных источниках не зафиксирована. Полагаю, поэтому, что чтением надписи на оборотной стороне печати № 2, предложенным С. М. Михеевым, также можно пренебречь, а саму надпись рассматривать как кириллическую.

На фотографии видно, что обе матрицы печати № 2 резались одним и тем же мастером — на это указывают сходство внешнего облика надписей на обеих сторонах, о чем свидетельствует более или менее одинаковая глубина вырезанных на поверхности матриц надписей и изображений, оттиснувшихся по заготовке в виде невысокого рельефа. Фрагмент поверхности в нижней части лицевой стороны и соответствующей части оборотной стороны был поврежден частыми царапинами. Подобные повреждения фиксируются и в нижней части поверхности оборотной стороны. С. М. Михеев удачно охарактеризовал эти повреждения: «Небольшой участок в нижней левой части лицевой стороны и в соответствующей ей части оборотной стороны печати поврежден: выступавшие части металла срезаны так, как будто печать обхватили в этом месте наждачной бумагой и резко выдернули» (Михеев 2014: 53).

Но если на поверхности лицевой стороны под царапинами просвечивает скошенная мачта (от буквы А?), то на поверхности оборотной стороны под царапинами следов уничтоженных букв как будто бы нет. Нет следов букв в пространстве между поврежденным участком и буквой Г, а также в пространстве между буквой Д и поврежденным участком. С учетом того, что точечный ободок оттиснулся по всему полю оборотной стороны, и следы этого ободка просвечивают под царапинами поврежденного участка, можно думать, что надпись на оборотной стороне печати ограничивалась четырьмя кириллическими буквами — ГРАД. Возможно, эти буквы являлись частью единой легенды, начало которой помещено на лицевой стороне, а окончание — на оборотной (например: «Град Изяслава» или «Изяславов град»). Но не исключено, что буквы на оборотной стороне представляли собой своего рода аббревиатуру. В этой связи на память приходит надпись на стороне «Б» подвески № 29 (Белецкий 2004: 255–256). Публикуя подвеску, В. Л. Янин не только не комментировал надпись, но даже не отметил, что сторона «Б» у подвески свободна от изображений (Янин 1956: 158). А. А. Молчанов не исключал, что надпись состоит из скандинавских рун, хотя и подчеркивал, что «специалисты-рунологи <...> не считают эту надпись рунической» (Молчанов 1976: 72). С мнением Молчанова согласился и С. М. Михеев, отметивший что на стороне Б подвески процарапано «граффито из пяти руноподобных знаков, не поддающихся прочтению» (Михеев 2014: 58). На мой взгляд, более убедительное чтение предложил Ю. К. Кузьменко (Кузьменко 1982), увидевший в загадочных «рунообразных» знаках буквы кириллического алфавита и предположивший, что здесь имеет место аббревиатура, основанная на наименовании букв: Т(верда) Z(емля) Н(аша) S(ело) Г(лаголи). Если версия Кузьменко справедлива, то на оборотной стороне печати № 2 также могла размещаться аббревиатура, основанная на наименовании кириллических букв: Г(лаголи) Р(ьцы) А(зь) Д(обро).

Изображение на оборотной стороне печати остается неясным. Наиболее отчетливо читается разомкнутый кружок, занимающий геометрический центр пространства в пределах ободка. Справа от кружка прослеживаются две сходящиеся под острым углом линии. Верхняя из них как будто бы соединялась с кружком, но место соединения повреждено. Нижняя линия с кружком не соединялась. Не исключено, что здесь было помещено изображение птицы с длинным прямым клювом, но это, конечно, не более чем догадка. Прочие выступы вокруг изображения представляют собой дефекты поверхности.

Выводы

В 1953 г. в Неревском раскопе Новгорода была найдена печать, включенная в Корпус актовых печатей древней Руси под № 2. В. Л. Янин датировал печать X в. и атрибуировал ее Изяславу Владимировичу, сыну Владимира Святого и родоначальнику полоцкой ветви русских князей. Предпринятая С. М. Михеевым попытка пересмотреть датировку и персональную принадлежность печати оказалась, на мой взгляд, неудачной.

Напомню, что печать № 2 была оттиснута на массивном свинцовом бруске со щелевидным каналом, в котором сохранились остатки кожного ремешка (рис. 1, 2). Очевидно, что рассматриваемый предмет не являлся, строго говоря, актовой печатью, т. е. печатью, скреплявшей документ. Возможно, это была своеобразно оформленная геральдическая подвеска или же, что менее вероятно,

sigillum citationis (печать вызова в суд, «позовница»). Однако оттиск по свинцовому бруску был совершен обычным буллотиром, что позволяет сохранять за предметом обозначение «печать».

Литература и источники

Белецкий 2002 — *Белецкий С. В.* Знаки Рюриковичей. Ч. 2: Знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду). СПб.: СПб ГУ культуры и искусств; ИИМК РАН, 2002. 187 с. (Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3).

Белецкий 2004 — *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и Глеб Лебедев: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 243–319.

Белецкий 2014 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // Лопатин Н. В. (гл. ред.). Археология и история Пскова и Псковской земли: Мат-лы 59-го заседания. Апрель 2013 г. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 357–387.

Белецкий 2016 — *Белецкий С. В.* Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д. (ред.). Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси: Мат-лы конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016 (в печати).

Колчин 1956 — *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). ТНАЭ. 1956. Т. 1. С. 44–137 (МИА. № 55).

Колчин 1963 — *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). ТНАЭ. 1963. Т. 3. С. 5–103 (МИА. № 117).

Кузьменко 1982 — *Кузьменко Ю. К.* Надпись-граффито на подвеске со знаком Рюриковичей // СА. 1982. № 1. С. 247–251.

ЛСА — *Лихачев Н. П.* Сфрагистический альбом. Рукопись // НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 2, д. 444.

Михеев 2014 — *Михеев С. М.* К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45–63.

Молчанов 1976 — *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. 1976. Т. 7. С. 69–91.

Молчанов 1982 — *Молчанов А. А.* Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. 1982. № 3. С. 223–226.

Молчанов 1985 — *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. 1985. Т. 16. С. 66–83.

Молчанов 1988 — *Молчанов А. А.* Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики древней Руси X в.) // Новосельцев А. Н. (ред.). Внешняя политика древней Руси: Юбилейные чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. М.: Институт истории АН СССР, 1988. С. 50–52.

Молчанов 1994 — *Молчанов А. А.* Древнейший памятник русской сфрагистики. Моливдовул князя Святослава Игоревича середины X века // Нумизматический сборник. М.: Московское нумизматическое общество, 1994. № 3. С. 76–81.

Молчанов 2012 — *Молчанов А. А.* Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Макаров Н. А. (ред.). Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 437–447.

Сотникова, Спасский 1983 — *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. 239 с.

Янин 1955 — *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века // КСИА. 1955. Вып. 57. С. 39–46.

Янин 1956 — *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). ТНАЭ. 1956. Т. 1. С. 138–163 (МИА. № 55).

Янин 1970 — Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. 1 — 326 с.; Т. 2 — 367 с.

Янин, Гайдуков 1998 — Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1998. Т. 3. 501 с.

ABOUT SEAL NO. 2 FROM THE CORPUS OF OLD RUSSIAN SEALS

S. V. BELETSKY

To the 60th anniversary of the first publication

Keywords: *Old Rus, Novgorod, seal, dating, inscription, trident.*

The seal included in the Corpus of Old Russian seals under register number 2 (fig. 1) was found in the Nerev excavation area of Novgorod in 1953. V. L. Yanin dated it to the X c. and ascribed to Izyaslav Vladimirovich, a son of Saint Vladimir and the founder of the Polotsk lineage of Russian princes. This attribution was universally accepted among the researchers. In 2014 S. M. Mikheev undertook an attempt to revise both the date and personal attribution of the seal. Asserting that V. L. Yanin's conclusions are not able to withstand criticism, he proposed a new reading of the inscription and dated it to the second quarter of the XII c. The present paper scrutinizes both traditional and new interpretations of the seal. It is shown that S. M. Mikheev's attempts to revise the dating and personal attribution of seal No. 2 *are not able to withstand criticism*. Thus, the traditional attribution of the seal put forward by V. L. Yanin six decades ago has stood the test of time.

Literature and archive sources

Белецкий 2002 — *Beletsky S. V. Znaki Ryurikovichy (Symbols of the Rurikids). Pt. 2: Znaki XII–XIII vv. na pamyatnikah sfragistiki (Symbols of the XII–XIII cc. on the sphragistic monuments)*. St. Petersburg: St. Petersburg SU of Culture and Arts; IHMC RAS, 2002. 187 p. (in Russian).

Белецкий 2004 — *Beletsky S. V. Podveski s izobrajeniem drevnerusskikh knyajeskih znakov (Pendants with images of Old Russian princely insignia) // Machinsky D. A. (ed.). Ladoga i Gleb Lebedev: Vos'my'e chteniya pamyati Anny' Machinskoy (Ladoga and Gleb Lebedev: Eighth readings dedicated to the memory of Anna Machinskaya)*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2004. P. 243–319 (in Russian).

Белецкий 2014 — *Beletsky S. V. Drevnerusskie knyajeskie znaki v goncharny'h kleymah (Old Russian princely insignia on potter's stamps) // Lopatin N. V. (ed.). Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli: Mat-ly' 59-go zasedaniya. Aprel' 2013 g. (Archaeology and history of Pskov and Pskov land: Materials of the 59th session. April 2013)*. M.; Pskov; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2014. P. 357–387 (in Russian).

Белецкий 2016 — *Beletsky S. V. Drevnerusskie knyajeskie znaki v pamyatnikah arhitektury' (Old Russian princely insignia on architectural monuments) // Ioanissyan O. M., Jolshin D. D. (eds.). Oboronitel'ny'e sooruzheniya i monumental'noe zodchestvo Drevney Rusi (Defensive constructions and monumental building of Old Rus)*. St. Petersburg: State Hermitage, 2016 (in press) (in Russian).

Колчин 1956 — *Kolchin B. A. Topografiya, stratigrafiya i hronologiya Nerevskogo raskopa (Topography, stratigraphy and chronology of the Nerev excavation area) // Artsikhovskiy A. V.,*

Kolchin B. A. (eds.). Proceedings of the NAE. 1956. Vol. 1. P. 44–137 (MSA. No. 55) (in Russian).

Колчин 1963 — *Kolchin B. A. Dendrochronologiya Novgoroda (Dendrochronology of Novgorod)* // Artsikhovskiy A. V., Kolchin B. A. (eds.). Proceedings of the NAE. 1963. Vol. 3. P. 5–103 (MSA. No. 117) (in Russian).

Кузьменко 1982 — *Kuzmenko Yu. K. Nadpis'-graffito na podveske so znakom Rurikovichey (Graffito inscription on a pendant with the symbol of Rurikids)* // SA. 1982. No. 1. P. 247–251 (in Russian).

ЛСА — *Likhachev N. P. Sfragisticheskiy al'bom. Rukopis' (Sphragistic album. Manuscript)* // Scholarly archive of ИМЧ RAS, MD, f. 35, list 2, file 444 (in Russian).

Михеев 2014 — *Mikheev S. M. K probleme atribucii znakov Rurikovichey (To the problem of attribution of the symbols of Rurikids)* // *Drevnyaya Rus': voprosy' medievistiki (Old Rus: questions of medieval studies)*. 2014. No. 4 (58). P. 45–63 (in Russian).

Молчанов 1976 — *Molchanov A. A. Podveski so znakami Rurikovichey i proishozhdenie drevnerusskoy bully' (Pendants with the symbols of Rurikids and the origin of Old Russian bulla)* // *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)*. 1976. Vol. 7. P. 69–91 (in Russian).

Молчанов 1982 — *Molchanov A. A. Esch'e raz o tamanskom bronzovom «brakteate» (Once again about the Taman' bronze «bracteate»)* // SA. 1982. No. 3. P. 223–226 (in Russian).

Молчанов 1985 — *Molchanov A. A. Ob atribucii lichno-rodovyy'h znakov knyazey Rurikovichey X–XIII vv. (About the attribution of the personal and generic symbols of Rurikids of the X–XIII cc.)* // *Vestnik drevney istorii (Journal of ancient history)*. 1985. Vol. 16. P. 66–83 (in Russian).

Молчанов 1988 — *Molchanov A. A. Pechat' Svyatoslava Igorevicha (k voprosu o sfragisticheskikh atributah dokumentov vneshney politiki drevney Rusi X v.) (Seal of Svyatoslav Igorevich [towards the question of the sphragistic attributes of documents related to the external policy of Old Rus in the X c.]*) // Novoseltsev A. N. (ed.). *Vneshnyaya politika drevney Rusi: Yubileynye chteniya, posvyasch'. 70-letiyu so dnya rojdeniya V. T. Pashuto (External policy of Old Rus: Jubilee readings dedicated to the 70th birth anniversary of V. T. Pashuto)*. M.: Institute of History of the AS of the USSR, 1988. P. 50–52 (in Russian).

Молчанов 1994 — *Molchanov A. A. Drevneyshiy pamyatnik russkoy sfragistiki. Molivdovul knyazy Svyatoslava Igorevicha serediny' X veka (Oldest monument of Russian sphragistics. Pendant seal of prince Svyatoslav Igorevich of the middle X century)* // *Numizmaticheskiy sbornik (Numismatic volume)*. M.: Moscow numismatic society, 1994. No. 3. P. 76–81 (in Russian).

Молчанов 2012 — *Molchanov A. A. Znaki Rurikovichey: drevnerusskaya knyajeskaya e'mblematika (Symbols of Rurikids: Old Russian princely emblems)* // Makarov N. A. (ed.). *Rus' v IX–X vekah: Arheologicheskaya panorama (Rus in the IX–X centuries: Archaeological panorama)*. M.; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. P. 437–447 (in Russian).

Сотникова, Спаский 1983 — *Sotnikova M. P., Spasskiy I. G. Ty'syacheletie drevneyshih monet Rossii: Svodny'y katalog russkikh monet X–XI vv. (Millennium of the oldest coins of Russia: Joint catalogue of Russian coins of the X–XI cc.)*. L.: Iskusstvo, 1983. 239 p. (in Russian).

Янин 1955 — *Yanin V. L. Drevneyshaya russkaya pechat' X veka (Old Russian seal of the X century)* // Brief communications of the IA. 1955. Vol. 57. P. 39–46 (in Russian).

Янин 1956 — *Yanin V. L. Visly'e pechati iz novgorodskih raskopok 1951–1954 gg. (Pendant seals from the Novgorod excavations of 1951–1954)* // Artsikhovskiy A. V., Kolchin B. A. (eds.). Proceedings of the NAE. 1956. Vol. 1. P. 138–163 (MSA. No. 55) (in Russian).

Янин 1970 — *Yanin V. L. Aktovy'e pechati drevney Rusi X–XV vv. (Old Russian seals of the X–XV cc.)*. M.: Nauka, 1970. Vol. 1 — 326 p.; Vol. 2 — 367 p. (in Russian).

Янин, Гайдуков 1998 — *Yanin V. L., Gaidukov P. G. Aktovy'e pechati drevney Rusi X–XV vv. (Old Russian seals of the X–XV cc.)*. M.: Nauka, 1998. Vol. 3. 501 p. (in Russian).

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА КРЫМА В СЕРИЙНОМ СБОРНИКЕ «ДРЕВНОСТИ СТЕПНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И КРЫМА»/«СТАРОЖИТНОСТІ СТЕПОВОГО ПРИЧОРНОМОР'Я І КРИМУ»¹

М. Т. КАШУБА

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Крым, энеолит, бронзовый век, история науки, научная биография.*

В статье рассматривается история изучения энеолита — бронзового века Крыма на страницах серийного сборника «Древности степного Причерноморья и Крыма»/«Старожитності степового Причорномор'я і Криму» (соответственно, ДСПК/ССПК). Сборник выходит в Запорожском национальном университете. Инициатором и основным исполнителем этого серийного издания является Г. Н. Тоцев. Крымские памятники и проблематика занимают до 20 % его содержания. Среди обобщающих и публикационных работ преобладают последние, отражая оперативный ввод в научный оборот новых материалов курганов, поселений и стоянок. Отмечены наиболее интересные проблемные статьи (стелы с изображениями близнецов, «кеми-обинская» культура, «евпаторийская» группа катакомбной культуры и др.). За четверть века существования серийный сборник внес существенный вклад в развитие археологии Северного Причерноморья, Крыма и Восточной Европы.

Интерес к истории отечественной археологии, существенно оживившийся в последнее десятилетие, имеет много причин и дает интересный повод для специального изучения. Этот своеобразный историографический бум отметили ученые, специализирующиеся в области историко-научных и историографических изысканий в археологии. Хотя оценки исследователей разнятся, к числу важнейших следствий сложившейся ситуации относят ожидания прорывов как в теоретической, так и в проблемно-тематической областях (см.: Клейн 2012: 11; Мельникова 2015: 251 сл.; Колесникова и др. 2015: 241 сл.). Прорывы такого рода обеспечивают дальнейшее развитие историографии, а также накопление данных, которые могут быть использованы в изучении истории науки и в историко-биографических исследованиях.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10162а(ц).

Многие археологи не пишут специальные работы по истории науки — они являются активной частью этой истории. К их числу принадлежит и Геннадий Николаевич Тощев (рис. 1, 1). Он окончил исторический факультет Одесского государственного университета в 1973 г. В годы учебы его наставниками были П. О. Карышковский, В. Н. Станко, А. В. Гудкова и И. Т. Черняков. Будучи студентом, Г. Н. Тощев каждое лето работал в новостроечных экспедициях (Ингульская, Днестро-Дунайская), посещал ведущие библиотеки и археологические учреждения в Киеве, Ленинграде, Москве, Кишиневе, дважды участвовал во Всесоюзных археологических студенческих конференциях (г. Москва). Работая учителем в сельской школе, он получил свой первый Открытый лист и вместе с коллегами — учителями, бывшими однокурсниками, провел тотальное археологическое обследование Татарбунарского р-на Одесской обл. Украины.

С 1976 г. начинается новый этап трудовой деятельности Г. Н. Тощева — он становится сотрудником Отдела археологии Северо-Западного Причерноморья (г. Одесса) и, одновременно, аспирантом заочной формы обучения ИА НАН Украины (руководитель С. С. Березанская). Далее — ежегодная, иногда по полгода, полевая работа в новостроечных экспедициях в Одесской и Крымской областях Украины, в Молдавии; в 1982 г. — защита кандидатской диссертации по теме «Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья».

Многолетняя плодотворная деятельность Г. Н. Тощева в Запорожском национальном университете (ЗНУ) началась в 1986 г., когда он с супругой С. И. Андрух (рис. 1, 1, 2) переехал из Одессы в Запорожье по приглашению руководства вуза. Буквально через несколько месяцев после переезда под руководством Геннадия Николаевича начала свою деятельность Археологическая лаборатория, сотрудники которой уже летом приступили к исследованиям пос. Планерское в Крыму. Двухлетние (1986–1987 гг.) раскопки этого крупнейшего памятника среднего бронзового века на Крымском п-ове значительно увеличили и разнообразили коллекцию материалов этого периода.

В 1988 г. начинаются исследования у с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Украины. Здесь на возвышенности правого берега совр. Каховского водохранилища находился могильник Мамай-Гора — один из крупнейших могильников Северного Причерноморья, впервые осмотренный экспедицией Б. Н. Гракова в 1946–1947 гг. Интенсивное разрушение береговой линии вызвало необходимость проведения спасательных раскопок, которые С. И. Андрух и Г. Н. Тощев продолжают и по сей день. Итогом многолетних работ стало открытие разновременных погребений — от эпохи неолита до средневековья (всего более 600 комплексов). Материалы раскопок после всесторонней обработки, включая различные анализы, оперативно вводились в научный оборот (Андрух 2000; Андрух, Тощев 1988–2009). Параллельно велись исследования курганов и поселений в Запорожской и Херсонской обл. Украины. Результаты исследований докладывались на многочисленных научных форумах в Украине, Молдове, Румынии, Болгарии, Польше и Германии.

Археологическая лаборатория ЗНУ выступила также инициатором проведения чтений «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»,

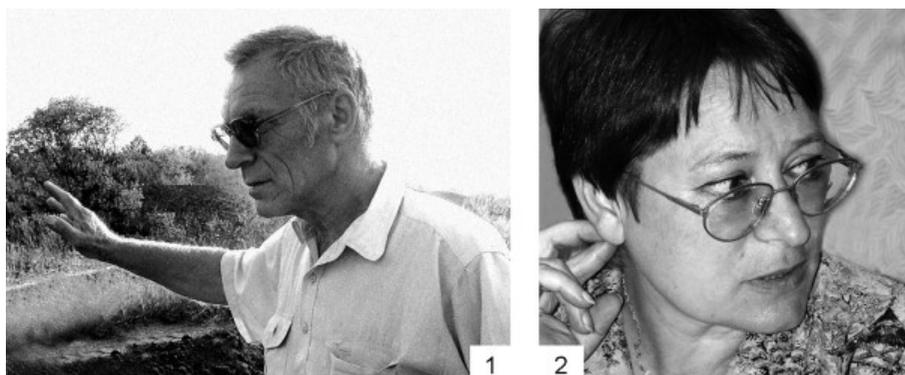

Рис. 1. Основатели и основные исполнители серийного сборника «Древности степного Причерноморья и Крыма»/«Старожитності степового Причорномор'я і Криму»: 1 — Г. Н. Тощев; 2 — С. И. Андрух

Fig. 1. Founders and main authors of the series of volumes «The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea»: 1 — G. N. Toshchev; 2 — S. I. Andruk

посвященных памяти Б. Н. Гракова. В работе чтений, проведенных в 1989, 1994, 1999, 2004 и 2009 гг., приняли участие археологи из разных стран, что существенно продвинуло разработку многих важнейших проблем позднего периода эпохи бронзы и железного века всего причерноморского региона.

Значительной вехой в изучении среднего периода эпохи бронзы стал также проведенный на базе лаборатории в 1990 г. всесоюзный семинар «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности», в работе которого приняли участие 55 специалистов (Проблемы... 1990). В трех докладах из 51 рассматривались и материалы Крыма. Через несколько лет близкая тематика отразилась на страницах сборника «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)», вышедшего в Запорожье в 1998 г. (Проблемы изучения... 1998).

Заполненным оказался и пробел в издании материалов новоостроечных экспедиций Крымского п-ова. В трех томах «Курганные древности Крыма» полноценно опубликованы результаты деятельности Северо-Крымской экспедиции в 1980–1990 гг. (Колтухов и др. 1994; Колтухов, Тощев 1998; Колотухин, Тощев 2000; рец.: Пустовалов 1998).

Организационный потенциал Г. Н. Тощева раскрылся и в налаженном им серийном сборнике научных трудов «Древности степного Причерноморья и Крыма»/«Старожитності степового Причорномор'я і Криму» (далее — ДСПК/ССПК).

К 20-летию сборника увидел свет библиографический указатель научных статей, опубликованных в ДСПК/ССПК в 1990–2009 гг. (Бібліографічний покажчик... 2011). Это издание содержит не только ценные сведения научно-информационного характера (Ляшко 2011: 11 сл.). Предисловие к указателю написал один из ведущих специалистов по эпохе бронзы Восточной Европы В. В. Отрощенко (см. также Отрощенко 1995: 192 сл.). В предисловии имеется вдумчивый анализ и конструктивные

замечания/пожелания, в нем также отмечен существенный вклад сборника в развитие археологии Северного Причерноморья и Восточной Европы в целом (Отрошенко 2011: 8 сл.). Оценивая региональные издания в Украине, В. В. Отрошенко подчеркнул, «чтобы там дальше ни случилось, но мощный издательский бум 90-х гг. XX — нулевых гг. XXI в. — реальность, сотворенная современными поколениями украинских археологов» (Там же: 10). Справедливости ради отметим, что в те годы издательский бум охватил всю территорию бывшей большой страны.

Необходимость подобного серийного издания была обусловлена разными факторами, среди которых в профессиональной археологической среде немаловажную роль сыграл информационный голод конца 1980-х гг. Г. Н. Тошев и С. И. Андрух, как и многие коллеги, большую часть года находящиеся в новостроечных экспедициях, ощущали его наиболее остро. До сих пор большое количество накопанных тогда материалов еще ждут своего исследователя². Г. Н. Тошев, используя издательский потенциал ЗНУ, с 1990 г. начинает издание серийного сборника научных статей, одна из основных целей которого — качественное введение в научный оборот материалов преисторической археологии. Удачно выбранное название сборника предопределило немалый географический охват публикуемых материалов и широту проблематики, с одной стороны, а также интерес исследователей к самому изданию, с другой.

Начиная с первого выпуска 1990 г. крымские памятники энеолита — бронзового века присутствуют практически в каждом номере. Согласно библиографическому указателю в 15 выпусках сборника было напечатано 78 статей (около 20 %), посвященных крымским памятникам и проблематике.

Работы подразделяются на две группы: обобщающие и публикационные. Последние преобладают — авторы получили возможность оперативно вводить в научный оборот новые материалы раскопок курганов, поселений и стоянок. Учитывая то обстоятельство, что долгое время настольной книгой для многих археологов-бронзовиков являлись известные монографии А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой (Щепинский, Черепанова 1969; 1972), публикация «свежих» материалов оказалась весьма своевременной.

Серия статей по Крыму начинается с первого выпуска, в котором опубликованы четыре работы или без малого 1/3 содержания сборника³. Здесь важна аналитическая статья Г. Н. Тошева по катакомбным памятникам полуострова, которая явилась едва ли не первой обобщающей работой по этой проблематике. Введение в научный оборот и обработка значительного количества материалов, в том числе полученных непосредственно исследователем в составе Северо-Крымской экспедиции (1982–1983 гг. — начальник В. А. Колотухин), позволило дать всестороннюю характеристику и катакомбной культуры в целом, и трех этапов ее

² В растущих год от года публикациях материалов новостроечных экспедиций иногда отсутствует фамилия держателя Открытого листа. Обычно последним обладали начальники экспедиций.

³ После издания Указателя в 2011 г. вышли еще три тома ССПК (XVI, XVII и XVIII), в которых опубликованы три работы по материалам Крыма.

развития в Крыму, а также выявить хронологию этих древностей. При этом отмечалось, что полуостров необходимо рассматривать как южную периферийную зону ККИО, куда происходил отток населения из степного Причерноморья. На известных материалах были прослежены и различного рода контакты между носителями катакомбной и позднеямной культур.

Большое значение имело выделение «евпаторийской» группы (погребения с вытянутыми на спине скелетами), в настоящее время признаваемой всеми исследователями. Данная группа, рассмотренная Г. Н. Тошевым как позднекатакомбная группа периода КИОМК, существовала одновременно с классическими образованиями, для которых характерно скорченное на боку положение умерших. При этом не исключалось, что евпаторийская серия отражает одну из стадий развития каменско-планерского культурного образования. Основные положения этого исследования нашли развитие в последующих работах Г. Н. Тошева и других ученых. Однако большой объем материалов, отраженный лишь в полевых отчетах А. А. Щепинского (архив ИА НАН Украины)⁴, остается до сих пор неизвестным широкому кругу исследователей.

Далее наполнение номеров крымскими преисторическими памятниками и связанной с ними проблематикой различается от выпуска к выпуску, где-то занимая 1/4–1/3 содержания сборника, а где-то и меньше. Важнее — публикация старых, ставшими эпонимными памятников, а также круг рассматриваемых проблем, когда, казалось бы, сугубо «крымская» тема раскрывалась в широком культурно-историческом контексте. Приведу несколько примеров.

Публикация через полвека после открытия эпонимного кургана Кеми-Оба (Щепинский, Тошев 2001: 50 сл.) позволила раскрыть содержание «кеми-обинской культуры». В начале своего изучения она была выделена лишь на территории Крыма, но благодаря разработкам А. А. Щепинского ее ареал постепенно разрастался, покрывая территорию Северного Причерноморья. При этом фиксировалось параллельное сосуществование носителей этих древностей с позднеямным населением. Введение в научный оборот архивных материалов и анализ известных находок в конечном итоге убедительно показали неправомерность выделения «кеми-обинской культуры» (Тошев 2007: 89, 92; 2011: 100–102; Häusler, Tošček 2009). Однако вопрос остается дискуссионным, а его решение связано с разработкой проблем транскультурных связей и генезиса (исходная область, идея?) мегалитических сооружений и монументальной скульптуры. По имеющимся на сегодня данным «ящичные комплексы» можно рассматривать как один из типов погребальных сооружений ямной культуры.

Некоторые антропоморфные стелы из горного Крыма (Тошев 2002: 23 сл.) имеют весьма примечательное изображение близнецов, которое обнаруживает стилистическое и композиционное сходство с «близнецами» на стенах дольмена Джубга Черноморского побережья Кавказа. Выявленный В. А. Трифионовым ограниченный, но своеобразный круг аналогий позволяет уточнить хронологический кон-

⁴ После смерти А. А. Щепинского был поднят вопрос об издании всех его полевых отчетов, однако этот проект пока не реализован.

текст случайно найденных крымских стел в Верхоречье, Казанках и Ак-Чокраке, поместив их во вторую половину IV — первую половину III тыс. до н. э. (Трифонов 2014: 121 сл.). Здесь важно предположение, что населяющие тогда горный Крым и Западный Кавказ сообщества могли составлять единую культурную среду, «в которой по обе стороны Керченского пролива циркулировали единые художественные стандарты изображения мифологического сюжета, возможно, космогонического толка» (Там же: 124 сл.). Этот вопрос, безусловно, имеет большой потенциал дальнейшего изучения.

Тесные взаимосвязи (общая культурная среда?) древнего населения Крыма с Кавказом ощутимы и в раннем железном веке. На поселении Уч-Баш в Юго-Западном Крыму Э. А. Кравченко открыла металлургический железодельный комплекс второй половины IX–VIII в. до н. э. (Кравченко 2011: 119 сл.). Своими технологическими приемами, принципом организации рабочего пространства и способом возведения горнов металлургическая мастерская Уч-Баша тесно сближается с производством черного металла в кавказских мастерских (Кравченко 2013: 279 сл.). Эти данные позволили исследовательнице выдвинуть положение о наличии в Юго-Западном Крыму субкавказского очага железодельного производства. Он мог здесь возникнуть благодаря прямым контактам между населением кобанской культуры Северного Кавказа и племенами кизил-кобинской культуры, что прослеживается и в последующее время — между населением Северо-Западного Кавказа (западная/абинская группа протомеотских памятников) и Крыма (Эрлих 2007: 34 сл.).

Как видим, тесные связи между общностями бронзового — начала раннего железного веков Крыма и населением Северо-Западного Кавказа формировали своеобразную «сеть», благодаря которой осуществлялась передача новшеств в материальной и духовной сферах. Могла ли через Крым в древности происходить взаимопередача идей и технологий между северо-причерноморскими степями и Кавказом, покажут дальнейшие исследования.

В завершение этого небольшого экскурса отмечу, что проект ДСПК/ССПК продолжается, его создатели собирают следующий, XIX том, в котором крымские археологические материалы займут свое почетное место. Современная ситуация обязывает бережно и внимательно знать и рассказывать обо всех исследованиях и исследователях древних культур Крыма.

Литература

Андрух 2000 — *Андрух С. И.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье: Вид-во ЗНУ, 2000. Кн. 2. 283 с.

Андрух, Тошев 1988–2009 — *Андрух С. И., Тошев Г. Н.* Могильник Мамай-Гора. Запорожье: Изд-во ЗГУ/ЗНУ. 1988: кн. 1 — 232 с.; 2004: кн. 3 — 201 с.; 2009: кн. 4 — 310 с.

Бібліографічний покажчик... 2011 — Бібліографічний покажчик наукових праць, опублікованих у збірнику «Древности степного Причерноморья и Крыма» (1990–1997 рр.), «Старожитності степового Причорномор'я і Криму» (1999–2009 рр.) / Тошев Г. М. (уклад.). Запоріжжя: Вид-во ЗНУ, 2011. 144 с.

Клейн 2012 — *Клейн Л. С.* Мысли о двух карикатурах: теоретическая археология на пути становления // РАЕ. 2012. № 2. С. 8–12.

Колесникова и др. 2015 — *Колесникова В. А., Яненко А. С., Черновол И. В.* История археологии в Украине: направления исследовательского поиска // Гайдуков П. Г., Тункина И. В. (отв. ред.). Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 4. С. 235–250.

Колтухов и др. 1994 — *Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. Н.* Курганные древности Крыма. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1994. Т. 1. 121 с.

Колтухов, Тощев 1998 — *Колтухов С. Г., Тощев Г. Н.* Курганные древности Крыма. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1998. Т. 2. 194 с.

Колотухин, Тощев 2000 — *Колотухин В. А., Тощев Г. Н.* Курганные древности Крыма. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 2000. Т. 3. 245 с.

Кравченко 2011 — *Кравченко Э. А.* Поселение древних металлургов в Юго-Западном Крыму // Моця О. П. (вид. ред.). Экспериментальна археологія: завдання, методи, моделювання. Київ; М.: Ліра-К, 2011. С. 119–133.

Кравченко 2013 — *Кравченко Э. А.* Раннее железо в Северном Причерноморье и поселение Уч-Баш: технология и традиция // РАЕ. 2013. № 3. С. 258–288.

Ляшко 2011 — *Ляшко С. М.* Вступне слово // Тощев Г. М. (уклад.). Бібліографічний покажчик... Запоріжжя: Вид-во ЗНУ, 2011. С. 11–12.

Мельникова 2015 — *Мельникова О. М.* История и историография археологии в контексте предмета археологии, интеллектуальной истории и современных практик воспроизводства науки // Гайдуков П. Г., Тункина И. В. (отв. ред.). Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 4. С. 251–261.

Отрошенко 1995 — *Отрошенко В. В.* Древности степного Причерноморья и Крыма // Тощев Г. Н. (отв. ред.). ДСПК. Запорожье: Запоріжжя, 1995. Т. 5. С. 192–195.

Отрошенко 2011 — *Отрошенко В. В.* Передмова (до бібліографічного покажчика «Старожитності степового Причорномор'я і Криму») Т. I–XV // Тощев Г. М. (уклад.). Бібліографічний покажчик... Запоріжжя: Вид-во ЗНУ, 2011. С. 8–9.

Проблемы... 1990 — Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: ТД Всесоюзного семинара / Тощев Г. Н. (отв. ред.). Запорожье: Коммунар, 1990. 122 с.

Проблемы изучения... 1998 — Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Тощев Г. Н. (отв. ред.). Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1998. 144 с.

Пустовалов 1998 — *Пустовалов С. Ж.* Рец. на: Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма. I. — Запорожье, 1994. Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма. II. — Запорожье, 1998 // Наукові праці історичного факультету ЗДУ, 1998. Вип. 4. С. 214–217.

Тощев 2002 — *Тощев Г. Н.* О находках и культурной принадлежности крымских стел эпохи энеолита — ранней бронзы // ССПК. 2002. Т. 10. С. 23–33.

Тощев 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Вид-во ЗНУ, 2007. 304 с.

Тощев 2011 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Таврика в III–II тыс. до н. э. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 448 с.

Трифонов 2014 — *Трифонов В. А.* Дольмен Джубга на Черноморском побережье Кавказа // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 104–131.

Щепинский, Тощев 2001 — *Щепинский А. А., Тощев Г. Н.* Курган «Кеми-Оба» // ССПК. 2001. Т. 9. С. 50–86.

Щепинский, Черепанова 1969 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.

Щепинский, Черепанова 1972 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Степные курганы. Симферополь: Таврия, 1972. 112 с. (Археологические памятники Крыма).

Эрлих 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Прото-меотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Häusler, Tošček 2009 — *Häusler A., Tošček G.* Neue Materialien zu den innenverzierten Steinkisten der frühen Bronzezeit auf der Halbinsel Krim // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. 2009. Bd. 91 (2007). S. 67–102.

STUDIES OF THE ENEOLITHIC — BRONZE AGE CULTURES OF CRIMEA IN THE SERIES OF VOLUMES «THE ANTIQUITIES OF THE STEPPE BLACK SEA AREA AND CRIMEA»

М. Т. KASHUBA

Keywords: *North Black Sea region, Crimea, Eneolithic, Bronze Age, history of science, bibliography.*

The paper considers the history of the study of the Eneolithic and Bronze Age as reflected in the series of volumes «The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea». The series is published by Zaporozhye National University. The initiator of the edition and one of the main contributors is G. N. Toshchev. Up to 20 % of its content is devoted to the Crimean sites. While most papers are devoted to the description of newly excavated materials, there is also a number of interesting summarizing and analytical works. During the quarter century of its existence the series has greatly contributed to the development of archaeology in the North Black Sea region and Crimea.

Literature

Андрух 2000 — *Andrukh S. I.* Mogil'nik Mamay-Gora (*Mamai-Gora cemetery*). Zaporozhye: ZNU, 2000. Book. 2. 283 p. (in Russian).

Андрух, Тошев 1988–2009 — *Andrukh S. I., Toshchev G. N.* Mogil'nik Mamay-Gora (*Mamai-Gora cemetery*). Zaporozhye: ZSU/ZNU, 1988: book 1 — 232 p.; 2004: book 3 — 201 p.; 2009: book 4 — 310 p. (in Russian).

Бібліографічний покажчик... 2011 — *Bi'bli'ografi'chniy pokazhchik naukovih prac', opubli'kovanih u zbi'rniku «Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kry'ma» (1990–1997 rr.), «Starojitnosti' stepovogo Prichernomor'ya i' Krimu» (1999–2009 rr.) (Bibliographic index of scholarly papers published in the volumes «The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea» [1990–1997; 1999–2009 pp.]) / Toshchev G. M. (comp.). Zaporozhye: ZNU, 2011. 144 p. (in Ukrainian).*

Клейн 2012 — *Klejn L. S.* My'sli o dvuh karikaturah: teoreticheskaya arheologiya na puti stanovleniya (*Thinking of two caricatures: theoretical archaeology in the making*) // RAY. 2012. No. 2. P. 8–12 (in Russian).

Колесникова и др. 2015 — *Kolesnikova V. A., Yanenko A. S., Chernovol I. V.* Istoriya arheologii v Ukraine: napravleniya issledovatel'skogo poiska (*History of archaeology in Ukraine: directions of inquiry*) // Gaidukov P. G., Tunkina I. V. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoy arheologii (Essays on the history of Russian archaeology)*. М.: IA RAS, 2015. Vol. 4. P. 235–250 (in Russian).

Колтухов и др. 1994 — *Koltukhov S. G., Kislyi A. E., Toshchev G. N. Kurganny'e drevnosti Kry'ma (Barrow antiquities of Crimea)*. Zaporozhye: ZSU, 1994. Vol. 1. 121 p. (in Russian).

Колтухов, Тошев 1998–2000 — *Koltukhov S. G., Toshchev G. N. Kurganny'e drevnosti Kry'ma (Barrow antiquities of Crimea)*. Zaporozhye: ZSU, 1998. Vol. 2. 194 p. (in Russian).

Колотухин, Тошев 2000 — *Kolotukhin V. A., Toshchev G. N. Kurganny'e drevnosti Kry'ma (Barrow antiquities of Crimea)*. Zaporozhye: ZSU, 2000. Vol. 3. 245 p. (in Russian).

Кравченко 2011 — *Kravchenko E. A. Poselenie drevnih metallurgov v Yugo-Zapadnom Kry'mu (Ancient metal-workers' settlement in the southwestern Crimea)* // Motsya O. P. (ed.). *Eksperymental'na arheologiya: zavdannyya, metody, modelyuvannyya (Experimental archaeology: tasks, methods, models)*. Kiev: Lira-K, 2011. P. 119–133 (in Russian).

Кравченко 2013 — *Kravchenko E. A. Rannee jelezo v Severnom Prichernomor'e i poselenie Uch-Bash: tehnologiya i tradiciya (Early iron in the North Black Sea region and the settlement of Uch-Bash: technology and tradition)* // RAY. 2013. No. 3. P. 258–288 (in Russian).

Ляшко 2011 — *Lyashko S. M. Vstupne slovo (Foreword)* // Toshchev G. N. (comp.). *Bi'bli'ografi'chniy pokajchik... (Bibliographic index...)*. Zaporozhye: ZNU, 2011. P. 11–12 (in Ukrainian).

Мельникова 2015 — *Melnikova O. M. Istoriya i istoriografiya arheologii v kontekste predmeta arheologii, intellektual'noy istorii i sovremenny'h praktik vosproizvodstva nauki (History and historiography of archaeology in the context of its subject, intellectual history, and modern practices of science reproduction)* // Gaidukov P. G., Tunkina I. V. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoy arheologii (Essays on the history of Russian archaeology)*. M.: IA RAS, 2015. Vol. 4. P. 251–261 (in Russian).

Отрошенко 1995 — *Otroshchenko V. V. Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kry'ma (The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea)* // Toshchev G. N. (ed.). *Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kry'ma (The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea)*. Zaporozhye: Zaporizhia, 1995. Vol. 5. P. 192–195 (in Russian).

Отрошенко 2011 — *Otroshchenko V. V. Peredmovya (do bi'bli'ografi'chnogo pokajchika «Starojitnosti' stepnogo Prichernomor'ya i Krimu» T.I–XV) (Foreword [to Bibliographic index to vols. I–XV of «The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea»])* // Toshchev G. M. (comp.). *Bi'bli'ografi'chniy pokajchik (Bibliographic index...)*. Zaporozhye: ZNU, 2011. P. 8–9 (in Ukrainian).

Проблемы... 1990 — *Problemy' izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obsch'nosti: Tezisy' dokladov Vsesoyuznogo seminar (Problems in the study of the Catacomb cultural-historical unity: abstracts of the All-Soviet Union seminar)* / Toshchev G. N. (ed.). Zaporozhye: Communar, 1990. 122 p. (in Russian).

Проблемы изучения... 1998 — *Problemy' izucheniya katakombnoy kul'turno-istoricheskoy obsch'nosti i kul'turno-istoricheskoy obsch'nosti mnogovalikovoy keramiki (Problems in the study of the Catacomb cultural-historical unity and Multi-cordoned Ware cultural-historical unity)* / Toshchev G. N. (ed.). Zaporozhye: ZSU, 1998. 144 p. (in Russian).

Пустовалов 1998 — *Pustovalov S. Zh. Review of Koltukhov S. G., Kislyi A. E., Toshchev G. N. Barrow antiquities of Crimea. I. — Zaporozhye, 1994. Koltukhov S. G., Toshchev G. N. Barrow antiquities of Crimea. II. — Zaporozhye, 1998* // *Naukovi' praci' i'storichnogo fakul'tetu ZDU (Proceedings of the Historical faculty of ZSU)*. 1998. Vol. 4. P. 214–217 (in Russian).

Тошев 2002 — *Toshchev G. N. O nahodkakh i kul'turnoy prinadlejnosti kry'mskih stel e'pohi e'neolita — ranney bronzy' (About the finds and cultural affiliation of the Crimean Eneolithic and Early Bronze Age steles)* // *Starojitnosti' stepnogo Prichernomor'ya i Krimu (The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea)*. 2002. Vol. 10. P. 23–33 (in Russian).

Тошев 2007 — *Toshchev G. N. Kry'm v e'pohu bronzy' (Crimea in the Bronze Age)*. Zaporozhye: ZNU, 2007. 304 p. (in Russian).

Тошев 2011 — *Toshchev G. N. Kry'm v e'pohu bronzy'. Tavrika v III–II ty's. do n. e'. (Crimea in the Bronze Age. Taurica in the III–II mil. B. C.)*. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 448 p. (in Russian).

Трифонов 2014 — *Trifonov V. A. Dol'men Djubga na Chernomorskom poberej'e Kavkaza (Dzhugba dolmen on the Caucasian Black Sea shore)* // Transactions of IHMC RAS. 2014. No. 10. P. 104–131 (in Russian).

Щепинский, Тошев 2001 — *Shchepinsky A. A., Toshchev G. N. Kurgan «Kemi-Oba» («Kemi-Oba» barrow)* // The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea. 2001. Vol. 9. P. 50–86 (in Russian).

Щепинский, Черепанова 1969 — *Shchepinsky A. A., Cherepanova E. N. Severnoe Prisivash'e v V–I ty'syacheletiyah do nashey e'ry' (Northern Sivash area in the V–I millennia B. C.)*. Simferopol: Крым, 1969. 328 p. (in Russian).

Щепинский, Черепанова 1972 — *Shchepinsky A. A., Cherepanova E. N. Stepny'e kurgany' (Steppe barrows)*. Simferopol: Tavria, 1972. 112 p. (in Russian).

Эрлих 2007 — *Erlikh V. R. Severo-Zapadny'y Kavkaz v nachale jeleznogo veka. Protomeotskaya grupa pamyatnikov (Northwestern Caucasus in the beginning of the Iron Age. Proto-Meotic group of monuments)*. M.: Nauka, 2007. 430 p. (in Russian).

Häusler, Toščev 2009 — *Häusler A., Toščev G. Neue Materialien zu den innenverzierten Steinkisten der frühen Bronzezeit auf der Halbinsel Krim* // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 2009. Bd. 91 (2007). S. 67–102.

ХРОНИКА

СУНГИРЬ И СТРЕЛЕЦКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (РАБОЧАЯ ВСТРЕЧА КОМИССИИ ПО ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ДОИСТОРИЧЕСКИХ И ПРОТОИСТОРИЧЕСКИХ НАУК)

С. А. ВАСИЛЬЕВ, А. А. СИНИЦЫН, А. А. БЕССУДНОВ

Сложнейшие проблемы генезиса верхнепалеолитической культуры в Евразии и связанные с этим вопросы первоначального расселения ранних представителей человека современного физического типа всегда находились в центре внимания Международного союза доисторических и протоисторических наук (Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques). По инициативе европейских исследователей впервые было предложено провести рабочую встречу постоянной комиссии Союза на российской земле, что, безусловно, является выражением глубокого интереса коллег к проблематике верхнего палеолита Русской равнины. 8–9 февраля 2016 г. в ИИМК РАН на базе Отдела палеолита состоялось заседание комиссии Союза по верхнему палеолиту (Комиссии № 8), собравшее известных исследователей древнего каменного века из различных центров Европейской части России и зарубежных стран. Приветственными речами работу Совещания открыли директор ИИМК РАН В. А. Лапшин, зав. отделом палеолита С. А. Васильев и президент комиссии профессор М. Отт.

Вступительные доклады М. Отта (M. Otte; Льежский университет, Бельгия) и Г. Бозински (G. Bosinski; Доббертин, Германия) были посвящены общему обзору стрелецко-сунгирьского круга памятников, особое внимание в которых уделялось качественно новому образу мышления обитателей Сунгирьской стоянки, выразившемуся в уникальной культовой и обрядово-погребальной деятельности. О теоретических проблемах выделения начального (инициального) верхнего палеолита Евразии и вопросах пространственно-временного распределения стоянок этого периода сообщалось в докладе Н. Цвинса и С. Куна (N. Zwins, C. Kuhn;

Калифорнийский университет, Дэвис, США). Обзор памятников стрелечной культуры Восточной Европы и современного состояния проблем их территориального размещения и хронологии был сделан А. А. Синицыным (ИИМК РАН, СПб). Совместный доклад Е. Ю. Гири (ИИМК РАН, СПб) и П. Ю. Павлова (Институт языка, литературы и истории Коми филиала Уральского отделения РАН, Сыктывкар) был посвящен технологическим критериям отличия изготовления бифасиальных орудий в среднем и верхнем палеолите. Главными критериями отличия производства тонких бифасов в верхнем палеолите, согласно точке зрения докладчиков, являлись стадияльное расщепление и особый способ подготовки площадки для утончения.

В двух докладах обсуждались проблемы происхождения стрелечной культуры. Г. Батай (G. Bataille; Тюбингенский университет, Германия) представил детальную реконструкцию процессов изготовления листовидных орудий на памятниках Костёнки 12 (III) и Буран-Кая III, слой С, что позволило ему сделать вывод о единой адаптивной системе обитателей этих стоянок. В выступлении А. К. Очередного (ИИМК РАН, СПб) с соавторами была продемонстрирована новая серия радиоуглеродных AMS-дат для стоянки Бетово и рассмотрена точка зрения происхождения стрелечной культуры на основе среднего палеолита Десны, выдвинутая в свое время Л. М. Тарасовым.

Блок докладов был посвящен исследованиям и интерпретации материалов Сунгирьской стоянки. В выступлении о проблеме таксономической позиции Сунгирия К. Н. Гаврилов (ИА РАН, Москва) сделал вывод о принадлежности стоянки, как и всех стрелечных памятников, к восточноевропейскому локальному варианту финального селета. Общие вопросы методики отбора образцов и получения радиоуглеродных дат на примере последней серии дат для Сунгирия из Оксфордской лаборатории (RLANA) были рассмотрены в докладе Н. Рейнольдс (N. Reynolds; Оксфордский университет, Великобритания) с соавторами. Предварительные результаты полевых исследований Сунгирьской стоянки в 2015 г. были представлены коллективом авторов во главе с К. Н. Гавриловым и С. Ю. Львом (оба — ИА РАН, Москва). В выступлении А. Б. Селезнева (ИА РАН, Москва) озвучены результаты планиграфического анализа продуктов первичного расщепления в пределах второго и третьего «жилых» комплексов. Характеристике костяной индустрии и предметов искусства Сунгирьской стоянки в контексте раннего верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы были посвящены доклады Т. Е. Солдатовой и В. С. Житенева (оба — МГУ).

Проблематика стрелечных памятников в Костёнках стала темой нескольких докладов. В выступлении А. Е. Дудина и А. М. Родионова (Музей-заповедник «Костёнки», Воронеж) затрагивалась проблема соотношения нижних культурных слоев Костёнок 1 на разных исследованных участках. Продолжением тематики стал доклад П. Эзарца (P. Haesaerts; Королевский институт естественных наук, Брюссель, Бельгия) с соавторами о новой серии радиоуглеродных дат для нижних слоев Костёнок 1, свидетельствующей о длинной хронологии существования стрелечной культуры в Костёнках. Правомерность отнесения к памятникам стрелечного круга III культурного слоя Костёнок II, а также возраст стоянки, основанный на полученной серии «молодых» датировок, обсуждались в докладе Р. Динниса (R. Dinnis;

Оксфордский университет, Великобритания) и А. А. Бессуднова (ИИМК РАН, СПб) с соавторами. О результатах полевых работ 2015 г. на ключевой для понимания стрелецкой проблематики стоянке Костёнки 12 сообщалось в выступлении С. Н. Лисицына (ИИМК РАН, СПб) с соавторами.

В ряде докладов были представлены наиболее близкие аналогии стрелецкой индустрии из числа стоянок Восточной и Центральной Европы. В докладе о технологии производства селетских листовидных острий Моравии З. Нерудова (Z. Nerudova; Моравский музей, Брно, Чехия) отметила сходство набора технических приемов утончения бифасов раннего селета Чехии и стрелецких стоянок Русской равнины. Особому типу бифасиальных наконечников треугольной формы в ряде стоянок позднего селета Моравии было посвящено выступление М. Оливы (M. Oliva; Моравский музей, Брно, Чехия). Сходства и различия предметов искусства стоянок стрелецко-сунгирьского круга и ориньякских стоянок Швабии были продемонстрированы в докладе К. Нойгебауэр-Мареш (C. Neugebauer-Maresh; Институт восточной и европейской археологии, Вена, Австрия). О специфической индустрии стоянки финала среднего — начала верхнего палеолита с выразительной коллекцией двусторонне обработанных острий в бассейне Волги было сообщено А. П. Захариковым (Нижне-волжское археологическое общество, Саратов).

По окончании докладов участникам конференции были продемонстрированы коллекции каменных и костяных изделий стоянок Костёнки 1 (V), 6, 12 (III), 14 (IVб), Бирючья Балка 2, Непряхино. Особый интерес вызвали материалы новых раскопок Сунгирия и Костёнок 12, проводившихся в 2015 г.

Встреча завершилась оживленной дискуссией, в ходе которой были затронуты основные моменты современного этапа изучения стрелецкого круга памятников в контексте палеолита Европы. Предполагается издание материалов собрания в известной международной серии трудов и исследований по доистории Льежского университета (Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège).

«КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ» — ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 130-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦЫ КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ М. И. МАКСИМОВОЙ

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ, С. В. КАШАЕВ

19–20 ноября 2015 г. в Дубовом зале ИИМК РАН прошли чтения «Культура и искусство античного Причерноморья». Это мероприятие, носившее международный характер, было посвящено 130-летию выдающейся исследовательницы классических древностей М. И. Максимовой.

Мария Ивановна Максимова (1885–1974) — старший научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор ЛГУ, сотрудник Государственного Эрмитажа (с 1914 г.), заведующий сектором (1942, 1947–1951 гг.). В РАИМК/ИИМК/ЛОИА АН СССР работала с перерывами в период с 1925 по 1966 г. Основные направления ее научной работы: античные письменные источники; античные города Юго-Восточного Причерноморья; греческая художественная керамика, особенно фигурные вазы; эллинистическая техника; античные резные камни из Ольвии, Херсонеса, Боспора и др.

На чтениях было сделано 25 докладов, посвященных биографии М. И. Максимовой, различным аспектам античной археологии, нашедшим отражение в ее трудах, а также новым археологическим открытиям и находкам. Участие в работе чтений приняли более 50 исследователей из Санкт-Петербурга, различных городов России, а также дальнего и ближнего зарубежья — Москвы, Краснодара, Нижнего Новгорода, Саратова, Севастополя, Киева, Харькова, Франкфурта-на-Майне.

Открыл чтения директор ИИМК РАН д. и. н. В. А. Лапшин, который приветствовал собравшихся и пожелал им плодотворной работы. Далее с приветственным словом выступили заведующий отделом истории античной культуры ИИМК д. и. н. В. А. Горончаровский и председатель утреннего заседания д. и. н. А. А. Масленников (ИА РАН).

В первый день чтений — 19 ноября — было заслушано 10 докладов и сообщений, во второй день — 15. Все они завершались вопросами, а в конце заседаний — дискуссией. Среди прозвучавших выступлений можно отметить следующие.

Ю. А. Виноградов (СПб, ИИМК РАН) выступил с докладом «Мария Ивановна Максимова. Путь российского ученого». Он охарактеризовал основные этапы жизни исследовательницы и, базируясь на архивных материалах, привел малоизвестные биографические факты, раскрыл особенности взаимоотношений с учителями и коллегами, дал общий очерк ее основных научных работ.

Эта тема была продолжена в докладе И. В. Тункиной (СПб, АРАН) «М. И. Максимова: парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.)». Из него собравшиеся узнали о двух частных письмах М. И. Максимовой, направленных М. И. Ростовцеву во время ее пребывания в заграничной командировке. Письма, безусловно, представляют большой интерес для понимания состояния отечественного антиковедения в первое десятилетие советской власти.

Д. В. Журавлев (Москва, Государственный исторический музей) и Д. А. Костромичев (Севастополь, НЗХТ) представили доклад «Об одном богатом погребении Херсонесского некрополя (урна 53 из раскопок Р. Х. Лепера 1912 г.)». В своем выступлении один из соавторов продемонстрировал комплекс инвентаря погребения, раскопанного Р. Х. Лепером и описанного в его полевых дневниках. Сложную и кропотливую работу восстановления этого комплекса удалось осуществить благодаря сотрудничеству двух крупнейших музеев Москвы и Севастополя.

А. В. Буйских (Киев, ИА НАН Украины) и Й. Форназир (Франкфурт-на-Майне, Goethe-Universität) предложили вниманию собравшихся сообщение «Новые исследования в предместье Ольвии». Они рассказали о совместных раскопках украинских и немецких ученых, в результате которых были обнаружены остатки строительных комплексов на ранее не исследованной территории ольвийского предместья.

В докладе М. В. Скржинской (Киев, Институт истории Украины НАН Украины) «Произведения монументального и прикладного искусства в качестве наград для граждан античных государств Северного Причерноморья» проанализированы различные памятники изобразительного искусства (стелы, постаменты статуй, золотые венки, панафинейские амфоры), которые могли являться наградами, полученными за выдающиеся заслуги в государственной деятельности или победы в спортивных соревнованиях.

С. В. Кашаев (СПб, ИИМК РАН) выступил с сообщением «Гемма (инталия) из некрополя Артюшенко-2». Автор продемонстрировал замечательную находку — инталию из горного хрусталя, обнаруженную при раскопках некрополя Артюшенко-2 на Таманском п-ове в 2014 г. На плоской поверхности камня мастерски вырезана фигура сидящей на скале женщины. По стилю и манере изображения этот предмет можно датировать второй половиной V — началом IV в. до н. э.

О. Ю. Соколова (СПб, ГЭ) в докладе «Изделия из кости и рога из раскопок Нимфея» дала обстоятельную характеристику костяных и роговых изделий, найденных в Нимфее. Приведенные ею материалы позволяют сделать выводы о развитии косторезного ремесла в этом боспорском городе.

Я. С. Радолицкая (СПб, ГЭ) сделала доклад «Эрмитажное золото из кургана Куль-Оба в рисунках и гравюрах XIX века: история, особенности воспроизведения, лакуны и перспективы изучения». Ей удалось убедительно показать, что изображения золотых изделий из Куль-Обы в серии рисунков и гравюр XIX в. являются важным источником для изучения этого памятника.

Е. А. Молев (Нижний Новгород, Нижегородский ГУ) в докладе «К вопросу о вероятности подчинения Боспора Персии» выступил против довольно популярной сейчас гипотезы о персидском господстве над Боспором. В частности, он проанализировал отрывок из «Истории» Геродота, в котором говорится, что владения царей Персии доходили лишь до Кавказа.

А. А. Синицин (СПб, Русская христианская гуманитарная академия) выступил с докладом «Античный вариант глобализации и греческий опыт мифологического осмысления пространства». Автор нарисовал яркую картину развития представлений греков о тех землях и народах, с которыми им пришлось столкнуться в ходе плаваний и путешествий по различным уголкам ойкумены.

В докладе С. Г. Колтухова (Симферополь, ИА Крыма) и С. Н. Сенаторова (СПб, ГЭ) «Курган Кулаковского: (по материалам Государственного Эрмитажа)» был подробно проанализирован комплекс предметов из погребения, обнаруженного в кургане близ Симферополя в 1895 г. Этот памятник вошел в науку как курган Кулаковского.

И. Ю. Шауб (СПб, ИИМК РАН) сделал сообщение «Золотая диадема из Артюховского кургана». Он отметил сходство этой диадемы с близкими по исполнению боспорскими украшениями III в. до н. э.

С. Ю. Монахов (Саратов, Саратовский ГУ) выступил с докладом «Амфорный комплекс из усадьбы У7 поселения Панское-I в Крыму». Он дал всесторонний анализ этого очень показательного для Северного Причерноморья комплекса.

Е. В. Кузнецова и Н. Б. Чурекова (Саратов, Саратовский ГУ) в докладе «Опыт создания каталога целых амфорных форм по материалам Керченского музея-заповедника: предварительные результаты» рассказали об исполнении исследовательского проекта по обработке, каталогизации и изданию целых амфор, хранящихся в музеях Крыма. Полученные результаты предполагается опубликовать в нескольких томах.

Т. В. Олейник (Харьков, Харьковский НУ) сделала сообщение «Еще раз к вопросу о методике описания античных каменных кладок Северного Причерноморья в связи с проблемами реставрации ископаемых строительных остатков». Она попыталась унифицировать существующие системы описания античных кладок при работе на различных археологических памятниках.

О. П. Дорошко (Севастополь, НЗХТ) выступила с докладом «Оконное стекло римского времени из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи». Исследовательница продемонстрировала немногочисленные находки оконного стекла из раскопок разных лет и уточнила хронологию его производства в Херсонесе.

В докладе В. В. Дорошко (Севастополь, НЗХТ) «Бронзовые фигурные атташи римского времени из раскопок Херсонеса Таврического» были проанализированы все имеющиеся находки такого рода, а также сделаны выводы об их импорте в Херсонес I–II вв. н. э.

Е. Г. Застрожнова (СПб, АРАН) сделала сообщение «Архитектурные детали и фрагменты из раскопок Фанагории в XIX в.». Исследовательница собрала и проанализировала находки каменных архитектурных деталей, обнаруженные в ходе первых раскопок Фанагории и других античных городов Азиатского Боспора.

В докладе М. И. Тюрина (Севастополь, НЗХТ) «Материалы из цистерны 1950 г. в XIX квартале Херсонеса и вопросы хронологии города позднеллинистического периода» подробно рассмотрены материалы из цистерны, исследованной Г. Д. Беловым и С. Ф. Стржелецким в 1949–1950 гг. Наиболее поздние находки из нее датируются серединой II в. до н. э.

В. А. Горончаровский (СПб, ИИМК РАН) выступил с докладом «Элитное погребение в Семибратнем кургане № 6: к интерпретации комплекса». Он показал, что среди находок, происходящих из этого кургана, имеются предметы, характерные для синхронных женских и мужских погребений Таманского п-ова. Автор

пришел к выводу, что единственной возможностью объяснить эти факты является признание существования среди элиты синдского общества, как и у скифов, традиции энарейства («женской болезни»), связанной с культом Великой богини.

А. В. Иванов (Краснодар, Южный региональный центр археологических исследований) сделал доклад «Племена региона Анапа — Новороссийск и меоты. Сопоставление». На основании проведенного анализа археологических данных он сделал вывод о различиях материальной культуры меотов и племен региона Анапы — Новороссийска.

В. А. Нессель (Севастополь, НЗХТ) в докладе «Краснолаковая керамика из раскопок укрепленного поселения на Маячном полуострове (“Страбонов Херсонес”»)» продемонстрировал находки, обнаруженные в результате новейших исследований на территории античного поселения «Страбонов Херсонес».

С. В. Ушаков и Е. В. Струкова (Севастополь, ИА Крыма, НЗХТ) выступили с докладом «Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы». Они представили археологические комплексы позднеантичного времени, открытые в Херсонесе в последние годы. Анализ находок позволяет заключить, что эти комплексы нужно датировать в пределах V — середины VI в.

Все принявшие участие в чтениях единодушно признали, что проведенное научное мероприятие, собравшее специалистов из многих городов России и зарубежья, стало важным событием в развитии современной античной археологии. Материалы этих чтений будут изданы в «Записках ИИМК РАН» № 14.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. А. АЛЁКШИН

3 февраля 2016 г. состоялось совместное заседание Ученого совета ИИМК РАН и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 130-летию со дня рождения выдающегося представителя петербургской/ленинградской востоковедной школы д. и. н., чл.-корр. АН СССР, академика АН Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и Таджикской ССР А. Ю. Якубовского. С докладом, посвященным его жизни и научной деятельности, выступил заведующий отделом к. и. н. В. А. Алёкшин.

Александр Юрьевич Якубовский, крупнейший исследователь раннесредневековых и мусульманских древностей Центральной Азии, родился 1 февраля 1886 г. в Санкт-Петербурге в семье служащего Государственного банка. В 1906 г. он окончил гимназию в Ташкенте, а в 1908 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Императорского СПб университета, которое окончил в 1913 г. с дипломом I степени.

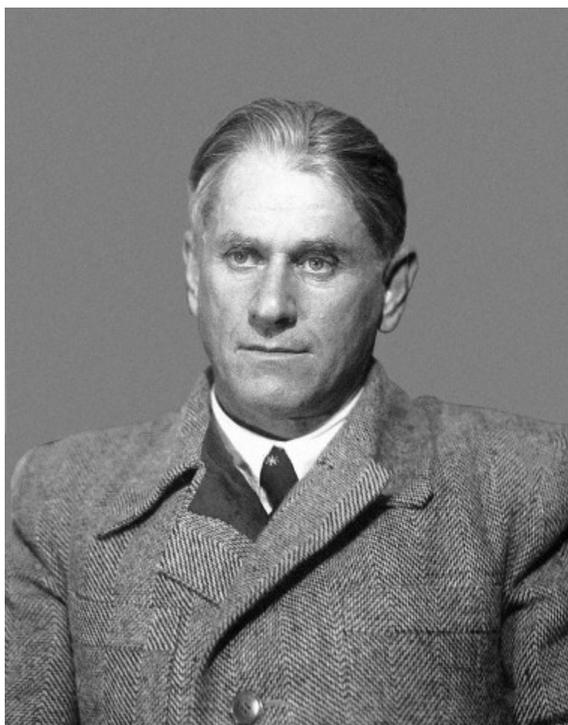
Окончив университет, дипломант преподавал историю в старших классах частной мужской гимназии, открытой на средства Л. Д. Лентовской, жены известного инженера-мостостроителя. После Октябрьской революции 1917 г. это учебное заведение было преобразовано в трудовую школу № 190. В ней А. Ю. Якубовский проработал до весны 1924 г.

Интерес к древностям Востока пробудился у него, видимо, еще в детские годы, когда мальчик вместе с родителями переехал в Самарканд. Однако приступить к изучению культур Востока А. Ю. Якубовский смог лишь в 1920-е гг. Исследователь осваивал арабский язык у академика И. Ю. Крачковского (1920–1925 гг.), персидский (1921–1924 гг.) — у профессора А. А. Ромасевича, а историю мусульманского Востока — у академика В. В. Бартольда, который и стал его учителем. В семинаре Бартольда молодой ученый занимался в 1920–1924 гг.

В апреле 1925 г. по инициативе В. В. Бартольда А. Ю. Якубовский был приглашен на работу в Российскую Академию истории материальной культуры в качестве регистратора разряда археологии и искусства Средней Азии, а 14 ноября 1927 г. был избран научным сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры (далее ГАИМК).

В 1925–1928 гг. ГАИМК регулярно направляла молодого ученого в командировки в Центральную Азию. В 1925 г. он изучал средневековую архитектуру Самарканда; в 1926 г. — Бухары и Шахрисабза; в 1927 г. — Сыгнака и Узгента; в 1928 г. — Куня-Ургенча.

Первую большую экспедицию в Центральную Азию ГАИМК организовала в 1929 г. в Туркмению. Общее руководство работами было возложено на В. В. Бартольда, но раскопками в поле руководил А. Ю. Якубовский, который работал вначале в Старом Мерве, а затем в Куня-Ургенче. Он также осмотрел городище Миздахкан. По результатам этих командировок и экспедиции ученый подробно описал развалины Сыгнака, Ургенча и Миздахкана.

А. Ю. Якубовский, 1949 г.

A. Yu. Yakubovsky, 1949

В 1930 г. А. Ю. Якубовский проводит исследования на городище Булгар, расположенном возле современного города Болгар в Татарстане, в 1932 г. — в Самарканде, в 1934 г. — в окрестностях Бухары.

16 апреля 1932 г. Якубовский становится действительным членом ГАИМК, а в 1934 г. возглавляет кафедру истории феодализма Института истории феодального общества ГАИМК.

В 1934 г. при Совете народных комиссаров Таджикской ССР был создан Ученый совет, в состав которого включили и А. Ю. Якубовского. Совет должен был разработать план научно-исследовательских работ в Таджикистане и контролировать их ход, а также наладить связи с научно-исследовательскими учреждениями СССР с целью подготовки местных научных кадров.

Во второй половине 1930-х гг. исследователь руководит двумя Зеравшанскими археологическими экспедициями (1934 и 1939 гг.), целью которых явилось обследование археологических памятников от Самарканда до Бухары. Ученый произвел раскопки на городищах Тали-Барзу и Кафыр-Кала, а также осмотрел Пайкент.

А. Ю. Якубовского также интересовали вопросы взаимоотношений Золотой Орды с русскими княжествами и связи Хорезма с Восточной Европой.

15 мая 1935 г. постановлением Президиума АН СССР ему присуждена ученая степень доктора истории за работы по истории Средней Азии, изучению ее связей с Восточной Европой и за археологические исследования памятников материальной культуры среднеазиатских республик.

После преобразования ГАИМК в Институт истории материальной культуры АН СССР (далее ИИМК) А. Ю. Якубовский был назначен 1 ноября 1937 г. заведующим Сектором Средней и Центральной Азии ИИМК АН СССР.

После начала Великой Отечественной войны ученый был откомандирован 16 августа 1941 г. в распоряжение Узбекского филиала АН СССР. 13 сентября он приехал в Ташкент, где 15 октября 1942 г. возглавил Ташкентскую часть ИИМК АН СССР (сектор археологии Востока), в составе которой трудились 20 научных сотрудников, хотя далеко не все из них были специалистами в области археологии Центральной Азии. Ученый руководил этой группой ленинградских исследователей по май 1945 г. В годы войны ему удалось создать Фархадскую археологическую экспедицию (Фергана), надзор над полевыми работами которой осуществлял В. Ф. Гайдукевич.

За свои научно-организационные заслуги А. Ю. Якубовский был избран 29 сентября 1943 г. член-корреспондентом АН СССР по отделению истории и философии.

31 мая 1943 г. Президиум Верховного Совета Узбекской ССР присвоил ему звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР за выдающуюся деятельность в области развития советской науки, плодотворную работу в культурном и хозяйственном строительстве, а также в сфере подготовки национальных научных кадров.

18 мая 1945 г. А. Ю. Якубовский возвратился из эвакуации в Ленинград и приступил к работе в Ленинградском отделении ИИМК АН СССР (далее ЛО ИИМК АН СССР), возглавив Сектор Средней и Центральной Азии.

Вскоре после своего возвращения из эвакуации ученый организовал крупнейшую археологическую экспедицию ЛО ИИМК АН СССР, получившую название Согдийско-Таджикской. В ее состав были включены также специалисты из Государственного Эрмитажа и Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН ССР. А. Ю. Якубовский возглавлял эту экспедицию до 1952 г. Ее основная задача заключалась в исследовании городской культуры Центральной Азии до арабского завоевания.

Широкомасштабные раскопки Пенджикента явились фундаментальным вкладом А. Ю. Якубовского в изучение этой проблематики. Экспедиция исследовала Пенджикент комплексно, рассматривая вопросы исторической географии, топографии, топонимики, ремесла, городской застройки, живописи, торевтики и нумизматики.

5 августа 1946 г. Президиум Верховного Совета Таджикской ССР присвоил А. Ю. Якубовскому звание Заслуженного деятеля науки Таджикской ССР за выдающуюся деятельность в области изучения истории и археологии таджиков и Таджикистана.

Ученый уделял много времени подготовке молодых научных кадров Таджикистана. По его инициативе была также написана трехтомная история народов Узбекистана, причем перу исследователя принадлежат предисловие и большая часть первого тома, посвященная периоду с VII в. по XV в. Следуя традициям В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовский, изучив восточные рукописи, разработал концепцию истории народов Средней Азии в эпоху средневековья. Он принял участие и в написании книги «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII–XIX вв.».

Значительное место в творческом наследии ученого занимало исследование связей народов Востока с Древней Русью и Поволжьем. В послевоенные годы А. Ю. Якубовский также занимался вопросами взаимоотношений русов и хазар.

В 1950 г. он опубликовал совместно с академиком Б. Д. Грековым монографию «Падение Золотой Орды» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950), где им написаны предисловие, а также ч. 1 — «Образование и развитие Золотой Орды в XII–XIV вв.» и 3 — «Падение Золотой Орды». За эту книгу авторы получили в 1951 г. Сталинскую премию второй степени.

9 октября 1950 г. Совет министров СССР решил образовать АН Таджикской ССР. Для ее создания была собрана комиссия, в состав которой включили и А. Ю. Якубовского. Открытие Академии состоялось 14 апреля 1951 г. Именно в этот день постановлением Совета Министров Таджикской ССР ученый был избран действительным членом АН Таджикской ССР.

Его научная и научно-организационная деятельность была отмечена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Знаком Почета и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

7 августа 1951 г. А. Ю. Якубовского назначают первым руководителем вновь образованного Сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИИМК АН СССР. На этой должности он оставался вплоть до смерти 21 марта 1953 г. Имя исследователя навсегда связано не только с раскопками в Пенджикенте, но и с созданием национальной школы археологии в Таджикистане.

На заседании Ученого совета ИИМК РАН были также заслушаны доклады сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. Тематика их сообщений соответствовала научным направлениям, которые многие годы разрабатывал А. Ю. Якубовский. Доклад Ю. Г. Кутимова «Новые материалы эпохи бронзы на территории Таджикистана» был посвящен раскопкам новых археологических памятников в Таджикистане, относящихся к эпохе расцвета первобытного общества. В другом сообщении В. П. Никонорова «Парфянская пехота» было рассмотрено развитие военного дела на юге Центральной Азии. В докладе Д. Абдуллоева «Торговые и культурные связи Центральной Азии с Европой в VIII–XIII вв.» были обобщены данные о связях средневековой Центральной Азии с западными странами.

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк
АВ	— Археологические вести. СПб
АЗ	— Археологические записки. Ростов н/Д: Донское археологическое общество
АИ	— Археологические изыскания. СПб
АИУз.	— Археологические исследования в Узбекистане
АН	— Академия наук
АРАН	— Архив РАН
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука
ГУ (ФУ)	— Государственный (Федеральный) университет
ГУП	— Государственное унитарное предприятие
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Л./СПб
ДАЗ/ДАС	— Донецкий археологічний збірник. Донецьк: Изд-во ДГУ/ДНУ
ДГУ/ДНУ	— Донецкий государственный/национальный университет
ДСПК	— Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье: Изд-во ЗГУ
ЗГУ	— Запорожский ГУ
ЗДУ/ЗНУ	— Запорізький державний/національний університет
ЗИИМК	— Записки ИИМК РАН. СПб
ИА	— Институт археологии
ИААЭ	— Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Л.
ИАЭТ СО	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб
КСИА	— Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
ЛОИА	— Ленинградское отделение ИА АН СССР. М.; Л.
ЛСА	— Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом. Рукопись
МГУ	— Московский ГУ им. М. В. Ломоносова

- МДАСУ — Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: Вид-во Східноукраїнського НУ ім. В. Даля
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИИKNCK — Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
- MTЭ — Материалы Тохаристанской экспедиции / Ртвеладзе Э. В. (ред.). Ташкент; Елец
- HA (HOA) — Научный (научно-отраслевой) архив
- HAN — Национальная академия наук
- HЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
- HИИ — Научно-исследовательский институт
- HУ — Национальный университет
- HЦ — Научный центр
- погр. — погребение
- пос. — поселение
- PA — Российская археология. М.
- PAE — Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд-во СПбГУ
- PAH — Российская академия наук
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд. М.
- PO — Рукописный отдел
- РФФИ — Российский Фонд фундаментальных исследований. М.
- CA — Советская археология. М.
- CAИ — Свод археологических источников. М.; Л.: Наука
- СПБГУ — Санкт-Петербургский ГУ
- ССПК — Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя: Вид-во ЗНУ
- TAЭ — Таджикская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР, Института истории АН ТаджССР и ГЭ
- TГЭ — Труды ГЭ. Л./СПб.: Изд-во ГЭ
- TД — Тезисы докладов
- THAЭ — Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР
- Тр. — Труды
- ЮHЦ — Южный научный центр РАН. Ростов н/Д
- AS — Academy of Sciences
- DAC — Donetsk archaeological collection
- DSU — Donetsk State University
- IA — Institute of Archaeology
- ИHMC — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg

INQUA– SEQS	— International Union for Quaternary Research—Section on European Quaternary Stratigraphy
ISK	— Institutet for sammenligende kulturforskning
L	— Leningrad
M	— Moscow
MD	— Manuscript division
MSA	— Materials and studies in the archaeology of the USSR
MSU	— Moscow State University
MTE	— Materials of the Tokharistan Expedition
NAE	— Novgorod Archaeological Expedition
NU/SU	— National/State University
QI	— Quaternary International
RA	— Russian archaeology. M.
RAS	— Russian Academy of Sciences
RAY	— Russian Archaeological Yearbook. St. Petersburg: St. Petersburg SU
SA	— Soviet archaeology. M.
SAI	— Stone Age Institute
SSC	— Southern Science Center of RAS
SU/NU	— State/National University
ZSU/ZNU	— Zaporozhye State/National University

**Список авторов статей,
опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 13**

- Алёшкин Вадим Андреевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Белецкий Сергей Васильевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Бессуднов Александр Александрович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Васильев Сергей Александрович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Горин Алексей Николаевич — Республика Узбекистан, 100029, Ташкент, пл. Мустакиллик, 2.
Институт искусствознания АН Республики Узбекистан, Отдел истории искусств.
- Горончаровский Владимир Анатольевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры
- Кашаев Сергей Владимирович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Кашуба Майя Тарасовна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Колесник Александр Викторович — 83001, Донецк, Университетская ул., 24. Донецкий национальный университет, исторический факультет.
- Колпаков Евгений Михайлович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.

- Лисицын Сергей Николаевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Потапов Вадим Валерьевич — Россия, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41. Южный научный центр РАН, Лаборатория археологии.
- Распопова Валентина Ивановна — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Савенкова Марина Михайловна — Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет, факультет искусств и художественного образования.
- Соболев Владислав Юрьевич — Россия, 191311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3. Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева.
- Синицын Андрей Александрович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Тихонов Роман Владимирович — Россия, 399770, Липецкая обл., Елец, ул. Коммунаров, 28. Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Институт истории и культуры, кафедра всеобщей истории и религиоведения.
- Щелинский Вячеслав Евгеньевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Экспериментально-трасологическая лаборатория.

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 13**

Редактор *М. А. Молчанова*

Корректор *М. А. Молчанова*

Верстка *И. Н. Лицук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;
95 3001 — книги. 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 14.07.2016. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,6. Печ. л. 10. Тираж 300 экз. Заказ 7130

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Отпечатано в ООО «Невская Книжная типография»

95197, Санкт-Петербург, ул. Крупской, д.33, литер А, пом. 10-Н

Тел. +7(812) 643-03-19

Тел./факс: +7 (812) 380-79-50